Странникъ. 1881. Февраль.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ШКОЛЬНОЕ ДѢЛО ВЪ РОССІИ ДО ПЕТРА ВЕЛИКАГО И ВЪ НАЧАЛѢ XVIII ВѢКА. Историческій очеркъ. **Е. М. Прилежаева.**

II. СЛОВО НА НОВЫЙ ГОДЪ. Свящ. **А. Каминскаго.**

III. ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПИТИРИМА НИЖЕГОРОДСКАГО ПРОТИВЪ РАСКОЛА. **Н. А. Сахарова.**

IV. МОЛИТВА «НА ОБИДЯЩАГО».—Очеркъ изъ народныхъ повѣрій. **Ѳ. Н. Тихвинскаго.**

V. СЕРБСКІЙ ПРОТОІЕРЕЙ МАТѲЕЙ НЕНАДОВИЧЪ. М. С. **Джуричича.**

VI. НА НОВЫЙ ГОДЪ. Стихотвореніе. **В. П. Румянцева.**

VII. КЪ ВОПРОСУ ОБЪ УЧАСТІИ ДУХОВЕНСТВА ВЪ ДѢЛѢ НАРОДНАГО ОБРАЗОВАНІЯ. **И. Г. Кулжинскаго.**

VIII. ВНУТРЕННЕЕ ЦЕРКОВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. Московское земство — о церковныхъ приходахъ. Анализъ земскаго постановленія по главнѣйшимъ предметнымъ группамъ. Отзывъ о московскомъ постановленіи газеты «Русь». Наше мнѣніе объ этомъ постановленіи. Великость руководящаго начала и недостатки проекта наличнаго: невыдержанность основной земско-соборной идеи по началу; невыясненность нравственнаго и матеріальнаго положенія духовенства въ процессѣ; проблемматичное положеніе церковнаго хозяйства въ выводѣ. Заключеніе.

IX. ИНОСТРАННАЯ ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ. Общее историческое положеніе западной церк. жизни. — Новыя явленія «культурной борьбы» *во Франціи*: истребленіе священныхъ предметовъ въ школахъ и законъ противъ религіознаго образованія. — Церк. жизнь *въ Англіи*. «Воззваніе англичанина къ буддистамъ». Католицизмъ въ Англіи.—Антисемитическое движеніе *въ Германіи*, его причины и смыслъ. Предложеніе Виндгорста относительно майскихъ законовъ.—*Ватиканъ* и папа Левъ XIII: программа дѣйствія римской куріи въ дѣлахъ внѣшней политики; внутренняя дѣятельность: «Римская академія Ѳомы Аквината»; «Историко-юридическая академія»; періодическая печать и отношеніе къ ней папы; печатные органы римской куріи.

X. ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ.—Русская Рѣчь, 1881, январь: «Религія въ народной школѣ».—Русская Старина, 1881, январь: «Записки сельскаго священника».—Вѣстникъ Европы, 1881, январь: «Малорусское слово».

XI. НОВЫЯ КНИГИ — **Н. Барсуковъ**, Русскіе палеологи сороковыхъ годовъ. Спб. 1880.—Творенія св. Кирилла еп. туровскаго, изд. преосвящ. Евгенія, еп. минскаго и туровскаго. Кіевъ. 1880.

XII. ѲЕДОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ДОСТОЕВСКІЙ.—Некрологъ.

XIII. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ. — О сооруженіи храма на родинѣ святителя Димитрія Ростовскаго.—Проектъ положенія о раскольникахъ.—Дѣятельность московскаго братства св. Петра митрополита.—Постановленіе иркутскаго епархіальнаго съѣзда о религіозно-нравственныхъ бесѣдахъ съ народомъ.—Попечительства о бѣдныхъ духовнаго вѣдомства въ иркутской епархіи. — Коммиссія для разработки правилъ о призрѣніи сирыхъ и убогихъ. — Вопросъ о призрѣніи слѣпыхъ.—Мысль объ учрежденіи общества церковно-клироснаго пѣнія въ Кіевѣ.—Новое духовно-музыкальное сочиненіе. — Изъ неизданныхъ стихотвореній А. С. Пушкина. — Некрологи: В. Н. Лешковъ.—А. Ѳ. Писемскій.—К. А. Тонъ.—Н. П. Соколовъ.—М. И. Смоленскій.—Отъ общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ спб. дух. академіи.

XIV. ЦЕРКОВНО-ОФИЦІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

XV. КНИЖНАЯ ЛѢТОПИСЬ. Книги и брошюры, изданныя съ дозволенія дух. цензуры во второй половинѣ ноября и въ первой половинѣ декабря 1880 года. — Троицкіе листки. — Книги и брошюры, одобренныя для народныхъ школъ.

XVI. ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ШКОЛЬНОЕ ДѢЛО ВЪ РОССІИ

до Петра Великаго и въ началѣ XVIII вѣка.

IV.

На примѣрѣ западной Россіи Москва могла видѣть наглядное оправданіе совершенной разумности тѣхъ отношеній, въ какія сама она ставила себя къ европейскому просвѣщенію.

Смуты междуцарствія и самозванцевъ, постигшія сѣверо-восточную Русь въ началѣ XVII столѣтія, открыли-было и ее губительному напору иноземщины, поспѣшившей вторгнуться въ Россію, въ надеждѣ поживиться бѣдой ея. Польскія руки уже касались Москвы; у папы готовъ былъ планъ введенія уніи въ московскомъ государствѣ; для расширенія «правды католицкой» среди московскихъ схизматиковъ предполагалось немедленное учрежденіе у нихъ семинарій іезуитами [1]). Была пора страшныхъ испытаній для русскаго самоопредѣленія. Но «всѣ единомышленно всею землею» поднялись московскіе люди «противъ общихъ враговъ—польскихъ, литовскихъ и нѣмецкихъ людей, и русскихъ воровъ»,—и явили самобытную мощь духа, оживотворяющаго великое русское православное царство.

Борьба потребовала чрезвычайнаго напряженія силъ. Не поколебленная однако въ своихъ живыхъ основахъ, Москва оправилась отъ потрясеній злого лихолѣтья. И то поступательное движеніе, которое потомъ отмѣчаетъ исторія въ раз-

---

[1]) *Соловьевъ*. Ист. Россіи, VIII, стр. 216—223 (изд. 1866).

ныхъ сторонахъ русской жизни въ продолженіе XVII столѣтія, не прервалось и въ области школы.

И во-первыхъ, печатные буквари, издававшіеся въ XVII вѣкѣ и заключавшіе въ себѣ, вмѣстѣ съ азбукой, начальный матеріалъ ученія, постепенно расширявшійся [1]), и уцѣлѣвшіе отъ того времени такъ называемые азбуковники великорусскіе, гдѣ излагались школьные порядки и обычаи, правила для учащихся и указанія для учителей [2]),—даютъ намъ неоспоримое свидѣтельство о томъ, что наши нисшія школы въ тотъ періодъ стали улучшаться и устроивали свою систему. При этомъ онѣ твердо держались прежнихъ нравственныхъ устоевъ русскаго ученія, были въ союзѣ съ церковью и приходскими людьми, составляли обще-народное достояніе, сливали съ обученіемъ дѣло воспитанія. Отмѣчая иногда къ слову, что «въ иностранныхъ мѣстахъ» приняты другіе школьные уставы, азбуковники при этомъ прибавляли: «у насъ въ Славенороссіи сіе зазорно мнится».

Въ то же время, осторожно и шагъ за шагомъ, не теряя родной путеводной нити, подвигались заботы и относительно высшей своенародной школы. Цѣльная и крѣпкая, Великая Россія могла мѣрно и безъ торопливости приближать эти заботы къ осуществленію, наблюдая за устойчивостью и вѣрностью дѣла, пристально всматриваясь въ привходящія силы и безпристрастно оцѣнивая ихъ со стороны жизненной ихъ значимости для русскаго просвѣщенія.

Дѣятели западно-русской православной школы,—тѣ именно, которымъ не хотѣлось довѣриться приходившей къ нимъ съ Запада наукѣ,—первые обнаружили желаніе примкнуться къ москвичамъ. Какъ видно изъ переписки ихъ съ Москвой, о которой уже было упомянуто, они чувствовали и несостоятельность западной Россіи, утратившей крѣпость быта и нравовъ, и неотъемлемыя права и преимущество московскихъ дѣятелей

---

[1]) *Извѣковъ*, Букварная система обученія. «Семья и Школа», 1872, № 4.

[2]) *Мордовцевъ*, О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII вѣка. «Чт. въ Общ. исторіи и древностей Рос. при Моск. ун.», 1861, кн. 4.

образованія. Братскіе ученые и сами лично пріѣзжали въ Москву: такъ, въ 1627 году былъ тамъ коретцкій протопопъ Лаврентій Зизаній,—«привезъ изъ Литвы книгу Оглашенія своего слогу и билъ челомъ государю святѣйшему патріарху, чтобъ ее исправити» [1]).

Иначе стали себя заявлять въ отношеніи къ московскому просвѣщенію новые представители православной кіевской митрополіи и школы,—люди шляхетскихъ склонностей и не русскаго воспитанія, ни мало не расположенные къ сближенію съ московскимъ государствомъ и оправдавшіе вполнѣ умный отвѣтъ, который дала Москва первому южно-русскому архіерею, возбудившему вопросъ о возсоединеніи Руси: «мысль эта въ васъ самихъ еще не утвержена и о томъ укрѣпленья межъ васъ ещо нѣтъ» [2]). Когда эти новые руководители кіевской школы обратились въ Москву по вопросу о просвѣщеніи, то въ ихъ обращеніи слышались уже особыя нотки, не тѣ, которыя звучали въ упомянутыхъ кіевскихъ посланіяхъ къ московскому царю. Такова была посланная въ 1640 году въ Москву Петромъ Могилой челобитная къ государю о томъ, чтобы онъ въ Москвѣ «благодатію и казною своею царскою монастырь соорудилъ, въ которомъ бы старцы и братія кіевскаго братскаго монастыря живучи, дѣтей боярскихъ и простаго чину грамотѣ греческой и славянской учили». Кіевскій митрополитъ приводилъ въ примѣръ московскому царю волошскаго воеводу, пригласившаго къ себѣ ученыхъ кіевскихъ иноковъ и убѣдившагося на опытѣ въ пользѣ «воздвиженія училищъ отъ благоговѣйныхъ и преславныхъ учителей», — и совѣтовалъ русскому государству послѣдовать этому примѣру, предлагая вскорѣ же прислать въ Москву «старцевъ со учительми» [3]). Сознаніе высокихъ преимуществъ могилянской школы и милостивое снисхожденіе къ невѣжественной

[1]) Лѣтописи русской литературы и древности, 1859, кн. 4-я, стр. 81.

[2]) Исторія возсоединенія Руси, т. III, стр. 225.

[3]) Акты южной и зап. Россіи, III, №№ 33 и 44.

Москвѣ, которую приходилось убѣждать въ пользѣ ученія, довольно ясно сквозили въ представленіи Могилы.

Съ рядомъ подобныхъ же напоминаній о заведеніи училищъ выступали также тогда въ Москвѣ и представители православнаго Востока. Утративъ іерархическую опеку надъ нею и являясь тамъ обыкновенно въ роли просителей милостыни, они пользовались этимъ удобнымъ поводомъ для заявленія своего авторитета и, соображая интересы востока, твердили свободной и богатой, только, по ихъ мнѣнію, не цѣнившей ученія, Москвѣ, о томъ, какъ безпрепятственно и скоро можно бы ей насадить у себя греческое просвѣщеніе и продолжать упавшее дѣло Византіи. Начатыя еще въ концѣ XVI вѣка [1]), эти представленія востока о заведеніи высшаго греческаго училища въ Москвѣ стали потомъ періодически повторяться, когда затихли пронесшіяся надъ Москвой грозы смутнаго времени. Такъ, въ 1645 г. Ѳеофаномъ, митрополитомъ патрасскимъ, пріѣхавшимъ въ Москву за милостыней съ грамотами константинопольскаго и александрійскаго патріарховъ, было предложено русскому правительству особое «писаніе о нѣкоторомъ дѣлѣ весьма нужномъ», содержавшее въ себѣ просьбу о поддержаніи греческаго просвѣщенія. Описавъ стѣсненное положеніе православія у грековъ, лишенныхъ возможности печатать у себя въ Царьградѣ книги богослужебныя и свято-отеческія, такъ что послѣднія издаются папистами и лютерами, вмѣщающими въ тѣхъ книгахъ свою ересь,—авторъ писанія, отъ лица «бѣдныхъ гречанъ», всю ихъ надежду возлагалъ на православнаго московскаго царя. «Да повелишь,—говорилось въ челобитной,—быть греческой печати, и пріѣхать греческому учителю учить русскихъ дѣтей философіи и

---

[1]) Въ 1585 году александрійскій патріархъ Сильвестръ, въ своей отвѣтной грамотѣ царю Ѳеодору Іоанновичу на извѣщеніе его о кончинѣ отца, между прочимъ писалъ: «составь училища и поставь наказателя, чтобы въ немъ учились еллинской грамотѣ и были бы научены отъ многихъ божественныхъ книгъ всей мудрости Божіей православной вѣры». Сношенія Россіи съ востокомъ по дѣламъ церковнымъ, ч. 1, стр. 157—158.

богословіи на греческомъ языкѣ и по-русскому; тогда будутъ переводить многія книги греческія на русскій языкъ, которыя не переведены, и будетъ великая польза обѣимъ сторонамъ и великое добро, да и гречане освободятся отъ лукавства еретиковъ, и исполнятся во всемъ мірѣ православныя христіанскія книги, и не будемъ нуждаться въ тѣхъ, что составлены римскими и лютеранскими; здѣсь сполна древнія книги будутъ печатать и переводить на русскій языкъ прямо, подлинно и благочестиво, и тогда будетъ великая радость во всемъ мірѣ и во всемъ народѣ христіанскомъ, и прославится великое имя царствія вашего по всей вселенной, свыше Птоломея царя» [1]). Въ 1661 году газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ убѣждалъ русскаго царя стать подражателемъ Ѳеодосія и Юстиніана и создать «народныя училища», «къ ученію трехъ языковъ коренныхъ наипаче — греческаго, латинскаго и славенскаго». Церковныя имущества, по мнѣнію Лигарида, доставили бы готовый источникъ матеріальныхъ средствъ для такого предпріятія: имѣя «подъ своею прекрѣпкою рукою толико пребогатыя митрополіи, толико преизобилующія архіепископіи, толикая величайшая монастыри», московскій государь могъ повелѣть, чтобы каждый изъ «сихъ начальниковъ, по мѣрѣ своихъ приходовъ, толико питомцевъ и толико клирикъ препитати тщился ради наученія сихъ трехъ языковъ» [2]). Въ 1666 г. патріархи александрійскій и антіохійскій, лично находясь въ Москвѣ, опять настойчиво побуждали Москву спѣшить учебнымъ дѣломъ и бросали въ русскихъ людей укоромъ за мнимое отвращеніе ихъ отъ премудрости. «Грекове,—толковали патріархи,—сущіи нынѣ подъ игомъ и по вся дни отъ нечестивыя томимыи, въ самомъ кентрѣ или пупѣ мучительства, въ самой глаголемъ Византіи училища отверзоша, ради сохраненія перваго и царственнаго онаго діалекту,—и да не къ тому нѣціи грекове извѣтъ даютъ, яко ходятъ въ страны за-

[1]) Тамъ же, ч. II, стр. 309, 332—337.

[2]) Прибавленія къ изд. твореній св. отцевъ въ русскомъ пер., 1845, кн. 2, стр. 160—162.

падныя еже стяжати ученіе греческое.—Но вы, о преблагословенніи россійстіи людіе, Божіимъ милосердіемъ, ниже ига работы страждете, ниже дани съ насиліемъ даете, но свободно жительствуете и велій покой имѣете,—обаче ученія чужаетеся волею, мало цѣняще, и мудрость, предстоящую Богу, не добрѣ о ней держаще, презираете». Между тѣмъ, устроивъ у себя греческую школу, Москвичи совсѣмъ заставили бы смолкнуть упомянутый извѣтъ на грековъ. «Положи отнынѣ въ сердцѣ твоемъ,—напоминали восточные іерархи московскому царю,—училища такъ греческая, яко славенская и иная наздати, спудеовъ умножити, учители благоискусныя взыскати»; архіереевъ и архимандритовъ русскихъ, имѣющихъ «многія вотчины и доходы довольные», патріархи приглашали раздѣлить съ царскимъ престоломъ бремя этого «божественнаго дѣла» [1]). Въ 1669 году снова какой-то грекъ дѣлалъ представленіе нашему правительству о заведеніи въ Москвѣ греческаго училища [2]).

Москва съ своей стороны не отвергала сношеній съ православными учеными людьми востока и западной Россіи по дѣлу своего просвѣщенія, обращалась къ нимъ за содѣйствіемъ [3]). Но, принимая услуги ихъ, она не поступалась само-

---

[1]) Тамъ же, стр. 163—167.

[2]) Прав. Обозр., 1872, II, 58—57.

[3]) Въ 1633 году константинопольскій патріархъ Кириллъ Лукарисъ по просьбѣ московскихъ великихъ государей—царя и патріарха—хотѣлъ прислать къ нимъ учителя Кіріака отъ св. Аѳонской горы, только онъ ѣхать не могъ по старости своей и безсилію, и Кириллъ обѣщалъ «иного учителя сыскивать и посылалъ имъ полезныя по его мнѣнію для Россіи книги» (Сношенія Россіи съ востокомъ по дѣламъ церковнымъ. Спб. 1860. Ч. II, стр. 146). Сохранился рядъ извѣстій о греческихъ ученыхъ, которые являлись въ Москву, въ качествѣ носителей просвѣщенія. Таковы извѣстія: о пріѣздѣ въ 1633 году протосингелла Александрійскаго патріарха архимандрита Іосифа, жившаго передъ тѣмъ въ разныхъ городахъ юго-западной Россіи для «науки и утвержденія вѣры», и оставленнаго въ Москвѣ «переводить греческія книги на славянскій языкъ и учить малыхъ ребятъ греческому языку и грамотѣ на учительскомъ дворѣ» (Сношенія Россіи съ востокомъ по дѣламъ церковнымъ, ч. II, стр. 4. 7. 142. 143); — о константинопольскомъ архимандритѣ Венедиктѣ, который

стоятельностью своей задачи и выступала въ отношеніяхъ къ греческимъ и западно-русскимъ ученымъ самоустроительницей своего образованія. Упреки въ невѣжественной косности, какіе Москвѣ приходилось при этомъ выслушивать отъ пріѣзжихъ учителей, ее не смущали и не сбивали съ толку. На посторонній взглядъ грековъ, равно какъ и многихъ западно-руссовъ, весь школьный вопросъ Москвы исчерпывался, казалось, однимъ «благополучіемъ и довольствомъ изобильнымъ», которое она «имѣла въ рукахъ своихъ». Въ самой же Москвѣ, властной распорядиться этимъ довольствомъ, вопросъ ставился иначе: тамъ, очевидно, не хотѣли, чтобы московская школа была дѣломъ чужаго ума и не мѣшали жизненному ея росту перенесеніемъ на великорусскую почву цѣликомъ училищъ еллинскихъ или западно-русскихъ. Туземные дѣятели образованія не отступали отъ того общаго и безупречнаго правила московскаго поведенія, которое разъ такъ мѣтко выразилъ одинъ великорусскій бояринъ того времени словами: «держи свой умъ, навыкай русскому извычею» [1]). Оттого-то, напримѣръ, богословская книга Зизанія,

---

пріѣзжалъ въ Москву въ половинѣ XVII вѣка и былъ сильно рекомендованъ греками, какъ отличный учитель; — о навпактскомъ митрополитѣ Гавріилѣ, находившемся учителемъ въ Константинополѣ при патріархіи, который пріѣзжалъ въ Москву въ 1651 году «для богословскаго ученія», будучи отрекомендованъ, какъ «знаменитый богословъ въ родѣ греческомъ»; — объ архимандритѣ Діонисіѣ, который, прибывъ въ Москву въ 1655 году, 15 лѣтъ «работалъ великому государю и св. церкви на печатномъ дворѣ»,—о Мелетіѣ іеродіаконѣ, жившемъ въ Москвѣ одновременно съ Діонисіемъ и несшемъ подобно ему «не малую заботу»;—о Николаѣ Мориціи, греческомъ философѣ и учителѣ, прибывшемъ въ Москву изъ Венеціи въ 1657 году;—объ Арсеніѣ грекѣ, пріѣхавшемъ въ Россію съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ и бывшемъ при патріархѣ Никонѣ учителемъ на печатномъ дворѣ,—и др. (Прав. Обозрѣніе, 1872. II, стр. 57, статья *Голубинскаго*: «Очеркъ исторіи просвѣщенія у грековъ со времени занятія Константинополя турками»).

[1]) Это было сказано по случайному мелкому поводу извѣстнымъ бояриномъ Морозовымъ, въ одномъ изъ писемъ его къ своему приказчику,—обрусѣвшему нѣмцу или поляку. Хорошо протолковалъ эти слова Забѣлинъ, примѣняя ихъ впрочемъ къ одной только государственной политикѣ: «Слова, говоритъ онъ, очень примѣчательныя. Русскій обычай, по отзыву первенствующаго боярина,

которую онъ «привезъ изъ Литвы, своего слогу», прежде ея напечатанія въ Москвѣ была провѣрена и исправлена, причемъ «о тѣхъ статьяхъ, которыя въ ней несходны съ русскими и греческими переводы о Божествѣ и воплощеніи, и о страсти Господни, и о всякомъ дѣйствѣ христіянского закона», справщикамъ велѣно было «поговорить съ Лаврентіемъ любовнымъ обычаемъ и смиреніемъ нрава». И въ томъ «преніи», какое состоялось по поводу этого пересмотра, свѣтло вынаруживается предъ нами строгая и отчетливая православная мысль представителей московскаго просвѣщенія, которые, слѣдя за смысломъ діалектическихъ тонкостей въ изложеніи богословскихъ положеній у Зизанія, находили по мѣстамъ неточности и невѣрности въ терминологіи западно-русскаго богослова, и, разъясняя ихъ, вызывали въ немъ добровольное признаніе, что онъ «тутъ виноватъ, проступился» [1]).

Когда мыслившіе московскіе люди успѣли ближе присмотрѣться къ выходцамъ изъ братскихъ западно-русскихъ школъ, Москва сдѣлала офиціальный вызовъ на службу своему образованію православныхъ ученыхъ западно-руссовъ, которые «Божественнаго Писанія вѣдущи, и еллинскому языку навычны, и съ еллинскаго языка на славенскую рѣчь перевести

руководителя государствомъ, заключался въ томъ, чтобы держать свой умъ. Въ этой мысли всегда коренилась вся политика Москвы, какъ государства, съ самаго ея начала и до той эпохи, когда первенствующее правящее государствомъ сословіе стало держать чужой умъ,—французскій, нѣмецкій, только не русскій... Крѣпкое держаніе своего ума спасло Москву, а съ нею и весь народъ отъ чужаго хозяйничанья въ русской землѣ и тѣмъ очень характерно отличало ея исторію отъ исторіи другихъ славянскихъ племенъ. «Вѣстникъ Европы», 1871, февр., стр. 499—500, статья: «Большой бояринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ».

[1]) «Преніе литовскаго протопопа Л. Зизанія съ игуменомъ Иліею и справщикомъ Григоріемъ по поводу исправленія составленнаго Лаврентіемъ катихизиса» напеч. въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности, 1859, кн. 4, стр. 80—100. Въ 1878 году Обществомъ любителей древней письменности (въ XVII выпускѣ напечатанныхъ имъ памятниковъ) издано факсимиле другаго списка «Пренія», съ миніатюрою, изображающею справную палату и состязающихся.

умѣютъ, и латинскую рѣчь достаточно знаютъ», и «изящны въ ученіи грамматики словенской и греческой, даже до риторики и философіи». И съ 1649 года въ Москвѣ разомъ явилось цѣлое общество западно-русскихъ ученыхъ съ знаменитымъ Епифаніемъ Славинецкимъ во главѣ. Помѣщенные сначала въ загородномъ Андреевскомъ монастырѣ, нарочно для нихъ выстроенномъ московскимъ боярином Ртищевымъ, вызванные ученые спустя нѣсколько лѣтъ были переведены патріархомъ въ Чудовъ монастырь, чтобы трудиться надъ исправленіемъ книгъ, а также и въ училищѣ [1]). Воспользовавшись ихъ силами, чудовское братство и справная палата составили главное средоточіе умственной и литературной дѣятельности Москвы, въ которомъ продолжала свое самовоспитаніе русская православная мысль. Славинецкій и его товарищи принесли въ ученый кругъ Чудова монастыря образованность первоначальныхъ братскихъ школъ западной Руси,— «ясные греческаго ученія лучи», по выраженію Епифанія; коренные московскіе дѣятели, усвоивая эту ученость, привносили отъ себя сознаніе состоятельности и достоинствъ русскаго прошлаго, внимательность къ его правамъ и интересамъ. Такимъ путемъ вскорѣ же изъ среды мѣстнаго общества выдвинулись лица, которыя удивляютъ насъ полнотою своего образованія въ области кореннаго русскаго развитія, соединивъ въ себѣ, съ обширными свѣдѣніями по старинной или современной имъ родной письменности, и знаніе языковъ, и умѣнье пользоваться западными средствами науки. Доказательства того представляютъ намъ труды и дѣятельность ихъ по типографіи, многочисленныя ихъ замѣтки, уцѣлѣвшія на разныхъ книгахъ и рукописяхъ, наконецъ ихъ библіотеки, отличавшіяся обиліемъ, разнообразіемъ и выборомъ, и состоявшія «изъ лучшихъ древнихъ рукописей, греческихъ, славянскихъ и русскихъ, греческихъ и московскихъ печатныхъ книгъ,

[1]) П. С. З. собр. 1, т. I, № 7. Древняя Рос. Вивліоѳ., ч. XVIII, стр. 401. О дѣятельности Епифанія см. статью *Пѣвницкаго* въ Трудахъ кіевск. дух. акад. 1861, т. II.

даже научныхъ пособій, изданныхъ на западѣ, отъ Парижа до Праги и Венеціи» [1]).

Но между тѣмъ, какъ лучами греческой учености такъ удачно начала оплодотворяться своебытная русская мысль, была занесена въ Москву и «искра ученія латинскаго». Кромѣ представителей еллино-славянскаго образованія старыхъ братскихъ школъ, стали являться въ Великороссію и новые кіевскіе ученые. Рядъ ихъ открылъ собою въ 1664 году извѣстный Симеонъ Полоцкій, встрѣтившій благосклонный пріемъ въ придворной сферѣ, еще, какъ видно, не представлявшей глубокой разницы въ характерѣ науки тѣхъ и другихъ западно-руссовъ. Вскорѣ же по пріѣздѣ Полоцкаго въ Москву, былъ ему данъ царскій указъ о заведеніи латинской школы въ Спасскомъ монастырѣ за иконнымъ рядомъ. Молодые подъячіе тайнаго приказа стали первые «учиться по латынямъ» у Полоцкаго. Воспитанникъ кіево-могилянской коллегіи, онъ и въ собственномъ училищѣ сталъ подражать обычаямъ, какіе господствовали въ той коллегіи: главнымъ учебнымъ предметомъ была сдѣлана латынь; школьники заучивали «альваръ», піитику и риторику, сочиняли вирши и орацін; греческому языку совсѣмъ не учились, и самъ Полоцкій не зналъ его [2]). Словомъ, Спасская школа стала сѣять первыя сѣмена новаго направленія въ дѣлѣ образованія московской Руси, направленія чуждаго школѣ Чудовской (и поглощенной ею Ртищевской), гдѣ, по примѣру первыхъ братскихъ училищъ, преимущественно учили по-гречески, и занятіямъ латинскими силлогизмами и діалектикой предпочитали изученіе отцевъ греко-восточной церкви. На московской почвѣ такимъ образомъ столкнулись два, различныя по духу, направленія просвѣщенія,—національно-православное и «латиномудренное».

---

[1]) Прав. Обозр., 1870, январь, стр. 132. 133. 140. 145—154, статья Безсонова: «Юрій Крижаничъ».

[2]) Описаніе славянскихъ рукоп. Моск. синод. библ., отд. II, 2, стр. 100. Древ. и Нов. Россія, 1875, т. III, стр. 15, статья *Майкова* «Симеонъ Полоцкій».

Представители перваго увидѣли теперь на себѣ нравственную обязанность разъясненія предъ московскимъ правительствомъ и обществомъ опасныхъ сторонъ кіевской школы, существеннаго ея отличія отъ старыхъ братскихъ училищъ и кореннаго несоотвѣтствія идеаламъ Русской земли. «Восточная часть», какъ потомъ называли иногда себя московскіе ученики Епифанія, стала зорко наблюдать за дѣятельностью «латиномудренной» части и противодѣйствовать вліянію латинской науки. Когда латинская школа Симеона около 1668 года была закрыта, вниманіе восточниковъ обратилось къ литературнымъ произведеніямъ Полоцкаго, въ которыхъ онъ, принося неизбѣжную дань польско-іезуитской схоластикѣ, выражалъ по мѣстамъ толкованія въ духѣ католичества. Строго слѣдя за неправославными мнѣніями кіевскаго ученаго, православное Чудовское братство не медля обличало ихъ то устными, иногда публичными, состязаніями, то письменными опроверженіями, установлявшими правильныя понятія въ русскомъ сознаніи. Достойно замѣчанія, что въ тѣже годы и правительственныя лица Москвы, толкуя противодѣйствіе малороссійскаго высшаго духовенства въ дѣлѣ подчиненія западной Россіи московскому государю, останавливались на заключеніи, что «горазды они ссорить и возмущать отъ латинской своей науки»,—и когда въ 1666 г. гетманъ Брюховецкій отъ имени духовенства просилъ московское правительство о возобновленіи кіевскихъ латинскихъ училищъ, то получилъ въ отвѣтъ, что лучше «школъ бы теперь не заводить» [1]).

Вскорѣ эта борьба «восточной части» должна была стать еще напряженнѣе, когда на московскій престолъ вступилъ Ѳедоръ Алексѣевичъ, ученикъ Симеона Полоцкаго, когда поднялось вліяніе царскаго наставника и польскій элементъ сталъ значительнѣе въ верхнемъ классѣ московскаго общества. Теперь тамъ рѣшительнѣе заговорили о введеніи «сво-

1) *Соловьевъ*, Исторія Россіи, XI, стр. 213—215, по изд. 1861 г.

бодныхъ наукъ» въ московскомъ государствѣ и Полоцкому уже было предоставлено обдумать устройство будущей академіи. Обстоятельства принимали угрожающій для русской школы характеръ, готовя ей порабощеніе схоластической системѣ кіево-могилянской коллегіи. Положеніе дѣла было вызывающее для лучшихъ носителей русскаго духа: нужно было отстоять родное образованіе отъ печальной судьбы, на которую обрекало его неразумное увлеченіе чужимъ просвѣщеніемъ. И они мужественно выступили предъ обществомъ въ духѣ протеста латино-польскому направленію учености кіевской.

До насъ дошли отъ того времени два характернѣйшихъ памятника, не оцѣненные еще по достоинству: «Разсужденіе, лучше ли есть учитися свободныхъ наукъ или неученымъ быти, и что лучше россійскимъ людемъ учитися греческаго языка, а не латинскаго» [1]), и «Доводъ, яко ученіе и языкъ еллино-греческій наипаче нужно потребный, нежели латинскій языкъ и ученіе» [2]). Вникая въ смыслъ этихъ памятниковъ, невозможно не увидѣть въ нихъ знаменательныхъ проявленій русскаго сознанія, ярко обозначившихъ въ представителяхъ его возвышенное воззрѣніе русскаго цѣльнаго ума на достоинство и назначеніе знанія, чуткость самонаблюденія и глубокое проникновеніе народными преданіями и потребностями образованія. Завѣтное стремленіе Руси къ самобытному типу школы все полнѣе выражалось, все яснѣе

---

[1]) «Разсужденіе» признаютъ трудомъ одного изъ московскихъ учениковъ Епифанія, іеромонаха Евѳимія (извѣстія 2 отд. Имп. Ак. наукъ, т. VI, стр. 245). Списокъ «разсужденія» есть въ рук. сборникѣ Новгор. соф. библіотеки № 423, лл. 1—19. Обзоръ содержанія его см. въ Журн. мин. нар. просвѣщ. 1878, іюль стр. 22—30.

[2]) Списокъ его въ рукописи моск. дух. академіи, нач. XVIII вѣка. Краткій обзоръ содержанія его см. въ Прибавленіяхъ къ изд. твореній св. отцовъ въ русск. переводѣ, 1845, кн. 2, стр. 176—178. «Доводъ» считаютъ произведеніемъ жившаго тогда въ Москвѣ Павла Негребецкаго, воспитанника Львовской братской школы, сохранявшей чистыя начала западно-русскаго просвѣщенія. (*Филаретъ*, Обзоръ русской дух. литературы, кн. 1, стр. 296. Харьковъ 1859).

опознавалось въ условіяхъ этого дѣла, — и авторы «Разсужденія» и «Довода», откликаясь на текущіе запросы роднаго ума, подробно останавливались на указаніи своему обществу той опасности, которой оно подвергнетъ коренныя основы своего просвѣщенія, если, оставивъ греческія книги, станетъ обращаться только съ латинскими и польскими. «Вопроси нѣкто честенъ мужъ,—такъ начиналось одно изъ этихъ руководящихъ произведеній русской общественной мысли,—учитися-ли намъ полезнѣе грамматики, риторики, философіи и ѳеологіи, и стихотворному художеству, и оттуду познавати Божественная Писанія? или и неучася симъ хитростемъ, въ простотѣ Богу угождати и отъ чтенія разумъ святыхъ Писаній познавати?» Въ отвѣтъ на это разъяснялось, что «простота—сугуба: ова незлобіе глаголется, еже есть добродѣтель..., ова же невѣжество, рекше неученіе, въ немъ же содержится невѣжество Божіего закона, еже злоба есть преглубока... Ученіе же свѣтъ путеводящій къ Богознанію,—ясная луча есть, ею же невѣжества тма разрушается и естественныя человѣческаго разума очеса просвѣщаются, и есть веліе благо». «Вижду и проразумѣваю, продолжалъ «вопроситель», яко ученіе свѣтъ, неученіе же тма; но котораго языка ученію учитися намъ словяномъ потребнѣе и полезнѣшее: латинскаго, или греческаго? Отвѣщано тому: греческаго и словенскаго» [1]). Чуждые однако исключительности, «Доводъ» и «Разсужденіе» не изгоняли совсѣмъ латинскаго языка изъ своей программы, а требовали только, чтобы славянскій и греческій языки лежали въ основѣ русскаго образованія. «Подобаетъ наипаче учитися гречески, понеже не токмо тѣмъ языкомъ не вредится православная вѣра, яко латинскимъ, но и зѣло прославляется, и учити купно съ славенскимъ, яко да временемъ и славенскій языкъ, который пребогатъ есть, очистится и межъ иныхъ ученыхъ языковъ сочетается; а по грече-

[1]) Разсужденіе, л. 1.

скомъ ученіи легче хотящему невредительно учитися и латинскому» [1]). Для передовыхъ русскихъ мыслящихъ силъ было ясно, что рѣшая вопросъ о греческой или латинской наукѣ для «народа великороссійскаго» слѣдовало смотрѣть на то, чтобы «ученицы Христовы» остались вѣрны себѣ, пребыли «и здрави, и тверди, и не позыбленни отъ прираженія иномнѣйныхъ, въ православной вѣрѣ, основани не на песцѣ нововымышленій, но на твердомъ основаніи водруженни, на самомъ краеугольномъ камени Христѣ: иного бо основанія никто же можетъ положити». Разбирая дѣло съ этой точки зрѣнія, они указывали въ греческомъ ученіи купно съ славянскимъ залогъ православія и народности русскаго просвѣщенія. При пособіи греческаго ученія, проникнутаго православными убѣжденіями, русское общество, въ своихъ заботахъ о подъемѣ самобытнаго образованія, могло не опасаться за цѣлость и чистоту основныхъ особенностей своего духа; латинское ученіе могло стереть живое своеобразіе русскаго міра, по «далечности и разности славяномъ отъ латинъ», по «несвойству и далечности латинскаго языка отъ славянскаго и греческаго». Историческими, филологическими и богословскими соображеніями «Разсужденіе» и «Доводъ» разъясняли, какъ «согласенъ славянскій языкъ съ греческимъ», какъ этотъ послѣдній «честенъ и великъ и богословіе могущъ объяти, не заимствуя языка латинскаго,—языкъ же латинскій безъ греческаго ничто же могущъ высокихъ разумѣній, паче же о богословіи, писати и глаголати»; какъ «ученіе греческое, наипаче въ богословіи, истина и свѣтъ», и «учаяйся тому не погрѣшитъ истины о богословіи», а «латинское о богословіи ученіе растлѣнно и губительно, и къ прелести тѣхъ удобоотводительно» [2]). «Древніи святіи отцы наши—Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Аѳанасій Великій, Іоаннъ Дамаскинъ и иніи,—яко учахуся богословіи на

---

[1]) «Доводъ».

[2]) Разсужденіе, лл.: 7 об.; 14 об.; 15 об.

гречестѣмъ языцѣ, тако и вѣроваху, и ввѣренныя имъ учаху: латинницы же вѣруютъ написанной имъ растлѣнной богословіи отъ врага церкве святыя восточныя, іезуита Ѳомы Аквинуса, тако и учатся и учатъ, и учившіися, кто либо будутъ, удобно въ стремнину погибели тоя низстремляются, удалившѐся святыхъ отцевъ ѳеологіи» [1]). Отсюда слѣдовалъ совершенно убѣдительный для родной мысли выводъ, что латинскій языкъ «велми самъ собою не потребенъ намъ славяномъ» и не только не замѣнитъ греческаго, но будетъ угрожать языку и православію русскаго народа. «Опаство имѣти подобаетъ, да и не славенскій діалектъ что отъ того латинскаго ученія постраждетъ, яко уже и начинаются латинскія и польскія пословицы славенскаго языка въ писаніихъ появлятися; древле-же отнюдъ таковыхъ глаголаній славяне удаляхуся, зане реченіемъ обыкоша и нравы послѣдовати» [2]). Истина, что языкъ составляетъ отраженіе духа народнаго, очевидно, чувствовалась хорошо нашими предками, и отъ имени ея они утверждали, что латинское ученіе не только не поможетъ русской наукѣ явиться «свѣтомъ путеводящимъ къ Богознанію», не только не „въспользуетъ“ русскую православную мысль, подобно греческому ученію, «но паче потлитъ, и къ западныхъ зломудрію тайно и внезапно привлечетъ» [3]). Живой примѣръ новыхъ западно-русскихъ школъ, подчинившихся этой готовой латинской схоластикѣ, подтверждалъ вполнѣ справедливость такого опасенія: «познаваются въ нихъ останки езувическіе» [4]). Не безъ наглядной убѣдительности авторы памятниковъ указывали на нѣкоторыя явленія въ самой Москвѣ, гдѣ «отъ ученія латинскаго, ничто же еще видя, начинаются быти странныя подвергы и чуждыя восточныя святыя церкве, матере нашея, нѣкоего символа, его-же держатъ латинницы и лютеры, лживо называюще быти апостольскій,.. и иный подвергъ тайный по латинскому смышленію о пре-

[1]) Тамъ же, л. об. 15—16.

[2]) Тамъ же, л. об. 7—8.

[3]) Тамъ же, лл. 14 об. и 15.

[4]) «Доводъ».

существленіи тѣла и крове Христовы изъ хлѣба и вина, не согласующійся св. отцевъ восточныхъ ученіемъ, и ина нѣкая новшества». «И сія убо,—предостерегало «Разсужденіе»,—еще ниже начало пріемшу латинскому ученію славяномъ: егда же тое ученіе въ дѣло произъидетъ и преуспѣвати начнетъ, не пострадати бы, по притчи: бѣжавшимъ дыма не впасти бы въ пламень»,—который можетъ охватить и духовную, и политическую цѣлость Великой Россіи. «Егда услышатъ латинское ученіе, въ Москвѣ наченшееся, врази истины, плевосѣятеле тернія западнаго во среди чистыя пшеницы, изъ востока насѣянныя, лукавіи іезуити подъидутъ и неудобопознаваемыя своя силлогисмы или аргументы душетлительныя начнутъ злохитростно всѣвати, тогда что будетъ? Ни что ино, точію окоптѣлый чистительнаго огня дымомъ латинскаго смышленія зачнется куколь и родитъ любопрѣнія; потомъ (пощади Боже) отступленіе отъ истины; еже страждетъ или уже и пострада Малая Россія, пріучившися латинѣ: быша мало не вси—уніаты, рѣдціи осташася православніи» [1]). Въ виду такой плачевной возможности погубить или исказить дорогія пріобрѣтенія роднаго начала, авторъ «Разсужденія» горячо призывалъ правительственныхъ и общественныхъ русскихъ дѣятелей стойко противодѣйствовать вторженію западныхъ латинскихъ началъ въ дѣло русской школы и заключалъ свою рѣчь прекрасными словами глубокой вѣры въ будущее развитіе самобытной православной науки въ великорусскомъ царствѣ. «Сихъ ради всѣхъ подобаетъ некосненно недремлющимъ умомъ архипастыремъ и въсѣмъ купно и начальникомъ, духовнымъ и мірскимъ, предразумѣвати, предваряти, промышляти и угашати, моленми, ученми и запрещенми, малую искру латинскаго ученія, не дати тѣй раздмитися и воскуритися, да не пламень западнаго зломысленнаго мудрованія растекся попалитъ и въ ничтоже обратитъ православіи восточнаго истину. Но утренняя звѣзда, изъ востока прежде Свѣ-

[1]) Разсужденіе, л. л. об. 17—18.

тоносца возсіявшая, озаривши насъ, вѣрныхъ своихъ, сердца лучею истиннознанія, да удостоитъ ны, святыхъ восточныхъ отцевъ ученьми пугеводимыхъ, на истину православнаго знанія» [1]).

Такія откровенныя, жизненной правды полныя рѣчи не могли не производить серьезнаго впечатлѣнія на умы, увлекавшіеся въ сторону отъ исконныхъ началъ русскаго развитія; къ нимъ, этимъ рѣчамъ, внимательно прислушались правительственныя лица Москвы. Замѣчательно, что въ это именно время русское правительство съ особеннымъ интересомъ обратилось къ извѣстнымъ «Разговорамъ о владѣтельствѣ» — Крижанича [2]), которые были авторомъ поданы ему еще въ концѣ предъидущаго царствованія, и въ которыхъ этотъ славянскій патріотъ, занятый идеей о политическомъ возстановленіи славянства посредствомъ русской силы, выступалъ также оберегателемъ самостоятельной силы Россіи, подробно разъясняя, что главнѣйшія причины бытовыхъ ея неустройствъ коренятся въ незнаніи русскимъ народомъ самаго себя и въ потачкѣ его давленію иноземцевъ, въ общеніи съ которыми нужно различать добро отъ зла и помнить, что иностранное не можетъ быть удовлетворительною замѣною своего собственнаго. Два руководящія правила—«познай самъ себя» и «не вѣруй инородникомъ»,—выставленныя, какъ непремѣнное условіе русскаго преуспѣянія, въ сочиненіи Крижанича, при сопоставленіи послѣдняго съ «Разсужденіемъ» и «Доводомъ» получали особенную убѣдительность и высшее значеніе для московскаго царства.

И Москва послушалась голоса правды народной. Это мы видимъ сряду же—въ заведеніи (въ 1679 году) на печатномъ

---

[1]) Тамъ же, лл. об. 18—19.

[2]) Прав. Обозр., 1870, т. I, стр. 138—139, статья *Безсонова*: «Юрій Крижаничъ». «Разговоры о владѣтельствѣ» изданы Безсоновымъ же, подъ заглавіемъ: Русское государство въ половинѣ XVII столѣтія. Москва. 1859.

дворѣ школы «греческаго и славенскаго книжнаго писанія» [1]), въ той заботливости, съ какою царь, склонный прежде къ польско-латинскимъ взглядамъ, относится къ этому училищу [2]), наконецъ въ оживленныхъ приготовленіяхъ Москвы къ учрежденію у себя такой высшей школы, которая бы составила собственную мысль и дѣло Россіи и послужила оплотомъ и двигателемъ русскаго просвѣщенія на коренныхъ основахъ его. На православный востокъ къ патріархамъ отправлена просьба прислать въ Москву учителей, могущихъ содѣйствовать такому начинанію. Слухъ о предпріятіи Москвы влечетъ туда ученыхъ изъ польскаго края, но русскій царь не хочетъ поручать академическаго дѣла даже рекомендованнымъ ученымъ западной Россіи [3]). Между тѣмъ, при несомнѣнномъ на этотъ разъ участіи епифаніевцевъ, намѣчается общая постановка и программа предпріятія. Начертывается планъ академіи свободныхъ наукъ, имѣющей задачею своей просвѣщеніе внутренней жизни Россіи, преуспѣяніе умственныхъ и нравственныхъ силъ ея; одновременно задуманъ проектъ отдѣльныхъ отъ академіи училищъ техническихъ знаній (науки цифирной,

---

[1]) Такъ называется типографская школа въ современной «Расходной книгѣ патріаршаго казеннаго приказа», въ «записи расходамъ на школы». (Извлеченія изъ этой записи были сообщены намъ проф. М. И. Горчаковымъ и войдутъ въ составъ изслѣдованія его о патріаршей и синодальной области). Открывъ на печатномъ дворѣ училище, царь приказалъ устроить новое благолѣпное зданіе и для типографской библіотеки, и дѣятельно заботился о пополненіи ея книгами общеобразовательнаго содержанія, учеными и учебными пособіями. Въ это время печатный приказъ издерживалъ ежегодно весьма значительныя суммы на пріобрѣтеніе рукописныхъ и печатныхъ книгъ и часто весьма дорогихъ иностранныхъ изданій. *Румянцевъ*, Библіотека Моск. печатнаго двора.

[2]) Древн. Рос. Вивліоѳ., изд. 2, ч. XVI, стр. 297.

[3]) Прибавл. къ твор. св. отцевъ, 1845, кн. 2, стр. 179. «Что винъ твоего къ Москвѣ пріѣзду?» спросили у Яна Бѣлободскаго, кальвинскаго проповѣдника, прибывшаго изъ Слуцка. Услышахъ, отвѣчалъ Янъ, яко великій государь хощетъ по Москвѣ ученіе заводити и академію устрои, и азъ пріѣхалъ учити. «Тобою-ли, сказано было ему на это,—таковое великое дѣло начинати? Вмѣсто утвержденія православныя вѣры, ея же ради великій государь науки желаетъ, проклятую ересь скоро бы ты ввелъ еси».

фортификаціи или инженерской, артиллеріи, архитектуры и др.), необходимыхъ для внѣшней пользы русскаго государства. Положенія академическаго учрежденія тогда же скрѣплены «царскимъ словомъ» и вслѣдъ затѣмъ вносятся въ государственную грамоту, которою Ѳедоръ Алексѣевичъ намѣренъ пожаловать будущую академію «въ вѣчную онаго дѣла крѣпость и утвержденіе» [1]).

Это былъ полный величія и глубокаго смысла моментъ въ исторіи нашей школы. «Наша православная вѣра»—вотъ что торжественно признала самоцѣнной своей нормой русская академія на «всѣ послѣдствующіе вѣки, непремѣнно, безъ всякаго нарушенія». Санкціонировалась живая, Россіи присущая, тенденція учрежденія, которому надлежало развиваться въ національный институтъ образованія. Только подъ условіемъ этой, изъ духа Русской земли вытекавшей, нормы получали собственный тонъ и жизненную стоимость тѣ науки, гражданскія и духовныя, которыя хотѣла вмѣстить въ себѣ московская академія, «наченше отъ грамматики, піитики, риторики, діалектики, философіи разумительной, естественной и нравной, даже до богословіи, учащей вещей божественныхъ и совѣсти очищенія, притомъ же и ученія правосудія, духовнаго и мірскаго, и прочихъ всѣхъ свободныхъ наукъ, ими же цѣлость академіи составляется». Въ единствѣ высшаго и роднаго начала коренилось ручательство органической устойчивости и независимаго направленія этихъ отраслей человѣческаго знанія, вводимыхъ въ московскую академію. Онѣ должны были явиться здѣсь средствомъ къ уясненію русской православной своебытности, въ ея особности «отъ

[1]) Грамота объ академіи напечатана въ Древней Рос. Вивліоѳ., изд. 2, ч. VI, стр. 397—420, и въ Исторіи Рос. іер., ч. I, стр. 515—543. Проектъ о спеціальныхъ школахъ (вызванный желаніемъ, чтобы «на Москвѣ завелись тѣ науки и ремесла, которыхъ нынѣ изъ иныхъ чужихъ государствъ всегда здѣсь требуютъ и дорогою цѣною купятъ») см. въ сочиненіи «О общественномъ призрѣніи въ Россіи», Спб. 1818, часть 1, стр. 35—39. Сн. Замысловскаго, Царствованіе Ѳедора Алексѣевича, стр. 26—29.

неправдъ римлянъ, лютеровъ и кальвинъ», служить къ расширенію и укрѣпленію русскаго самопознанія, «во еже-бы свѣтъ разума въ благочестіи умножался», который бы проникалъ всѣ проявленія родной жизни и сообщалъ мудрость различать злое и доброе въ вещахъ гражданскихъ и духовныхъ: «злое — да отъ него уклонимся, доброе — да ему послѣдствуемъ». Народная воспитывающая сила, московская академія была объявлена «общимъ» училищемъ, открытымъ для людей «всякаго чина, сана и возраста»; всѣ, требующіе ума, приглашались туда «ѣсть хлѣбъ слова Божія и пить вино разсужденія, безъ всякаго сребродаянія». Свою дѣятельность академія такимъ образомъ хотѣла повести на глазахъ всего общества. Энергіи блюстителя и учителей предстояло выработать «подобающее учрежденіе» академическихъ занятій и воплощать его въ дѣло, отвѣчавшее русскимъ воззрѣніямъ. Въ интересѣ этихъ послѣднихъ ученые западно-европейцы были обойдены въ академическомъ проектѣ. Блюстителями и учителями могли быть только «благочестивые дидаскалы», духовные и «мірскаго чина», «отъ благочестивыхъ родителей рожденные и воспитанные въ православной христіанской вѣрѣ, россійскаго и греческаго народа»; но изъ грековъ могли учительствовать только тѣ, которые имѣли достовѣрное свидѣтельство о себѣ отъ православныхъ патріарховъ и притомъ были крѣпко испытаны и въ самой Россіи; точно также и русскихъ выходцевъ изъ Литвы и Малороссіи слѣдовало принимать не иначе, какъ послѣ «подлиннаго объ нихъ извѣстія благочестивыхъ людей». Средоточіе русскаго просвѣщенія, будущая академія должна была взять также на себя завѣдываніе образованіемъ, разсмотрѣніе книгъ и наблюденіе за православнымъ направленіемъ умовъ въ Россіи. Сообразно съ высокими обязанностями академіи, рѣшили предоставить ей нестѣсняемое посторонними вмѣшательствами положеніе, — права самостоятельнаго учрежденія, подлежавшаго собственному управленію и суду во всѣхъ дѣлахъ, за исключеніемъ уголовныхъ. Независимую жизнь академіи проектъ обезпечи-

валъ и по внѣшней сторонѣ: церковь и государство хотѣли принять совокупное участіе въ расходахъ на содержаніе задуманнаго училища и доставить ему богатые источники матеріальныхъ средствъ, — нѣсколько дворцовыхъ волостей и пустошей, нѣсколько монастырей, со всѣми дворами и угодьями; вмѣстѣ съ этимъ могло и общество «на пропитаніе и одежду ученикамъ, на сколько кто человѣкъ изволитъ, въ вѣчное время всякая своя наданія придавать». Помѣщеніе для академіи назначено было «при монастырѣ всемилостиваго Спаса», въ особомъ зданіи, постройка котораго принималась на счетъ царской казны. Свою грамоту государь заключалъ пожалованіемъ училищу государственной библіотеки и всенароднымъ обязательствомъ за себя и за своихъ преемниковъ крѣпко хранить академію «отъ всякихъ злоключеній, нападеній и бѣдствъ».

Зарождалась въ Великой Руси типическая, цѣлостно и широко понятая, школа высшаго образованія. Но при самомъ возникновеніи дѣла суждено ему было встрѣтиться съ «злоключеніемъ». Подписавъ грамоту объ академіи въ началѣ 1682 года [1]) и давъ указъ сдѣлать на первый разъ въ Спасскомъ монастырѣ «для ученья двѣ кельи» [2]), Ѳедоръ Алексѣевичъ вскорѣ затѣмъ скончался, къ великой горести остальныхъ дѣятелей великаго начинанія. «Ибо отъ сего благоразумнаго государя—можно сказать здѣсь словами митрополита Платона—все просвѣщеніе и поправленіе происходило не вдругъ, но по малу и съ соображеніемъ свойства народа; что все было бы еще тверже и надежнѣе, яко онъ основывалъ то на благочестіи и утверждалъ своимъ благочестивымъ примѣромъ. Но сего благополучія насъ непостижимая судьба Божія не удостоила» [3]).

Въ правленіе Софьи Алексѣевны чудовской кругъ не за-

---

1) *Замысловскій*, Царствованіе Ѳедора Алексѣевича, стр. 4—5 и 10.

2) *Забѣлинъ*, Домашній бытъ русскаго народа въ XVI и XVII ст., т. I., М. 1862, стр. 417.

3) *Платонъ*, Краткая церковная россійская исторія, М. 1805, т. II, стр. 266.

медлилъ выступить передъ нею съ ходатайствомъ о томъ, чтобы данъ былъ ходъ учебному проекту, принятому покойнымъ государемъ. Но въ тоже время и латиномудренная часть, думая опереться на сочувствіе царевны,—ученицы покойнаго Полоцкаго,—возобновила свои притязанія на дѣло русскаго образованія. Возгорѣлась опять борьба московскихъ силъ съ латино-польскимъ вліяніемъ. Присланные въ 1685 году съ востока для московской школы учители, ученые іеромонахи Іоанникій и Софроній Лихуды дѣятельно помогли имъ въ этой борьбѣ, блистательно заявивъ свою ученость и православіе. Между тѣмъ споры, взволновавшіе Москву по поводу хлѣбопоклоннической ереси, поборниками которой оказались представители латино-кіевской науки, наглядно выставили зловредную сторону этой послѣдней и вскорѣ окончились извѣстнымъ пораженіемъ ученыхъ кіевлянъ на Московскомъ соборѣ 1690 года.

Родная мысль, родное дѣло восторжествовали. Съ 1687 года при Заиконоспаскомъ монастырѣ, въ новыхъ каменныхъ палатахъ, въ присутствіи патріарха съ соборомъ духовенства, открыта была славяно-греко-латинская академія [1]). Лица раз-

---

[1]) Лихуды впрочемъ еще съ ноября 1686 г. начали свое учительство, открывъ школу «высшихъ греческихъ наукъ» въ Боявленскомъ монастырѣ. Изъ упомянутой выше расходной книги патріаршаго казеннаго приказа приводимъ нѣсколько любопытныхъ подробностей объ этой школѣ. Въ первое время было въ ней 11 учениковъ; они получали кормовыхъ по 3 деньги въ день и поступали къ Лихудамъ для продолженія ученія изъ школы типографскаго двора, въ которой въ началѣ 1686 года (въ сентябрѣ) было 53 ученика (получавшіе кормовыхъ по 2 д.), а въ декабрѣ—44 (12 человѣкъ первой статьи и 32 второй статьи). Въ январѣ того же года 29 числа въ ту и другую школу «патріархъ ходилъ съ архіереями», «учениковъ слушалъ ученія» и дарилъ ихъ деньгами; у Лихудовъ было тогда 32 ученика; у Тимоѳея и Мануила (Тимоѳей не только управлялъ школой, но и училъ въ ней) 222: греческаго писанія 56 и славянскаго 166. Учители и ученики обѣихъ школъ въ праздники Рождества и Пасхи ходили къ патріарху, «славили и говорили поздравительныя рѣчи, греческимъ и словенскимъ языкомъ», и получали славленое. Та и другая школа существовали до того времени, когда было выстроено особое академическое зданіе въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, что случилось не ранѣе начала 1687 года, какъ показываетъ слѣдующая запись (любопытная еще и по указанію

ныхъ званій и возрастовъ поступили учениками въ новую школу. «Учители греческихъ высшихъ наукъ» показали себя способными, полезными наставниками, старавшимися приводить дѣятельность свою въ согласіе съ общимъ тономъ и направленіемъ умственнаго движенія Москвы и примѣнять преподаваніе не только къ понятіямъ, но и къ національному характеру своихъ академистовъ [1]). Починъ дѣла былъ успѣшный и на историческомъ своемъ пути обѣщалъ животворные результаты для русскаго просвѣщенія. Въ предположеніи такого значенія московской академіи архіереи нѣкоторыхъ епархій уже спѣшили воспользоваться ею [2]). Нужно было теперь заботиться о томъ, чтобы поставить возникавшее учрежденіе въ тѣ условія и средства дѣятельности, которыя были намѣчены въ планѣ Ѳедора Алексѣевича и которыя были необходимы ему для постепеннаго осуществленія своей великой идеи. Но пока новое «злоключеніе» постигло академію. Противъ Лихудовъ возсталъ по личнымъ причинамъ патріархъ іерусалимскій Досифей и потребовалъ отъ московскаго правительства устраненія ихъ изъ московской школы, какъ людей подозрительныхъ будто бы въ латинствѣ. Подкрѣпленная нѣкоторыми

на существованіе славянской школы въ упомянутомъ монастырѣ): «іюня въ 3 день (1686) патріархъ ходилъ въ Спасовъ монастырь для досмотру мѣста, гдѣ строить каменныя полаты для ученія ученикомъ греческаго книжнаго писанія,—и въ томъ монастырѣ ученикомъ словенскаго ученія, которые учатся у монаха Селивестра, Ив. Семенову съ товарищи, 23 человѣкомъ, дано по 6 д. человѣку». (Такая же школа словенскаго ученія была тогда и въ Чудовомъ монастырѣ. Смирновъ, Ист. Моск. академіи, стр. 23). Въ 1692 году въ заиконоспасской академіи было 196 учениковъ (9 старшихъ, 12 учениковъ грамматическаго ученія, 39—греческаго словесного ученія и 136—словесного россійскаго ученія).

[1]) Исторія Моск. славяно-греко-лат. академіи, стр. 63, 53, 49. Журналъ Мин. Нар. Просв., 1845, ч. 45; 1867, ч. 135 (статьи *Смѣловскаго* и *Образцова* о братьяхъ Лихудахъ).

[2]) Наприм., извѣстно, что Аѳанасій холмогорскій прислалъ въ Москву для обученія въ академіи троихъ учениковъ, въ надеждѣ обратить потомъ ихъ силы и познанія на дѣло просвѣщенія въ своемъ краѣ. Странникъ, 1866 г., сент., стр. 117, статья *Постникова*: Аѳанасій первый архіепископъ холмогорскій.

другими обстоятельствами, настойчивость Досифея удалась, несмотря на все нежеланіе уступить ей со стороны чудовцевъ и патріарха Адріана [1]). Въ 1694 году Лихуды удалились изъ академіи, новыхъ учителей, обѣщанныхъ Досифеемъ, сряду не нашлось и для преподаванія остались въ ней недоучившіеся слушатели Іоанникія и Софронія. Въ этомъ положеніи засталъ московскую академію XVIII вѣкъ.

Е. Прилежаевъ.

[1]) Исторія Моск. славяно-греко-латинск. академіи, стр. 32—36. Соловьевъ Исторія Россіи, т. XIV, стр. 151—152 (изд. 1871).

СЛОВО

на новый годъ [1]).

Братіе, азъ себе не у помышляю достигша: едино же, задняя убо забывая, въ предняя же простирался, со усердіемъ гоню къ почести вышняго званія Божія о Христѣ Іисусѣ (Филип. III, 13, 14).

Бываютъ минуты въ жизни, когда и сердце радуется и въ то же время чего-то страшно. Такія минуты всегда важны, потому что возбуждаютъ вниманіе и сосредоточенность и заставляютъ думать,—думать въ одномъ направленіи, не забѣгая впередъ и не уклоняясь ни вправо, ни влѣво. Таковы въ нашей жизни настоящія минуты, какъ и весь настоящій день. Воспользуемся ими, онѣ единственныя въ году, пропустимъ ихъ сегодня, завтра пожалѣемъ, но не воротимъ и придутъ ли онѣ еще для насъ, Богъ знаетъ, можетъ быть онѣ послѣднія въ нашей жизни,—воспользуемся настоящими минутами и подумаемъ. О комъ подумаемъ и о чемъ? Подумаемъ о себѣ—что мы сдѣлали, чего не додѣлали, а чего и совсѣмъ не начинали дѣлать. Не легкое это дѣло—судить себя самого и себя же обличать передъ другими: въ чужомъ глазу намъ и сучекъ виденъ, а въ своемъ глазѣ мы и бревна не чув-

---

1) Произнесено въ церкви Острожскаго Св. Кирилло-Меѳодіевскаго братства 1 января 1881 г. о. законоучителемъ Острожской учительской семинаріи.

ствуемъ (Мѳ. 2, 3—5). Это правда, и я это чувствую, чувствуете и вы. Но будемъ безпристрастны: бояться некого, кромѣ Бога, а страхъ Божій для насъ же спасителенъ, стыдиться—тоже, здѣсь никого чужаго, всѣ знаютъ другъ друга. И передъ чужими не грѣхъ бы сказать правду, немного стыдно, но и стыдъ на пользу. Итакъ, скажемъ все, что помнимъ, скажемъ безъ утайки, и на душѣ станетъ легче.

Не первый разъ въ жизни мы встрѣчаемъ сегодня новый годъ и каждый разъ насъ занималъ одинъ вопросъ: что-то будетъ? Отвѣта не было, отвѣтъ приходилъ съ каждымъ послѣдующимъ днемъ, не всегда благопріятный, иногда такой, что лучше бы и не знать его,—и такъ до слѣдующаго новаго года. Опять мы спрашивали: что-то будетъ? и опять не получали отвѣта. Сегодня насъ занимаетъ тотъ же вопросъ и отвѣта по прежнему нѣтъ. Не зная, что будетъ, и зная, что въ прошедшій и запрошедшіе годы не все было у насъ и съ нами хорошо, мы остаемся съ однимъ желаніемъ: далъ бы Богъ, чтобы все было хорошо, счастливо и благополучно. Отсюда, при чувствѣ радости, что Богъ сохранилъ насъ здоровыми до сего дня и не оставлялъ Своими милостями, грусть въ сердцѣ—тоже ли будетъ съ нами и въ наступившемъ году? Далъ бы Богъ, говорю отъ чистаго сердца за себя и за всѣхъ здѣсь присутствующихъ и по благословной винѣ отсутствующихъ, далъ бы Богъ, чтобы въ новомъ году не только было тоже, что было прежде, но и больше и лучше прежняго, далъ бы Богъ, чтобы все въ нашей жизни было счастливо и благополучно. Въ этомъ желаніи укрѣпляетъ меня слово Самаго Бога, нашего Искупителя, что Богъ благъ есть, что Онъ *велитъ солнцу сіять на злыя и благія и дождитъ на праведныя и неправедныя* (Мѳ. 5, 45). Но мнѣ извѣстно другое слово Божіе, по которому Богъ есть истиненъ и правосуденъ и что Онъ *воздаетъ коемуждо по дѣломъ его* (Рим. 2, 6). Какъ благій, Богъ всегда готовъ дать намъ все необходимое для нашего счастія временнаго и блаженства вѣчнаго; скажу больше—Богъ всегда стоитъ у две-

рей нашего сердца и стучитъ (Апок. 3, 20). Значитъ, съ нашей стороны требуется—прислушиваться къ этому стуку и, какъ только заслышимъ его, тотчасъ отворить дверь сердца, чтобы принять въ себя Господа, и Онъ нашъ Спаситель, живя съ нами, все сдѣлаетъ для насъ, чтобы мы были счастливы и здѣсь на землѣ и въ небесныхъ обителяхъ. А это возможно только подъ тѣмъ условіемъ, когда мы будемъ не спать, а бодрствовать: во снѣ стукъ останется неуслышаннымъ, посѣщеніе Господне минуетъ насъ, въ минуты смерти и страшнаго воздаянія по смерти не Господь будетъ стучаться къ намъ, мы будемъ взывать къ Нему: *Господи, Господи! отверзи намъ,* и услышимъ въ отвѣтъ: *не вѣмъ васъ* (Мѳ. 25, 12).

Въ виду этого, теперь, когда всѣ мы заняты вопросомъ относительно будущаго и за неимѣніемъ отвѣта на этотъ вопросъ всѣ свои надежды возлагаемъ на Бога и отъ Него одного ждемъ себѣ милостей, весьма умѣстенъ другой вопросъ: а есть ли у насъ то, что можетъ преклонить Бога на милость къ намъ? Сдѣлали ли мы, по крайней мѣрѣ дѣлаемъ ли то, что должны дѣлать по обязанностямъ своего званія? Если скажемъ: да, то будемъ спокойны на счетъ будущаго, оно несомнѣнно будетъ для насъ свѣтло и отрадно: *любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое* (Рим. 8, 28). Но не будетъ грѣха, если скажемъ, что любви къ Богу у насъ меньше всего. Себя мы любимъ крѣпко, пріятелей своихъ—тоже, ближнихъ—мало, а Бога только думаемъ и собираемся и все какъ-то не собраться. На все у насъ есть и время, и усердіе, и силы и возможность, и ничего—для Бога. Себѣ служимъ съ удовольствіемъ, пріятелямъ—тоже, а по отношенію къ Богу обнаруживаемъ или совершенную холодность и невниманіе, или какую-то вялость, неподвижность. Въ служеніи себѣ и пріятелямъ всѣ трудности для насъ ни почемъ; напротивъ, чѣмъ съ большими трудностями сопряжена была услуга, тѣмъ для насъ пріятнѣе. А служеніе Богу въ духѣ сыновней готовности исполнять все Богомъ повелѣнное для

насъ невыносимо тяжело. Поклониться человѣку, который сколько нибудь выше насъ, поклонимся низко, чуть не до земли; а поклоненіе въ отношеніи къ Богу замѣняемъ однимъ небрежнымъ маханіемъ головой. Являясь предъ лице старшихъ, стоимъ чинно, и слушая ихъ, слушаемъ со вниманіемъ; такъ и должно, и этотъ долгъ всѣ знаютъ и исполняютъ его. А въ церкви не прочь и поважничать. Въ присутствіи старшихъ, когда они говорятъ или даютъ совѣтъ, наставленіе, Боже сохрани заняться постороннимъ дѣломъ. А церковь стала обычнымъ мѣстомъ для постороннихъ занятій. Только ли эти грѣхи числятся за нами? Хотѣлъ бы сказать—только, но и боюсь и стыжусь: боюсь, потому что скрою правду и дамъ невольный поводъ къ самообольщенію. Вѣдь это фактъ, что мы всегда себя хвалимъ и извиняемъ и рѣдко когда осуждаемъ. А если въ нашихъ похвальныхъ гимнахъ себѣ самимъ станутъ принимать участіе другіе, то кого увидитъ въ насъ общество, какъ не заносчивыхъ гордецовъ, которые на всѣхъ смотрятъ съ пренебреженіемъ и дальше себя никого знать не желаютъ: у меня два-три недостатка, да столько же грѣховъ, вѣдь это тоже, что капля въ морѣ, при массѣ добродѣтелей они и незамѣтны, значитъ я не *якоже прочіи*. Стыжусь, потому что скажу ложь, а лжи и вы не желаете слышать, и я напередъ знаю, какимъ похвальнымъ словомъ наградили бы вы про себя меня, если бы я позволилъ себѣ сказать это «только». А будь мое слово не въ храмѣ, а при иныхъ условіяхъ, вы не преминули бы открыто поставить мнѣ на видъ мою неправду, замѣтивъ, что я и того не упомянулъ, и на это не обратилъ вниманія, забылъ третье, опустилъ изъ виду четвертое и т. д. Значитъ, при нашихъ дѣйствительныхъ недостаткахъ и грѣхахъ, у насъ есть и сознаніе этихъ грѣховъ и недостатковъ. А есть у насъ это сознаніе, то и слава Богу,—поправиться можно, нужно только дѣйствовать. Какъ дѣйствовать? Что дѣлать? Дѣлать то, что со словъ св. ап. Павла подсказываютъ дѣлать разсудокъ и совѣсть. А они вотъ что подсказываютъ: не считай себя со-

вершеннымъ, потому что ты далекъ не только отъ совершенства, но и отъ посредственности, думаешь, что очень великъ, на дѣлѣ же весьма малъ, все гнешься къ землѣ и въ ней ищешь своего счастія; ищи счастія на землѣ, но и неба не забывай, сдѣлай и для души запасъ, чтобы, когда она голодная и усталая попроситъ ѣсть, было чѣмъ напитать ее и успокоить.

Заговоривъ о недостаткахъ, не умолчу и о достоинствахъ: не все у насъ худо, есть и нѣчто хорошее, много хорошаго. Не все же мы спимъ и сидимъ, сложа руки,—мы и дѣлаемъ, но все у насъ какъ-то сухо, холодно. Мало у насъ жизни, мало энергіи, мало воодушевленія, при которыхъ и тяжкое иго дѣлается благимъ и легкимъ. Видѣлъ я картину, изображающую притчу Спасителя о талантахъ и вынесъ убѣжденіе, которое и раньше имѣлъ, какъ имѣютъ его всѣ люди, что отъ охоты и любви къ дѣлу прямо зависитъ успѣхъ въ дѣлѣ, и кто трудится съ любовію, тому трудъ не въ тягость, отъ того онъ всегда бодръ и веселъ. А гдѣ нѣтъ любви, тамъ и успѣха нѣтъ, нѣтъ и пріятной веселости въ выраженіи лица, одна угрюмость и недовольство собою, людьми и всѣмъ, что кругомъ и подлѣ меня, по не мнѣ принадлежитъ. Иго Христово не тяжело, нужно только полюбить его, полюбить *не словомъ, ниже языкомъ, но дѣломъ и истиною* (1 Іоан. 3, 18). Слова любви, пожалуй, у насъ найдутся, но дѣлъ любви — ни себѣ посмотрѣть, ни людямъ показать. Между тѣмъ, только *творцы закона сіи оправятся* (Рим. 2, 13). Слова и насъ не удовлетворяютъ, иногда возмущаютъ, мы требуемъ дѣла. Что же къ Богу мы обращаемся съ одними словами? Если это происходило отъ незнанія, то запомнимъ разъ навсегда, что такъ нельзя поступать; если—отъ непривычки думать, то отнынѣ будетъ вдумываться въ свои отношенія къ Богу; а если въ этомъ выражалась страсть казаться не тѣмъ, что мы такое, то тѣмъ для насъ хуже. Двоедушіе—гдѣ оно найдетъ себѣ сочувствіе, пріютъ и одобреніе? Нигдѣ. Не найдемъ и мы сочувствія и любви къ себѣ

ни у Бога, ни у людей.—Вотъ наше старое. Не совсѣмъ оно хорошо. Въ новомъ году станемъ жить по новому, лучше, тогда и стараго счастія не потеряемъ и новое получимъ.

Что до нашихъ взаимныхъ отношеній, то и здѣсь не то, чтобы у насъ ужъ ровно ничего не было похристіански. Есть, но все это какъ-то вскользь, урывками: то мы непомѣрно строги и недоступны, то необыкновенно мягки, о себѣ думаемъ много, а людямъ ничего не приписываемъ или приписываемъ самую малость, помочь поможемъ, но прежде побранимся, и дѣло сдѣлаемъ, но не одно зложелательное слово съ языка сорвется при этомъ и прозвучитъ въ воздухѣ, пока мы доброе дѣло сдѣлаемъ. *Якоже хощете, да творятъ вамъ человѣцы, и вы творите имъ такожде* (Лук. 6, 31). Эта заповѣдь Христова много ли разъ находила примѣненіе въ нашей жизни? Намъ подай, сдѣлай, а отъ насъ подожди, а то и совсѣмъ не жди—вѣдь это такъ обыкновенно. Намъ извѣстны и слѣдующія слова Спасителя: *не судите, и не судятъ вамъ; отпущайте, и отпустятъ вамъ; дайте и дастся вамъ* (Лук. 6, 37, 38), и слѣдующія: *не судите на лица, но праведный судъ судите* (Іоан. 7, 24), наконецъ и слѣдующія: *иже есть безъ грѣха въ васъ, прежде верзи камень на нію* (Іоан. 8, 7). Въ этихъ изреченіяхъ содержится весь законъ нашихъ отношеній другъ къ другу. Этотъ законъ не сложенъ; по изреченію св. ап. Павла онъ *во единомъ словеси исполняется, во еже: возлюбиши ближняго твоего, якоже себе* (Гал. 5, 14). И здѣсь мы повинны. Законъ, какъ не сложенъ онъ и не близокъ намъ, мало насъ интересуетъ, и мы рѣдко съ нимъ сообразуемся. Опять мы должны сказать съ апостоломъ Павломъ: *азъ себе не у помышляю достигша* и, доколѣ время не ушло, жизнь намъ дорога, счастіе тоже, пойдемъ за Апостоломъ, забудемъ старое, не все, а только нехорошее, и поспѣшимъ *въ предняя къ почести вышняго званія Божія о Христѣ Іисусѣ.*

Наконецъ мы—члены общества и государства и облечены общественными и государственными обязанностями. И эти

обязанности мы знаемъ, и кто уличитъ насъ въ бездѣятельности въ этомъ отношеніи? Свое дѣло мы знаемъ и исполняемъ его. Свидѣтели сему люди, среди которыхъ мы живемъ и для которыхъ отчасти трудимся. Тѣмъ не менѣе не отважимся сказать, что мы уже все сдѣлали и больше дѣлать ничего не остается. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, вѣкъ трудись, проживешь свой вѣкъ и скажешь—какъ мало я успѣлъ,—вотъ что подсказываетъ намъ нашъ внутренній голосъ. Однимъ словомъ, нѣчто мы сдѣлали, многаго не додѣлали, а многаго и не начинали дѣлать какъ по отношенію къ Богу, такъ и по отношенію къ людямъ и къ самимъ себѣ.

Поэтому, недостаточно одного желанія, чтобы Богъ пришелъ къ намъ на помощь, порадовалъ и утѣшилъ насъ въ наступившемъ году. Богъ богатъ милостію и силенъ исполнить наше желаніе, но исполнитъ только тогда, когда мы сами попросимъ и поищемъ, словомъ—позаботимся. У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Не говоритъ, значитъ не чувствуетъ боли, не проситъ, значитъ не нуждается, сытъ и доволенъ. А такой не всегда и помощь приметъ, и оцѣнитъ какъ слѣдуетъ благодѣяніе. Наоборотъ, не скажетъ ли онъ съ важностію: не нуждаюсь, самъ все имѣю? Мы нуждаемся, свои нужды обращаемъ къ Богу и отъ Него одного ждемъ себѣ помощи: далъ бы Богъ, говоримъ мы про себя и скажемъ, а можетъ быть уже и сказали, въ людяхъ. Будемъ ожидать и надѣяться и надежда наша не обманетъ насъ, если только мы поставимъ правиломъ своей жизни и дѣятельности заповѣди: *Возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душею твоею, и всею мыслію твоею* и: *возлюбиши искренняго твоего яко самъ себе* (Мѳ. 22, 37, 39). Будемъ помнить Бога, помнить и исполнять Его слово, и Богъ насъ не забудетъ, въ нуждѣ поможетъ, въ горѣ утѣшитъ, тогда и желаніе наше осуществится—новый годъ принесетъ намъ миръ, счастіе и благоденствіе.

«Всея твари Содѣтелю, времена и лѣта во своей власти положивый, благослови вѣнецъ наступающаго лѣта Твоею

благостію [1]). Помяни, Господи, Благовѣрнаго и Христолюбиваго Государя нашего Александра Николаевича, Императора и Самодержца Всероссійскаго, Его же оправдалъ еси царствовати на земли, оружіемъ истины, оружіемъ благоволенія вѣнчай Его, осѣни надъ главою Его въ день брани, укрѣпи Его мышцу, возвыси Его десницу, удержави Его царство, покори Ему вся варварскія языки брани хотящыя: даруй Ему глубокій и неотъемлемый миръ, возглаголи въ сердцѣ Его благая о церкви Твоей и всѣхъ людехъ Твоихъ, да въ тишинѣ Его тихое и безмолвное житіе поживемъ, во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Помяни, Господи, продстоящыя люди, и ради благословныхъ винъ оставльшихся, и помилуй ихъ и насъ, по множеству милости Твоея. Сокровища ихъ исполни всякаго блага; супружества ихъ въ мирѣ и единомысліи соблюди; младенцы воспитай, юность настави, старость поддержи, малодушныя утѣши, расточенныя собери, прельщенныя обрати, вдовицамъ предстани, сирыхъ защити, плѣненныя избави, недугующыя исцѣли, на судищи, и въ рудахъ, и въ заточеніихъ, и въ горькихъ работахъ, и всякой скорби, и нуждѣ и обстояніи сущихъ. Помяни, Боже, и всѣхъ требующихъ великаго Твоего благоутробія, и на вся излей богатую Твою милость. Самъ всѣмъ вся буди [2]). Аминь.

Священникъ А. Каминскій.

---

[1]) Изъ молебнаго пѣнія на Новый годъ.

[2]) Чинъ литургіи св. Василія Великаго.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПИТИРИМА НИЖЕГОРОДСКАГО

противъ раскола [1]).

Питиримъ былъ теперь возвеличенъ; Питиримъ входилъ въ сановитость; значительная власть дана была ему тамъ — на мѣстѣ надъ духовенствомъ и мірянами, раскольниками и церковниками во всякихъ духовныхъ дѣлахъ и церковномъ благочиніи. И призванъ онъ былъ «творить вѣрный и безпристрастный судъ и расправу». Отразились ли эти внѣшнія прерогативы на его миссіонерской дѣятельности? Отразились несомнѣнно, и мы послѣ увидимъ, какъ это вышло; но въ данную пору и въ своихъ ближайшихъ опредѣленіяхъ миссіонерское дѣло требовало прежде всего усиленной умственной работы, нравственной—такъ сказать—пробы, и Питиримъ это понялъ. До насъ сохранился любопытный и до сихъ поръ нигдѣ еще не напечатанный документъ, подъ заглавіемъ: «Копіе духовное поражающее расколъ оный; его же содержатъ мнящіеся быти старообрядцы; и вся хулы ихъ яже на св. церковь весьма закалающее; пораженныхъ же расколомъ ко истинному соединенію воставляющее и закланныхъ хуленьми покаяніемъ оживляющее» [2]). Сочиненіе это—въ формѣ діалога—носитъ всѣ признаки письменно изложеннаго диспута, и, не представляя выдающихся достоинствъ въ смыслѣ предметнаго разоблаченія раскольническихъ заблужденій, даетъ интересныя указанія о нравственномъ настроеніи въ ту пору нашего

---

1) См. январск. кн. «Странника».

2) Рук. Импер. Публичн. Библ. отд. I, № 45 въ 4°.

полемиста, отмѣчая собою переходную ступень отъ чисто-нравственныхъ воздѣйствій на расколъ къ мѣрамъ болѣе внѣшнимъ противъ раскольниковъ.

Нѣсколько словъ однако—прежде, чѣмъ перейти къ анализу самаго сочиненія. Въ рукописи, которою мы пользуемся, имени автора сочиненія не обозначено; не показанъ прямо и годъ, когда сочиненіе появилось. Дѣйствительно ли «Копіе» писано Питиримомъ?—вотъ первый вопросъ, на который должны мы отвѣтить. Рѣшаемъ этотъ вопросъ утвердительно — по слѣдующимъ основаніямъ.

Читая «Копіе», мы находимъ множество буквально сходныхъ мѣстъ и даже цѣлыхъ отвѣтовъ съ отвѣтами извѣстнаго сочиненія Питирима «Пращица духовная». Такъ напр. 18-й отвѣтъ «Копія» совершенно сходенъ—почти до полной буквальности—съ 14 отвѣтомъ «Пращицы». Есть разности, но самыя мелкія и не имѣющія въ данномъ видѣ никакого значенія. Они состоятъ въ томъ, что нѣкоторыя выписки изъ сочиненій Максима Грека сдѣланы въ «Копіи» подробнѣе, а въ Пращицѣ менѣе подробно. Въ 19 отвѣтѣ, кромѣ выписокъ изъ Евангелій, поражающихъ своимъ сходствомъ въ порядкѣ расположенія ссылокъ, есть многія мѣста, буквально сходныя съ Пращицею, напр.

Копіе.

Еще же здѣ да предложитъ *твоему* взысканію вышеписанныхъ же патріарховъ въ старопечатныхъ актахъ погрѣшенія и между ими многая несогласія о немъ же здѣ зри разумно».

Пращица л. 43 обор.

Еще же здѣ да предложитъ *вашему* взысканію, вышеписанныхъ же патріарховъ, въ старопечатныхъ актахъ погрѣшенія и между ими многая несогласія о нихъ же здѣ зри разумно»...

Далѣе идетъ изложеніе самыхъ «погрѣшеній» въ одинаковомъ порядкѣ въ обоихъ сочиненіяхъ. Разность въ приведенныхъ выпискахъ замѣчается только въ двухъ словахъ: «твоему—вашему»; «о немъ же»—«о нихъ же». Но эти раз-

ности такъ мало значительны, что не могутъ собою прикрыть общаго буквальнаго сходства.

Далѣе авторъ, приведши «погрѣшенія», какія существуютъ въ октоихахъ разныхъ выходовъ, продолжаетъ слѣдующее:

Копіе.

О прочіихъ же несогласіяхъ и погрѣшеніяхъ о приложеніяхъ же и отъятіяхъ яже въ вышеписанныхъ служебникахъ обрѣтающихся за множество здѣ писати оставляю. Такожде и въ прочихъ во всѣхъ старопечатныхъ книгахъ, яже въ нихъ обрѣтаются между ими премногая несогласія отъятія же и приложенія и погрѣшенія яже въ нихъ внидоша ово преводниками неискусными ово преписующими неразумными о сихъ писати здѣ за невмѣщеніе сея малѣйшія книжицы оставляю».

Пращица л. 53.

О прочіихъ же несогласіяхъ и погрѣшеніяхъ, о приложеніяхъ и отъятіяхъ въ вышеписанныхъ книгахъ обрѣтающихся за множество здѣ писати оставляю. Такожде и въ прочіихъ во всѣхъ старопечатныхъ книгахъ, яже въ нихъ обрѣтаются между ими премногая несогласія, отъятія же, и приложенія, яже въ нихъ внидоша ово преводниками неискусными, ово же преписующими неразумными, отъ еретиковъ привнесенными, о сихъ писати здѣ за невмѣщеніе оставляю».

23 отвѣтъ буквально сходенъ со 126 отвѣтомъ Пращицы. Для доказательства приводимъ слѣдующій отрывокъ:

Копіе.

Святыя восточныя и апостольскія церкви обычай и преданіе св. отецъ еже во святѣй проскомидіи быти предложеннымъ пяти просфорамъ а не седьми. Аще же бо крестящіеся двѣма персты таковому древнему обычаю и противятся, сему не удивляйся, понеже не разумѣютъ кое въ нихъ таинство заключается, но убо онц отъ неразумѣнія своего и стараются не о таинствѣ ономъ его же ради они предлагаются, но точію о числѣ

Пращица л. 205.

Св. восточныя и апостольскія церкви древній обычай и преданіе св. отецъ еже во святѣй проскомидіи быти предложеннымъ пяти просфорамъ, а не седми. Аще же вы таковому древнему обычаю и противитеся, сему не удивляемся, понеже не разумѣете, кое въ нихъ таинство заключается, но отъ неразумія своего стараетеся не о таинствѣ ономъ егоже ради они предлагаются, но точію о числѣ ономъ да будетъ седмь прос-

да будетъ седмь просфоръ, и да (не) будетъ пять просфоръ сего точію единаго взыскуется вящьшее же сего ничто. Мы же да предложимъ здѣ всѣмъ православнымъ христіанамъ въведеніе что есть таинство въ приносимыхъ въ проскомидіи во пяти просфорахъ: и что есть въ седьми просфорахъ таинство, и есть ли отъятіе или убавленіе въ пяти просфорахъ онаго таинства, которое въ седьми просфорахъ заключается».

форъ, сего точію единаго взыскуете, вящшее же сего ничто. Мы же да предложимъ здѣ всѣмъ въ вѣдѣніе: что есть таинство въ приносимыхъ въ проскомидіи въ пяти просфорахъ; и что есть въ седьми просфорахъ таинство; и есть ли отъятіе или убавленіе въ пяти просфорахъ онаго таинства, еже въ седьми просфорахъ заключается.

Затѣмъ какъ въ «Копіи», такъ и въ «Пращицѣ» идетъ раздѣленіе на два столбца — излагаются свидѣтельства изъ старопечатныхъ и новоисправленныхъ служебниковъ о таинственномъ значеніи просфоръ въ одинаковомъ порядкѣ и съ буквальною точностію.

Съ такою же буквальною точностію помѣщаются и примѣчанія на поляхъ въ «Копіи», какъ и въ «Пращицѣ».

Не приводя дальше паралельныхъ мѣстъ, показывающихъ такъ же буквальное тождество «Копія» съ «Пращицею», ограничиваемся только указаніемъ тѣхъ отвѣтовъ «Копія», которые сходны съ отвѣтами «Пращицы», или буквально или по самому содержанію. Такъ отвѣты 28 и 29 «Копія» до буквальности сходны со 146 отвѣтомъ «Пращицы»; отвѣтъ 30 съ 157 отвѣтомъ «Пращицы», за исключеніемъ плана храма, котораго въ «Копіи» нѣтъ. Отвѣты 33, 34, 37, хотя и не буквально сходны, но по содержанію своему весьма приближаются къ 18 отвѣту «Пращицы» и очень прозрачно показываютъ, что они вышли изъ подъ пера одного писателя.

Что можно вывести изъ сравненія такихъ паралельныхъ мѣстъ «Копія» и «Пращицы», приведенныхъ нами? Замѣчательное сходство, доходящее до буквальной точности, приводитъ насъ къ убѣжденію, что авторъ «Копія», поражающаго расколъ церковный, есть не кто иной, какъ Питиримъ. Что

касается времени самаго написанія «Копія», то и здѣсь, какъ уже было замѣчено, мы не находимъ точно обозначеннаго года написанія, т. е. что сочиненіе писано въ такомъ-то году. Но косвенныя данныя въ самомъ содержаніи книги есть и—весьма опредѣленныя. Именно, въ одномъ изъ отвѣтовъ авторъ, приводя утвержденіе раскольниковъ, что у нихъ архіереи есть и скрываются въ такомъ-то и въ такомъ-то мѣстѣ, говоритъ, что у нихъ явныхъ, положительно извѣстныхъ архіереевъ, на которыхъ могли бы указать сами раскольники, нѣтъ и по «*сей настоящій 1713 г.* (ѧѰгі) *годъ*». Подобное выраженіе «*по сей настоящій*» ясно, по нашему мнѣнію, показываетъ время появленія этой книги—именно: она появилась до 1713 года, т. е. въ 1712 г., или же въ самомъ началѣ 1713 года. Рѣшивъ вопросъ объ авторѣ этой книги и о времени ея написанія, обратимся теперь къ анализу ея содержанія.

Сочиненіе это написано въ формѣ разговорной и представляетъ собою бесѣду двухъ лицъ, изъ которыхъ одинъ — испытующій или «испытатель» [1]), какъ онъ называется въ самомъ сочиненіи, а другой — послѣдователь православной церкви, защищающій ее отъ нареканій раскольниковъ. Въ этомъ сочиненіи авторъ, не смотря на сжатую форму изложенія, касается всего, что выставляли раскольники въ свою пользу и что служило для нихъ предметомъ нареканій на православную церковь. Хотя разговорная форма, взятая авторомъ, и не позволяетъ систематическаго распредѣленія даннаго матеріала, все сочиненіе, по его содержанію, можно однако раздѣлить на двѣ главныя части. Въ 1-й авторъ опровергаетъ доказательства раскольниковъ поповцевъ и безпоповцевъ, приводимыя ими въ свою пользу; во 2-й онъ защищаетъ православную церковь отъ обвиненій раскольниковъ.

Не группируя вопросы и отвѣты подъ эти двѣ рубрики и даже не выписывая самыхъ вопросовъ, мы кратко передадимъ по порядку содержаніе каждаго отвѣта.

1) Впрочемъ, по ходу самаго сочиненія нельзя не видѣть, что «испытатель» былъ просто раскольникъ и названъ онъ здѣсь не собственнымъ именемъ только изъ вѣжливости.

Въ первомъ отвѣтѣ авторъ опровергаетъ мнѣніе раскольниковъ, будто они во всемъ слѣдуютъ вселенскимъ и помѣстнымъ соборамъ и старопечатнымъ книгамъ, по которымъ спаслись св. отцы. «Все ли то они у себе имѣютъ, что было у св. отецъ и что напечатано въ старопечатныхъ книгахъ? спрашиваетъ онъ. Нѣтъ... У нихъ не имѣется ни св. таинствъ, ни рукоположенія, ни св. церквей на совершеніе седьми тайнъ и на собраніе вѣрныхъ». Если же такъ, то какъ они могутъ «быти сущими православными христіанами? снова спрашиваетъ онъ въ заключеніе. Первый отвѣтъ, такимъ образомъ, служитъ какъ бы общимъ введеніемъ къ послѣдующему содержанію книги. Въ дальнѣйшихъ отвѣтахъ обращается вниманіе уже на частные предметы. А именно:

Во второмъ отвѣтѣ авторъ пишетъ, что хотя «поповщина имѣетъ у себя и церковь и поповъ... но убо... истиннымъ попамъ и истинной церкви быти у нихъ невозможно»... Свое положеніе оправдываетъ онъ тѣмъ, что поповцы не имѣютъ у себя рукоположенія, такъ какъ не имѣютъ архіерея. «А рукоположенія быти кромѣ архіерея невозможно». Точно такъ же онъ доказываетъ невозможность для нихъ и церкви, въ смыслѣ храма, назначеннаго для молитвы и совершенія таинствъ, такъ какъ невозможно «безъ благословенія архіерейскаго ни поставити (ее), ни освятити, ни освященный антиминсъ въ ней по чину положить», и въ подтвержденіе всего вышесказаннаго приводитъ 4-е правило 4-го вселенскаго собора и слова Игнатія Богоносца.

Въ третьемъ отвѣтѣ Питиримъ говоритъ, что священники, переходящіе въ расколъ изъ православной церкви, не могутъ уже быть истинными, православными священниками, такъ какъ, при переходѣ въ расколъ, проклинаютъ архіереевъ, рукоположившихъ ихъ и тѣмъ самымъ признаютъ недѣйствительнымъ преподанное имъ рукоположеніе.

Въ четвертомъ онъ отвергаетъ мнѣніе раскольниковъ въ пользу принятія бѣглыхъ священниковъ, и опровергаетъ ихъ ссылку на примѣры древней церкви, принимавшей «людей

священнаго чину въ томъ же самомъ чину» безъ повторительнаго рукоположенія, указывая имъ здѣсь на расколъ Новатіанъ.

Въ 6 отвѣтѣ нашъ авторъ приводитъ свидѣтельства, что безъ повелѣнія архіерейскаго нельзя совершать священнодѣйствія.

Въ 7, 8 и 9 отвѣтахъ идетъ рѣчь о таинствѣ исповѣди. Здѣсь Питиримъ опровергаетъ указаніе раскольниковъ на Іосифовскій потребникъ, будто можно и старцу принимать исповѣдь, на основаніи того же потребника: въ этомъ потребникѣ повелѣвается старцу принимать помышленія брата и исправлять ихъ; «а о содѣланныхъ согрѣшеніяхъ ни мало не воспоминается еже бы ему исповѣдовати».

Отвѣтъ 9 представляетъ изъ себя аргументацію и раскрытіе предыдущаго положенія. Кромѣ правилъ соборныхъ, авторъ приводитъ и изъ Іосифовскаго потребника свидѣтельство, что простымъ неосвященнымъ лицамъ запрещено—и въ выраженіяхъ самыхъ рѣзкихъ—исповѣдывать и отпущать грѣхи и вообще священная дѣйствовать. У поповщины же хотя и исповѣдуютъ священники, но эта исповѣдь не имѣетъ никакого значенія, потому что священники «дѣйствуютъ вся священная безъ благословенія архіерейскаго. А что безъ благословенія архіерейскаго исповѣдь не можетъ совершаться, это подтверждаетъ тотъ же Іосифовскій потребникъ (л. 730), гдѣ прямо говорится, что «освященіи... *по повелѣнію епископа* исповѣданія человѣческая да пріемлютъ».

Въ 9 вопросѣ «испытатель» пробуетъ однако оправдать раскольниковъ, извиняя ихъ тѣмъ, что поповщина и безпоповщина потому такъ поступаютъ относительно исповѣди, что у нихъ нѣтъ архіерея. И нужно признаться, авторъ сочиненія совсѣмъ не впопадъ отвѣчаетъ здѣсь на это замѣчаніе, когда говоритъ, что въ Карѳагенѣ іерей впадшихъ въ смертные грѣхи могъ разрѣшать «по нуждѣ» только съ благословенія архіерейскаго.

Въ 10 отвѣтѣ доказывается, что рукоположеніе и всѣ таинства будутъ въ церкви до скончанія вѣка.

Въ 11 рѣшается вопросъ, отъ чего раскольникамъ нельзя спастись, когда они христіане?

Въ 12 отвѣтѣ Питиримъ опровергаетъ мнѣніе, будто во времена антихриста не будетъ ни жертвы, ни архіереевъ. Онъ говоритъ, что до воцаренія антихриста и убіенія Иліи и Эноха жертва будетъ, будутъ также и церкви. Только уже послѣ этого «церкви опустѣютъ, Божія служба и жертвы жреніе престанетъ. А еже не быти въ то время архіереямъ, о семъ Ипполитъ ничего не сказуетъ»,—Ипполитъ говоритъ только, что вѣрные убѣгутъ въ горы. Но, прибавляетъ авторъ, между этими вѣрными не найдется ли людей «освященнаго чина и архіерей и отъ сихъ тамо въ мѣстахъ сокровенныхъ можетъ приноситися безкровная жертва?»...

На 13 вопросъ, когда придетъ антихристъ, авторъ самъ не отвѣчаетъ, а отсылаетъ совопросника къ книгѣ Стефана Яворскаго.

Въ 14 отвѣтѣ опровергается мнѣніе раскольниковъ, будто бы теперь въ великорусской церкви благочестіе новое, а не древнее. «Св. восточная и великороссійская церковь православную святую вѣру во единаго Бога въ Троицѣ славимаго, котору содержала издревле, тую нынѣ содержимъ и во вѣки содержати будемъ».

Въ 15 отвѣтѣ авторъ утверждаетъ, что православіе въ восточной церкви сохранилось и послѣ паденія Константинополя. Замѣчательна здѣсь одна подробность, что свое мнѣніе объ этомъ онъ подтверждаетъ посланіемъ патр. Мелетія Александрійскаго, присланнаго въ Россію въ 1595 г., на которое ссылались и раскольники въ пользу своего—что православіе въ Греціи послѣ паденія Константинополя пало.

Въ 16 оправдываетъ несогласіе новоисправленныхъ книгъ съ древне-русскими тѣмъ, что и древнія книги разныхъ выходовъ разногласятъ между собою, и оказались несходными съ старинными греческими и съ харатейными русскими письменными книгами—до того, что въ нихъ находились ереси. И новыя книги потому и не сходны, что они исправлены съ древнихъ харатейныхъ и греческихъ книгъ.

На вопросъ 17, почему старопечатныя книги несогласны съ греческими, когда они печатаны съ древнихъ переводовъ? авторъ отвѣчаетъ, что древніе переводчики — греки плохо знали русскій языкъ и не могли сдѣлать вѣрнаго перевода, а русскіе плохо знали греческій и потому внесли въ книги много погрѣшностей. Далѣе онъ говоритъ, что ошибки и погрѣшности вносились еще отъ «не искусныхъ списателей» книгъ. Наконецъ онъ описываетъ дѣятельность Максима по исправленію книгъ.

Отвѣтъ 18 составляетъ продолженіе 16 и 17 отвѣтовъ; въ немъ указывается, какія ереси нашли себѣ мѣсто въ древнихъ книгахъ, причемъ авторъ въ ссылкахъ своихъ руководствуется преимущественно указаніями Максима Грека.

Въ 19 отвѣтѣ показываются самыя разности старопечатныхъ книгъ разныхъ выходовъ между собою, разности чтеній евангельскихъ прежде всего, а потомъ и другихъ книгъ.

Въ 20 отвѣтѣ Питиримъ касается мнѣнія раскольниковъ относительно седмипросфорія, хожденія по солнцу, сугубой аллилуіа, двуперстія, имени Ісусъ. «Вышереченная слова (разумѣя подъ ними указанныя здѣсь разности), говоритъ онъ въ заключеніе, крестящихся двѣма персты есть праведна и неправедна».

Въ чемъ состоитъ праведность и неправедность сихъ разностей, авторъ выясняетъ въ 21 отвѣтѣ.

«Праведность» состоитъ въ томъ, что въ старопечатныхъ книгахъ «есть повелѣніе еже служити на седми просфорахъ и дважды глаголати аллилуіа и креститися и благословляти двѣма персты». «Неправедно же онѣхъ предложеніе, яко въ старопечатныхъ книгахъ повелѣнія онаго нѣсть, еже на просфорахъ полагати трисоставный крестъ... въ крещеніи ходити по солнцу... имя Іисусово писать *Ісусъ*, а не *Іисусъ*.

Въ 22 отвѣтѣ Питиримъ объясняетъ, почему все это измѣнено и побудительную причину находитъ въ томъ, чтобы быть намъ въ полномъ согласіи съ греческой церковію.

Въ 23 отвѣтѣ доказываетъ, почему введено пятипросфоріе

вмѣсто седмипросфорія. Отвѣтъ буквально сходенъ съ 126 отвѣтомъ Пращицы.

Въ 24 отвѣтѣ на вопросъ, отчего нынѣ не печатаютъ на просфорахъ осмиконечнаго креста, отвѣчаетъ, что во всѣхъ старопечатныхъ книгахъ ни у одного патріарха такъ не печатается.

Въ 25 и 26 отвѣтахъ разбираетъ мнѣніе раскольниковъ касательно четвероконечнаго креста, и утверждаетъ, что четвероконечный и осьмиконечный крестъ суть одинаково образъ креста Христова и тому и другому нужно поэтому оказывать одинаковое уваженіе.

Въ 27 отвѣтѣ рѣшаетъ частное возраженіе, почему же не дѣлаютъ на просфорахъ осмиконечнаго креста, когда тотъ и другой—образъ креста Христова? Въ оправданіе наличной церковной практики нашъ авторъ ссылается на требникъ митр. Ѳеогноста, что церковь и издревле такъ печатала просфоры. Потомъ онъ говоритъ, что собственно на просфорахъ крестъ полагается не во образъ креста Христова, а во образъ тѣла Христова, «плоть же Христова отъ 4 стихій якоже и наша плоть», и въ подтвержденіе этой своей мысли ссылается на Симеона Ѳессалоникскаго.

Далѣе, въ отвѣтахъ 28 и 29 говорится объ имени Ісусъ; въ 30—о хожденіи противу солнца; въ 33 и 34 о явленіи пр. Богородицы списателю житія Ефросина; въ 37 — о хожденіи Ефросина въ Константинополь. Отвѣты 28—29 буквально сходны съ 146 отвѣтомъ Пращицы; 30—съ 157; 33—34 по содержанію сходны съ опроверженіями Пращицы; 37—съ 18 отвѣтомъ Пращицы.

Въ 31—32 отвѣтахъ идетъ рѣчь о сугубой аллилуіа. Здѣсь авторъ отвергаетъ прежде всего подлинность 27 слова Максима Грека, приписывая его нѣкоему льстецу, и доказываетъ потомъ, что и самый стоглавый соборъ не имѣетъ въ данномъ случаѣ ни малѣйшаго значенія.

Въ 35—36 опровергается достовѣрность хожденія Ефросина въ Царьградъ, при чемъ въ качествѣ доказательства

ставится, что писатель житія его ложно написалъ о явленіи ему во снѣ Богородицы.

Въ 39—40 нашъ авторъ излагаетъ таинственное значеніе трегубаго пѣнія аллилуіа.

Вотъ содержаніе всего сочиненія Питирима. Какъ можно видѣть изъ этого, авторъ въ немъ касается всѣхъ вопросовъ, которые составляли «камень преткновенія и соблазна для раскольниковъ», и всѣхъ положеній, которыми эти послѣдніе старались доказать правильность устройства своего общества въ религіозномъ отношеніи. Достигало ли, спрашивается, сочиненіе это своей цѣли и могло ли произвести впечатлѣніе на заблуждающихъ? Дѣйствительно ли оно могло быть «копіемъ, поражающимъ расколъ церковный»?

Не будемъ скрывать отъ себя недостатковъ сочиненія. Недостатки эти заключаются во 1-хъ, въ невѣрномъ пониманіи авторомъ нѣкоторыхъ историческихъ фактовъ, приводившемъ его къ ложнымъ выводамъ. Такъ въ отвѣтѣ 9-мъ доказывая, что совершеніе исповѣди у поповщины и безпоповщины нисколько не извиняется неимѣніемъ у нихъ архіерея, Питиримъ ссылается на практику Карѳаг. церкви, въ которой впадшихъ въ смертные грѣхи іерей могъ разрѣшать «понуждѣ» только съ благословенія архіерейскаго. Говоря такимъ образомъ, авторъ отрицаетъ у священниковъ власть прощенія грѣховъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и право исповѣди, что по существу ложно. Во 2-хъ въ недостаточно твердомъ знаніи догматическихъ истинъ, а отсюда въ нерѣшительности и сомнительности и нѣкоторыхъ отвѣтовъ. Такъ въ 12 отвѣтѣ, вмѣсто того, чтобы со всею рѣшительностію доказывать существованіе церкви и совершеніе евхаристіи до скончанія вѣка, высказывается условно и до такой степени, какъ будто бы и самъ раздѣлялъ мнѣнія раскольниковъ. Можно, наконецъ, отмѣтить противорѣчія. Такъ въ 16 отвѣтѣ, оправдывая несогласіе новоисправленныхъ книгъ съ старопечатными, ссылается на то, что они исправлены по греческимъ и древнимъ харатейнымъ книгамъ, т. е., другими словами, признаетъ неиспорченность русскихъ

харатейныхъ книгъ и ихъ согласіе съ греческими. Между тѣмъ въ 17 отвѣтѣ онъ говоритъ уже иное, а именно, что древніе переводы, съ которыхъ напечатаны старопечатныя книги, потому несогласны съ греческими, что древніе переводчики—греки плохо знали русскій языкъ, а русскіе плохо знали греческій, т. е. здѣсь уже отрицаетъ исправность харатейныхъ книгъ.

Но за указанными недостатками нельзя упускать изъ виду и нѣкоторыхъ положительныхъ достоинствъ сочиненія. И прежде всего въ великую заслугу автору слѣдуетъ поставить примирительный тонъ «Копія». Нигдѣ въ немъ не встрѣчается рѣзкихъ отзывовъ и выходокъ противъ раскольниковъ. Послѣдніе вездѣ называются «крестящимися двумя персты», и только въ одномъ мѣстѣ «раскольниками» и то условно. Самъ совопросникъ вездѣ называется «испытателемъ», а не «противникомъ», какъ въ Пращицѣ. Читая это сочиненіе, представляешь себѣ двухъ людей, дышущихъ не враждою другъ ко другу изъ за религіозныхъ убѣжденій, но—пріязненныхъ между собою, собравшихся поговорить о занимающихъ ихъ вопросахъ и, по возможности, уяснить самое дѣло. Этотъ примирительный тонъ дѣйствительно могъ производить благодѣтельное впечатлѣніе на раскольниковъ. Не находя въ сочиненіи никакихъ оскорбительныхъ для себя отзывовъ, они могли внимательнѣе отнестись къ нему, вдуматься лучше въ его содержаніе и безпристрастнѣе оцѣнить его убѣдительность.

Тотъ же духъ мира, по которому авторъ старался избѣгать всякихъ рѣзкихъ выраженій, замѣчается и въ самомъ развитіи доказательствъ. Авторъ сохраняетъ въ этомъ случаѣ благородную умѣренность; не считаетъ все безусловно ложнымъ въ религіозныхъ убѣжденіяхъ раскольниковъ, а отдаетъ имъ, гдѣ нужно, и должную дань справедливости. Таковы его отвѣты 20—22, 24—27. Кромѣ того, доказывая извѣстную мысль, авторъ не прочь встать на точку зрѣнія своихъ противниковъ и ихъ же оружіемъ вести полемику. Такъ напр. поступилъ онъ въ разборѣ вопроса о греческомъ православіи (отв. 15

и 16). Еще какъ на одно изъ самыхъ главныхъ достоинствъ «Копія» укажемъ на то, что авторъ почти нигдѣ, для доказательства извѣстной истины, не прибѣгаетъ къ свидѣтельствамъ сомнительной достовѣрности и только въ двухъ мѣстахъ дѣлаетъ ссылку на Ѳеогностовъ потребникъ (отв. 23, 27).

Характерныя указанія сочиненіе это даетъ и для исторіи тогдашняго раскола, особенно для внутренней его жизни. Въ немъ есть краткія, но тѣмъ не менѣе ясныя свѣдѣнія о поповщинѣ и безпоповщинѣ; о бѣглыхъ священникахъ и объ образѣ ихъ пріема въ поповщину. Наконецъ,—что самое важное,—изъ него мы узнаемъ, что раскольники до 1713 г. не теряли надежды, что у нихъ есть законное архіерейство, что архіереи у нихъ существуютъ, хотя не могли указать опредѣленнаго ихъ мѣста жительства.

Въ цѣломъ—и какъ выводъ изъ всего вышесказаннаго—«Копіе» Питирима, составляя первый литературный опытъ въ чисто миссіонерскомъ духѣ, способно дать лестную характеристику его составителю и могло бы открывать широкія перспективы для его духовнаго дѣла. И нѣтъ сомнѣнія, если бы Питиримъ удержался на этой нравственной высотѣ, много незримаго блага принесъ бы онъ видимой своей паствѣ и не безполезныя указанія могъ бы оставить своимъ преемникамъ. Но Питиримъ, какъ не разъ замѣчено уже было, облеченъ былъ и властью; за Питиримомъ на готовѣ стояла и сила. Внѣшнія прерогативы открывали доступъ и внѣшнимъ воздѣйствіямъ, разъ въ нихъ почувствуется нужда, или потребуетъ того интересъ личный. Одно случайное обстоятельство—и съ виду невинное—сдѣлало теперь изъ этой власти вопросъ и нравственной высотѣ Питирима поставило искусъ.

Н. Сахаровъ.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПОВѢРІЙ.

Молитва „на обидящаго".

По заповѣди Божественнаго Основателя христіанской религіи, послѣдователь Христа, стремящійся къ высотѣ нравственнаго совершенства, обязанъ молиться за своихъ обидчиковъ и притѣснителей: молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ (Матѳ. 5 гл. 44 ст.). Такимъ образомъ въ религіи христіанской однимъ изъ подвиговъ христіанскаго смиренія и нравственнаго совершенства является молитва *за* обидящаго. Но русская простонародная религіозность, — трудно прослѣдить какими путями, — выработала еще другой способъ молитвы въ отношеніи къ обидчику,—это способъ молитвы *на* обидящаго, который практикуется также не рѣдко и во многихъ мѣстахъ, хотя и не въ одинаковыхъ внѣшнихъ формахъ. Здѣсь мы опишемъ одинъ изъ такихъ способовъ, о которомъ намъ приходилось слышать не разъ.

Былъ праздникъ Преображенія. По всему обширному городу N раздавался торжественный праздничный звонъ; громко гудѣлъ большой соборный колоколъ въ двѣ тысячи пудовъ, не менѣе звучно вторили ему и сравнительно меньшіе колокола приходскихъ церквей. То былъ крестный ходъ изъ собора къ праздничному приходскому храму.

Извѣстно, что во всѣхъ русскихъ городахъ издревле существуетъ обычай крестныхъ ходовъ изъ собора къ праздничнымъ церквамъ, особенно въ лѣтніе праздники. Въ городѣ N обычай этотъ принимаетъ нѣсколько своеобразный характеръ. Народа на эти ходы стекается множество, являются

сюда жители изо всѣхъ концовъ города, не мало приходитъ также и обитателей окрестныхъ селъ и деревень, хотя и не всѣ съ одинаковыми цѣлями. Проводивъ ходъ изъ собора до праздничнаго храма, большая часть крестоносцевъ, особенно же молодежь городская, не входитъ въ самый храмъ для молитвы, а начинаетъ прохаживаться около церкви, гдѣ такимъ образомъ составляется нѣчто въ родѣ общественнаго гулянья. Многіе и крестнаго хода не сопровождаютъ, а являются прямо на это импровизованное гульбище для того только, чтобы на людей посмотрѣть, себя показать и найти здѣсь развлеченіе въ скучное передъобѣденное время. Такъ случилось и теперь: какъ только иконы внесены были въ церковь, тотчасъ же началось и обычное гулянье около нея,—начали составляться молодыя пары, завязались веселые разговоры, посыпались «купецкія» шутки и остроты, полился громкій, нисколько не сдерживаемый смѣхъ,—однимъ словомъ составилось настоящее загородное гулянье со всѣми его аттрибутами, за исключеніемъ одной только музыки, которую замѣняло хоровое пѣніе въ церкви, проникавшее наружу чрезъ отворенныя двери и окна.

— Господи—батюшко, истинный Создатель! Да что же это за богомолье?! Вѣдь это гульбище нечестивое, а не богомолье!

Восклицаніе это вырвалось у молодой женщины-крестьянки, сидѣвшей съ узелкомъ подъ мышкой на нижней ступени боковыхъ дверей храма, и вызвано было, какъ можно было замѣтить, особенно громкимъ и веселымъ смѣхомъ молодой, щеголевато одѣтой пары, проходившей въ это время мимо нея.

— А ты не осуждай, грѣхъ осуждать-то! — замѣтилъ на это тенденціозно пожилой купецъ, сидѣвшій тутъ же на ступени вмѣстѣ съ своею женою, одѣтою въ шелкъ по купечески.—Ты вотъ другихъ-то осуждаешь,—продолжалъ онъ,—а сама-то тоже здѣсь на ступеничкѣ сидишь. А вѣдь если пришла ты Богу молиться, такъ богомольцамъ мѣсто, я думаю, не здѣсь, а въ храмѣ Божіемъ!

— Я, батюшко, не за тѣмъ сюда пришла... я по особому дѣлу...—отвѣчала крестьянка.

— То-то и есть—по особому! А какое у тебя особое-то дѣло? Въ куфарки что-ли хошь рядиться?

— Нѣтъ, батюшко, у меня совсѣмъ особое дѣло... на счетъ пропажи своей я пришла...

— А насчетъ пропажи,—такъ и ищи ее тамъ, гдѣ слѣдуетъ, а осуждать грѣхъ!—внушительно проговорилъ купецъ и замолчалъ. Но не такою несообщительною оказалась его супруга. По врожденному женскому любопытству, она, видимо, заинтересовалась «пропажей» и, придвинувшись къ женщинѣ поближе, завела разговоръ съ нею.

— Пропажа, говоришь,—а и много у тебя пропало?

— Эхъ ужъ и не спрашивай, родная! Всеё обобрали, на что ужь кольца обвѣнчальныя и тѣ унесли!

— Неужли и кольца? Эки злодѣи! — всплеснула руками купчиха.

— Кольца-то знать больно ужь вотъ меня и мучаютъ. Ужь такая тоска, такая-ли тоска! А это все отъ нихъ, смотри... Беречь бы надо,—вѣдь это, слышь, законъ!...

— Какъ же не беречь, знамо законъ надо беречь; ужь какое дѣло—потерять законъ!...

— Такъ вотъ тоска-то больно и взяла, я и пришла сюда; наслышана, что есть здѣсь люди такіе,—помогаютъ?...

— Какъ не быть здѣсь людямъ, помогаютъ!

— Тоска-то, вишь, больно меня мучитъ, все отъ того, люди говорятъ, что кольца-то украли. Мнѣ ужь хоть бы кольца-то воротить, хоть бы эту тоску съ меня они сняли.

— Поворожилась бы, али погадала, можетъ и откроютъ?

— Какъ же, матушка, грѣшнымъ дѣломъ и гадала, что ужь грѣха таить.

— Ну, такъ что же, не помогло?.. Ничего не открыли?

— Какъ тебѣ сказать-то... словно бы немного-то и пооткрыли. Всѣ признаютъ вора-то, всѣ говорятъ одно, что свой воръ, ищи, говорятъ, около себя пропажу, а такъ,

чтобы прямо указать, такъ этого вишь не выходитъ... Оно, можетъ статься, и сама я виновата, что не все сдѣлала по ихнему, какъ они велятъ, ну и не выходитъ.

— Прямъ не все? Такъ что же ты не все-то?..

— Да такъ,—грѣха побоялась, отъ того и поостереглась. Дѣло-то вишь больно страшно... Кто ево знаетъ, какое оно дѣло-то...

— А какое?

— А вотъ какое,—разскажу я тебѣ по порядку. Пришла я къ ворожеѣ, — не далеко тутъ у насъ въ деревнѣ живетъ, на картахъ узнаетъ,—расположила она мнѣ карты, да и говоритъ: свой человѣкъ укралъ, червенный валетъ—вотъ онъ воръ-то, говоритъ, ищи вора около себя. А кто свой,—этого она не разсказала, такъ съ тѣмъ ушла я. И стала послѣ этого думать я на деверя,—человѣкъ-то онъ не путящій, да и ко мнѣ былъ не хорошъ, можетъ статься и со зла обворовалъ. Ну, а какъ ты къ нему пристанешь? Вѣдь слѣда онъ не оставилъ, какъ ты тутъ его узнаешь! Вотъ и стали люди говорить, какъ его узнать-то,—тоже разное, кто что скажетъ: одни говорятъ, что за упокой его помянуть, просвирку по немъ заупокойную вынуть, другіе—что панаѳиды нужно пѣть по немъ по нѣсколькимъ церквамъ,—самъ тогда окажется, а одна такъ и вотъ что велѣла сдѣлать: взять какъ нибудь тайкомъ, хоть ночью, волосъ прядь у него, отрѣзать да и положить въ церкву подъ престолъ на девять дёнъ; какъ пройдутъ эти девять дёнъ, вынуть ихъ оттуда изъ-подъ престола-то да въ землю на могилѣ и закопать: такъ душу всю вымотаетъ изъ него, говоритъ она,—тоска нападетъ на него такая, что онъ самъ тебѣ объявится, а то и въ сыру землю пойдетъ.—Да вѣдь, родимая, какъ бы я знала навѣрное-то, что это онъ, ну тогда такъ; а я навѣрное-то вѣдь ничего не знаю, думаю только, что это онъ, а тамъ кто его знаетъ. Потому и забоялась я грѣха на душу принять: а ну да какъ я загублю его по напрасну? Такъ и поопасилась я это сдѣлать.

— Только есть у насъ въ деревнѣ одна женщина, Матреной звать; мужъ у ней живетъ здѣсь въ городѣ въ извощикахъ. Эта-то Матрена и разсказала мнѣ про такое дѣло съ ея мужемъ. Была у нихъ въ домѣ золовка, Матрену-то эту она не любила,—страсть какъ ненавидѣла! Вотъ и задумала она разлучить Матрену съ мужемъ, лихое дѣло подѣлать съ ними. Разъ, когда пріѣхалъ онъ изъ города, она улучила минуту да и даетъ ему яблочко: на, говоритъ, съѣшь яблочко, больно ужь хорошо! Тотъ возьми да и съѣшь. Какъ съѣлъ онъ это яблочко,—что же милая? сразу возненавидѣлъ свою жену, просто глядѣть на нее не можетъ. И сталъ онъ послѣ этого все бить ее, бить,—страсть какъ билъ онъ ее. Какъ только пріѣдетъ изъ города,—изобьетъ до полусмерти, а уѣдетъ—тоска, вишь, нападетъ на него, жалѣть словно бы жену-то станетъ; пріѣдетъ,—опять бить. Добился до того,что жизни своей сталъ не радъ. Только здѣсь въ городѣ кто-то, жалѣючи его, и сказалъ ему про одну ворожею,—больно, говоритъ, отъ всякихъ лихихъ людей помогаетъ. Отыскалъ онъ ее, пришелъ къ ней, а она и говоритъ ему: что, говоритъ, съѣлъ яблочко-то? Хорошо видно показалось?—Сразу, вишь, отгадала, на чемъ ему подѣлано. Покучился онъ ей, чтобы помогла ему, деньгами тоже не мало заплатилъ, вотъ она и дала ему какую-то ягодку да и говоритъ: какъ пріѣдешь ты домой, улучи такое времячко, чтобы въ избѣ никого не было. Какъ не будетъ никого въ избѣ, ты возьми вѣникъ и вымети самъ весь соръ изъ избы, только мети-то ты, говоритъ, не листьями, а комелькомъ, а ягодку эту держи при себѣ. Какъ только выметишь ты весь соръ черезъ порогъ, тутъ на мосту и встрѣтится тебѣ тотъ человѣкъ, который это «лихо» съ тобой подѣлалъ; ты возьми ягодку-то эту и оброни, а потомъ подыми,—словно бы невзначай нашелъ,—да и дай ее ему, такъ вся, говоритъ, твоя тоска на того человѣка и перейдетъ. Онъ такъ и сдѣлалъ. Какъ только вымелъ онъ весь соръ черезъ порогъ, глядь,—анъ золовка-то тутъ и стоитъ. Далъ онъ ей эту ягодку, такъ она только ахнула да тутъ же

и проглотила. Съ тѣхъ поръ какъ рукой съ него сняло, пуще сталъ любить свою жену, а золовка-то зачахла да и умерла.

— Ужели умерла?

— Какъ есть умерла, тоска сначала-то на нее напала, а потомъ зачахла да и умерла...—Такъ вотъ, какъ разсказала мнѣ про эту ворожею Матрена-то, — мнѣ и захотѣлось побывать у ней,—авось, думаю, и моему горю поможетъ! Да и Матрена-то стала посылать,—ступай да ступай, больно, говоритъ, хорошо помогаетъ, про всякое дѣло можетъ распознать... Я подумала — подумала, да вотъ и пришла сюда.

— Такъ что же! Розыскала ее?

— Какъ же, розыскала, этотъ же самый мужъ Матренинъ, что извощичаетъ здѣсь, и указалъ мнѣ ее.

— Такъ помогла?

— Охъ ужь! Опять раздумье беретъ, не знаю, что и дѣлать-то. Пришла я вечёръ къ ней,— избушка у ней маленькая, на самомъ краю города живетъ, изъ себя страшная такая, и на человѣка-то ужь словно не похожа. Разсказала я ей про свое-то дѣло, — она сейчасъ въ карты, на картахъ тоже сначала-то разгадываетъ. — Раскинула она карты да и говоритъ: твой воръ червенная краля, у червенной крали пропажу свою ищи.—Какъ же, говорю я, милая, а я все на деверя своево думала, онъ, думалось, укралъ?—Что же, говоритъ, ты больше знаешь, али я? Говорю тебѣ, — у червенной крали пропажу свою ищи, а на деверя и думать не моги. — А не можешь-ли ты, спрашиваю я, разгадать мнѣ,— кто же эта самая червенная-то краля? — Изволь, говоритъ, могу, зеркало тебѣ я наведу, такъ тутъ все узнается,—только это дѣло три рубля будетъ стоить.

— Наводятъ, родимая, это правда что наводятъ, все, говорятъ, узнаютъ,—подтвердила купчиха.

— Ну, а я энтова, вѣдь, не знала, потому и спрашиваю ее: что же молъ, родимая, энто самое за зеркало?—А это, говоритъ, такое дѣло, что поставлю я тебѣ на столъ два зеркала, одно противъ другова, ну и будемъ мы съ тобой смо-

трѣть въ одно зеркало до тѣхъ поръ, пока не покажется онъ въ этомъ зеркалѣ; какъ покажется онъ въ зеркалѣ, такъ тутъ сама ты его — вора своего увидишь, какъ на ладонь я тебѣ его выведу, сама его узнаешь. Только, говоритъ, глядѣть тебѣ нужно такъ, чтобы не шевелиться и глазами не моргать, глазъ не спускай съ зеркала до тѣхъ поръ, пока онъ не покажется. — Гдѣ же, опять спрашиваю я, ты наведешь мнѣ это зеркало?—А это, говоритъ, гдѣ ты сама захочешь, хошъ—у меня здѣсь, хошъ—въ другомъ какомъ мѣстѣ, гдѣ тебѣ вздумается, только чтобы ужь иконъ не было въ этой избѣ, всѣ иконы нужно вонъ изъ избы, а Димитрія Ростовскаго такъ чтобы и во всемъ домѣ не было.

— Господи страсти какія! Всѣ иконы вонъ! — вскричала купчиха.

— Да, всѣ иконы, и съ себя крестъ чтобы долой. А наводить-то, вишь, она будетъ въ двѣнадцатомъ часу ночи, только въ это время можно навести.

— Вишь нечистой силой дѣйствуетъ,—замѣтила купчиха.

— Кто ее знаетъ, стало быть нечистой, когда крестъ долой и иконы вонъ. Посмотрѣла это я у ней въ избѣ-то, ни одной иконки нѣтъ, а по стѣнамъ, вмѣсто иконъ, все какія-то снадобья да травы словно бы какія развѣшаны. Ужасъ меня взялъ! Какъ, думаю, тутъ нечистой силѣ не водиться! А ну да какъ она со мной тутъ что подѣлаетъ? Не выйдешь и изъ избы-то! Страшно показалось!

— Какъ же не страшно-то, отозвалась купчиха. Я слыхала, что это дѣло нужно дѣлать умѣючи. Какъ сейчасъ онъ показался, такъ скорѣй и закрывай чѣмъ нибудь зеркало, не давай ему, чтобы онъ къ тебѣ близко подошелъ. А какъ скоро прозѣвала ты, такъ онъ такъ ударитъ по зеркалу, что все зеркало въ дребезги разлетится. Тутъ онъ выйдетъ изъ зеркала да тебя и задушитъ. Изъ зеркала не выпущай его.

— То то и есть,—и мнѣ страшно показалось! А все-таки добра-то своно жаль, узнать-то хочется; ужь такъ и быть, думаю, какъ нибудь вытерплю, только бы узнать-то. Вотъ я

и говорю ей: а что, родимая, какъ наведешь ты мнѣ его въ зеркалѣ-то, да я его узнаю,—отдастъ онъ мнѣ тогда мое-то добро?—А тогда, говоритъ она, тоску я наведу на него такую, что онъ жизни своей будетъ не радъ, самъ принесетъ къ тебѣ твое добро, своими руками отдастъ, или подкинетъ гдѣ,—а не принесетъ такъ удавится, либо утопится, руки на себя наложитъ непремѣнно.—Что же, молъ, ты мнѣ снадобья что-ли какого дашь?—Никакого снадобья не нужно, говоритъ, а все это дѣло я за двадцать копѣекъ тогда тебѣ ужь сдѣлаю. Какъ узнаешь ты его, увидишь ворога своего въ зеркалѣ, и служи ты тогда на своего обидчика по три раза три молебна Ивану Воину, въ первый день, девятый и двѣнадцатый, а за каждымъ молебномъ ставь ты по три свѣчки восковыхъ, и ставь ты ихъ вверхъ ножками и внизъ головой; а мнѣ ты тогда дашь двадцать копѣекъ тоже на свѣчки: стану я по двѣнадцать дней акафисты читать тому же Ивану Воину на обидящаго, и за каждымъ акафистомъ по свѣчкѣ ставить тоже вверхъ ножками.

— Что ты тутъ болтаешь,—замѣтилъ кто-то изъ постороннихъ, заслышавшій разговоръ о свѣчкахъ съ ножками,—да нѣшто у свѣчекъ-то есть ножки-то?

— Стало быть вотъ есть, когда сказала, что надо ставить вверхъ ножками, а внизъ головкой,—отвѣчала крестьянка.

— Вотъ этого я не слыхалъ, чтобы вверхъ ножками,—снова обратился въ сторону разговаривавшихъ купецъ, который первый затѣялъ разговоръ съ крестьянкой. А это подлинно вѣрно, что отъ пропажи служатъ молебны Ивану Воину *на обидящаго*,—такъ и заказываютъ прямо на обидящаго. Самое вѣрное средство найти пропажу, когда укралъ кто, или самъ обронилъ. Разскажу я тебѣ про такую исторію съ моимъ пріятелемъ,—самъ онъ передавалъ мнѣ ее опосля, человѣкъ вѣрный, врать не будетъ. Ѣхалъ онъ разъ по желѣзной дорогѣ, при немъ была поклажа, такъ тебѣ сказать, рублей на двѣсти. Пріѣхалъ онъ сюда, слѣзъ съ машины, а поклажу-то и забылъ, не захватилъ съ собой,—такъ, говоритъ,

въ головѣ словно бы что помутилось. Вспомнилъ онъ объ ней ужь на дорогѣ, какъ съ вокзала поѣхалъ, воротился было, анъ машина-то ужъ уѣхала. Погорячился—погорячился тутъ онъ на вокзалѣ-то, начальство на ноги поднялъ, да съ пустомъ и уѣхалъ,—кому какое дѣло хранить чужое добро! Жаль ему стало своего добра, вотъ и отправился онъ въ этотъ самый храмъ,—при этомъ купецъ указалъ на одну изъ городскихъ церквей, — икона въ этомъ храмѣ есть Ивана Воина, большая, тутъ и заказалъ ему, угоднику, молебенъ на обидящаго. Что же бы ты думала? Черезъ недѣлю, никакъ, и пріѣзжаетъ къ нему какой-то... баринъ ли тамъ, али другой кто,—и привозитъ ему его пропавшую поклажу: на, говоритъ, батюшко, только возьми, тоска меня взяла, насилу, говоритъ, розыскалъ тебя.—Такъ вотъ что значитъ онъ—молебенъ-то Ивану Воину на обидящаго!... Самъ передавалъ мнѣ опосля, и священнику, говоритъ, заявилъ о томъ... А только о свѣчкахъ не говорилъ, можетъ словомъ не домолвился.

— Да, стало быть вотъ правду она говорила, что на обидящаго, замѣтила крестьянка.

— На обидящаго какъ есть, Ивану Воину,—подтвердилъ купецъ.

— Какъ же это такъ—молиться *на* обидящаго?—возразилъ тотъ-же кто-то, что раньше замѣчаніе сдѣлалъ о свѣчкахъ и который оказался «не изъ простыхъ».—Господь велѣлъ молиться *за* обидящія, а не *на* обидящія, молиться за враговъ, а не на враговъ?

— То особь статья молиться за врага—обидчика, а это особенное дѣло—молебенъ на обидящаго,—отвѣчалъ купецъ.

— Что же это значитъ молиться *на обидящаго*?

— А то и значитъ, чтобы Господь тоску на него послалъ, когда онъ обидѣлъ человѣка.

— Вѣдь это грѣхъ—такая-то молитва?

— Какой же грѣхъ въ молитвѣ?!. Вѣдь Господь, я думаю, молитву-то опредѣлилъ, всякая молитва отъ Господа опредѣлена!

— А Господь-то вотъ такъ и опредѣлилъ, чтобы ты не мстилъ своему обидчику, не воздавалъ ему зломъ за зло, а напротивъ прощалъ ему за учиненное тебѣ зло, желалъ ему добра и молился за него; а ты вонъ чего просишь ему у Господа, какой-то «тоски», хочешь погубить его!

— Зачѣмъ мнѣ его губить! Какая мнѣ въ его погибели польза! Мое дѣло только помолиться, чтобы возвратилъ обидчикъ мой мое добро,—а тамъ ужь какъ Господь съ нимъ опредѣлитъ. Стало быть вѣдь Господь же это опредѣляетъ, что по моей молитвѣ тоску на него напущаетъ? Вѣдь не я же самъ тоску-то на него нагоню, а Иванъ Воинъ—угодникъ великій.

— Такъ ты бы такъ и предоставилъ это дѣло Господу поступить съ нимъ—твоимъ обидчикомъ какъ Ему угодно, а самъ съ своей стороны простилъ бы его, да еще помолился бы, чтобы Господь-то ему простилъ и обратилъ зло его во благо ему же?

— Эко, братецъ, причу какую ты сказалъ!—съ ироніей отвѣчалъ купецъ.—Это вотъ все едино какъ если бы, къ примѣру, ты сейчасъ полѣзъ ко мнѣ въ карманъ, такъ я, стало быть, долженъ въ это время простить тебя да еще молиться, чтобы и Господь помогъ тебѣ благополучно выбраться съ моими денежками изъ кармана, да еще разбогатѣть на нихъ? Такого, братецъ, правила нигдѣ въ писаніи ты не найдешь.

Въ это время снова ударили во всѣ кимвалы доброгласны, обѣдня окончилась, и изъ церкви понесли иконы обратно въ соборъ. Народъ началъ расходиться по домамъ.

— Прощенья просимъ, матушка, благодаримъ на добромъ словѣ! — приподнимаясь съ мѣста, проговорила крестьянка купчихѣ.

— Прощай, милая!—Такъ что же ты—будешь зеркало-то наводить?—спросила ее на прощаньи купчиха.

— Да ужь стало быть нужно, дѣло-то, вишь, вѣрное...

— Вѣрное дѣло, служи молебенъ Ивану Воину на обидящаго,—не разслышавъ вопроса жены, внушительно проговорилъ крестьянкѣ купецъ.

Ѳ. Тихвинскій.

СЕРБСКІЙ ПРОТОІЕРЕЙ МАТѲЕЙ НЕНАДОВИЧЪ [1]).

Теперь обратимъ вниманіе на то, что происходило въ Сербіи во время путешествія протоіерея Матѳея Ненадовича съ товарищами въ Россію.

Въ концѣ 1804 и началѣ 1805 года тамъ наступило затишье: дахіи были перерѣзаны и со смертію ихъ прекратилось главное зло. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія пословъ изъ Петербурга и весенняго времени, какъ болѣе благопріятнаго для военныхъ дѣйствій, и, при видимомъ спокойствіи, дѣятельно готовились къ борьбѣ съ турками, хотя и не переставали говорить, что они царская райя, и что противъ султана ничего не имѣютъ, а ведутъ борьбу только противъ измѣнниковъ султана. Между тѣмъ Бекиръ-паша, прибывшій для усмиренія сербовъ, самъ очутился какъ бы въ плѣну. Бѣлградскою крѣпостію овладѣли турки—кирджаліи [2]), которые со смертію дахіевъ лишились своего жалованья. А такъ какъ смерти дахіевъ былъ причастенъ и Бекиръ-паша, то Гушанацъ-Алія и держалъ его подъ стражею въ Бѣлградѣ, требуя отъ него уплаты жалованья. Не будучи въ состояніи удовлетворить требованію кирджаліевъ, Бекиръ-паша принужденъ былъ обратиться за помощью къ сербамъ, не смотря на свою величайшую ненависть къ нимъ, особенно къ Карагеоргію. Сербы, дѣйствительно, выручили его изъ плѣна, уплативъ

[1]) См. янв. книгу «Странника».

[2]) Въ началѣ возстанія въ Сербію прибылъ изъ Македоніи нѣкто Гушанацъ-Алія съ 900 кирджаліевъ (наемное турецкое войско) ища войны и добычи. Кучукъ-Алія, одинъ изъ дахіевъ, принялъ его къ себѣ на службу.

кирджаліямъ требуемую сумму. Въ это же время въ Сербію прибылъ изъ Константинополя Сулейманъ-паша для занятія крѣпости Бѣлградъ. Кирджаліи не пропустили-было его въ Бѣлградъ и онъ поселился въ г. Смедеревѣ. Вскорѣ однако онъ снова явился въ Бѣлградъ, полный ярости къ кирджаліямъ и презрѣнія къ Бекиръ-пашѣ, и составилъ изъ турецкихъ горожанъ партію, склонную къ примиренію съ сербами. Но Бекиръ-паша, желая самъ покончить сербское дѣло и тѣмъ самымъ выслужиться въ глазахъ своего правительства, предупредилъ его и заключилъ съ сербами миръ, условія котораго были слѣдующія: 1) Карагеоргій сохраняетъ верховное управленіе дѣлами сербскаго народа и ежегодно платитъ Сербіи 500,000 піастровъ. 2) Только сербы могутъ быть судьями сербовъ и ни одинъ турокъ не только не можетъ селиться въ ихъ селахъ, но и временно пребывать въ нихъ. 3) Турецкіе сборщики податей уничтожаются, но плата бѣлградскому пашѣ выдается неотложно. 4) Что сербы привезутъ на торгъ, то турки должны покупать на готовыя деньги. 5) Войско состоитъ изъ турокъ и сербовъ; Карагеоргій сохраняетъ при себѣ особую стражу изъ 500 человѣкъ. Эти мирныя условія были посланы въ Константинополь на утвержденіе. Но секретнымъ образомъ Бекиръ-паша совѣтовалъ своему правительству замедлить отвѣтомъ, а съ своей стороны заключилъ съ Карагеоргіемъ перемиріе на временныхъ условіяхъ [1]). Послѣ этого Бекиръ-паша отправился въ Боснію. 26 Октября онъ остановился въ г. Палежѣ для ночлега. Въ ночь выпалъ довольно значительный снѣгъ, который затруднилъ дальнѣйшее движеніе Бекиръ-паши съ войскомъ и орудіями. Ему оставалось теперь или бросить здѣсь пушки и другія военныя принадлежности, или же вмѣстѣ со всѣмъ этимъ медленно продолжать свой путь. Бекиръ-паша предпочелъ первое. Призвавъ къ себѣ воеводу Якова, дядю протоіерея Ненадовича, онъ сказалъ ему: „вотъ тебѣ палатки, пушки и аммуниція, все это царское. Если вы дѣй-

1) Россія и Сербія, Н. Попова. Т. I, стр. 27.

ствительно, какъ говорите, царская райя, то вы должны все это отправить вслѣдъ за мною. Если же вы не царская райя, то дѣлайте съ этимъ, что вамъ угодно [1])". Воевода счелъ за болѣе благоразумное выполнить первое условіе, и отправилъ всѣ эти принадлежности военнаго лагеря на р. Дрину (Боснійская граница) и въ Бадовинци передалъ ихъ туркамъ.

Таково было положеніе дѣлъ въ Сербіи во время отсутствія протоіерея Ненадовича. Сербы замѣтно старались поддерживать хорошія отношенія къ туркамъ, не зная, чѣмъ кончится посольство въ Россію, и ожидая окончанія зимы.

Наступилъ 1805 годъ. Матѳей Ненадовичъ возвратился въ Сербію. Вмѣсто того, чтобы отправиться въ свой домъ, онъ направился прямо къ воеводѣ Катичу въ с. Рогачу, а отсюда къ Карагеоргію. Отъ воеводъ и главнѣйшихъ старѣйшинъ Ненадовичъ не скрылъ настоящаго результата своей поѣздки и сообщилъ, что Россія пока не можетъ оказать Сербіи никакой другой помощи, кромѣ дипломатической: не такъ поступилъ онъ относительно простаго народа—массы. Ненадовичъ счелъ за лучшее не открывать народу до времени дѣйствительнаго результата своей миссіи въ Петербургѣ, да кажется и невозможно было ему поступить иначе, потому что простой народъ прямо бы не повѣрилъ, будто великая, сильная и сродная ему Россія отказывается прислать войско противъ общаго врага—турокъ: народъ не зналъ, что такое политика, но зналъ, что такое нужда и бѣдствіе, и вѣрилъ, что тамъ далеко на сѣверѣ есть великій и сродный ему народъ, который въ состояніи избавить его отъ бѣдствій, если только захочетъ. Къ тому же, открывши народу истину, протоіерей Ненадовичъ тѣмъ самымъ уронилъ бы и себя нѣсколько въ глазахъ его, что, конечно, для него было совсѣмъ не желательно. Но изложимъ собственными словами Ненадовича объясненіе его съ народомъ, происходившее во время первой же скупщины,—созванной въ с. Врелу для обсужденія нѣкоторыхъ народныхъ

---

[1]) Мемуары, стр. 131.

дѣлъ,—по окончаніи церковной службы, на площади передъ большимъ новымъ Евангеліемъ. „Народу множество, пишетъ Ненадовичъ; всѣ цѣлуютъ Евангеліе и молятся. Я говорю народу, что это св. Евангеліе прислалъ имъ чрезъ меня самъ императоръ Александръ, чтобы мы, цѣлуя его, поклялись не выдавать другъ друга. Въ скоромъ времени императоръ обѣщалъ намъ прислать помощь; но вы, продолжалъ я, держите это въ секретѣ отъ турокъ и говорите пока, что мы царская райя, что будемъ давать дань царю и уничтожать только царскихъ измѣнниковъ. Народъ, говоритъ далѣе протоіерей, слушаетъ меня, какъ святаго и вѣритъ всѣмъ моимъ словамъ. „Устроивайте дѣла, отвѣчаетъ ему толпа, какъ знаете лучше, а наше дѣло—повиноваться“ [1]). Присутствовавшіе на скупщинѣ Карагеоргій и другіе воеводы ничего не возражали противъ благотворной лжи Ненадовича. Понятно, что все это сдѣлано было съ ихъ согласія: они и сами боялись, какъ бы народъ, узнавъ, что онъ предоставленъ теперь только собственнымъ силамъ, не палъ духомъ.

Между тѣмъ сербское войско къ тому времени почти все за исключеніемъ находившагося на окрайнахъ тогдашнихъ незначительныхъ Сербскихъ владѣній разошлось по домамъ, хотя по мѣстамъ все еще не прекращались мелкія стычки съ турками. У каждаго воеводы для личной охраны оставалось только нѣсколько народныхъ кавалеристовъ; самое большое число ихъ было у Карагеоргія и Гайдукъ-Велька. Но и это войско не имѣло жалованья, а между тѣмъ расходы у него были довольно значительны: каждый кавалеристъ долженъ былъ имѣть своего собственнаго коня, свое вооруженіе, одежду, кормить себя и своего коня на свой счетъ. Всѣ эти издержки кавалеристы охотно несли во время войны, потому что вся военная добыча раздѣлялась воеводою между ними. Въ этомъ отношеніи особенно выдѣлялся Гайдукъ-Велько: не только добычу, но и собственное имущество онъ дѣлилъ между своими дружинниками. За то, теперь, когда войны соб-

1) Мемуары, стр. 131.

ственно не было и кавалеристы лишились своего жалованья и военной добычи, дружинники Карагеоргія рѣшились оставить его, сказавъ при этомъ: „прощай государь! мы идемъ въ свои дома; даромъ мы не можемъ тебѣ служить, а когда ты опять начнешь войну, мы готовы за тобой слѣдовать“.

Такой поступокъ солдатъ поразилъ Карагеоргія: главный виновникъ возстанія, онъ теперь очутился одинъ, хотя и не въ опасномъ, но всетаки въ непріятномъ положеніи. Кто же подалъ ему руку помощи, чтобы избавить его отъ такого положенія? Протоіерей М. Ненадовичъ. Вотъ что онъ разсказываетъ по этому поводу: „около великаго поста (1805 г.) воевода Янко Катичъ письменно увѣдомилъ меня, что Карагеоргій оставленъ своими дружинниками. При этомъ онъ приглашалъ меня къ себѣ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ отправиться къ Карагеоргію и разобрать въ чемъ дѣло. Въ одинъ день я прибылъ въ с. Рогачу, а на другой день вмѣстѣ съ Катичемъ мы отправились въ с. Тополу, имѣя каждый при себѣ по пяти солдатъ. Карагеоргія мы не застали дома; жена его Елена сообщила намъ, что онъ ушелъ въ Крчевацъ (ближайшій лѣсъ). А гдѣ солдаты? спросили мы. Недавно, отвѣчала она, всѣ они пришли къ Карагеоргію, сказали, что у нихъ дома некому работать, что здѣсь они попусту тратятъ время, что даромъ служить они не могутъ, и — разошлись по домамъ. Немного погодя, пріѣхалъ и Карагеоргій на своемъ ворономъ конѣ въ сопровожденіи деньщика. Онъ разсказалъ намъ тоже самое; онъ былъ страшно сердитъ и говорилъ мало“. Тотчасъ же были собраны булюбаши (сотники): Петръ Іокичъ, Милованъ изъ Гараине и Плякичъ изъ Каменицы; имъ было приказано собрать всѣхъ своихъ солдатъ въ Тополу. Солдаты были собраны и поставлены во фронтъ. Протоіерей Ненадовичъ и Катичъ вышли къ нимъ и стали упрекать ихъ за дурной поступокъ; они въ свою очередь оправдывались и просили, чтобы имъ назначили хотя бы небольшое жалованье, потому что они люди семейные. Посовѣтовавшись между собою и съ булюбашами, Ненадовичъ и Катичъ предложили солдатамъ каж-

дому по 6-ти дукатовъ (золотая монета отъ 3-хъ р.). Солдаты остались очень довольны, благодарили воеводъ и клялись, что пребудутъ вѣрными Карагеоргію до конца своей жизни, если онъ будетъ соблюдать это условіе относительно жалованія. Ненадовичъ и Катичъ увѣрили солдатъ, что они сами лично станутъ уплачивать имъ жалованье, если случится, что князь почему либо откажетъ въ немъ, — и пошли затѣмъ къ Карагеоргію, чтобы передать ему о своемъ разговорѣ съ солдатами. Вслѣдъ за ними пришли и солдаты къ Карагеоргію. Старшіе изъ нихъ подходили къ нему и цѣловались съ нимъ, а младшіе цѣловали его руку. Тѣ и другіе при этомъ говорили: „прости насъ, государь! мы виноваты предъ тобою и теперь раскаяваемся“. Указывая на Ненадовича и Катича, они продолжали: „вотъ предъ ними мы поклялись и тебѣ клянемся быть вѣрными тебѣ до смерти“. У Карагеоргія показались слезы на глазахъ и онъ сказалъ: „идите каждый на свое мѣсти; я прощаю васъ и больше не буду объ этомъ упоминать. Впередъ же, если кто изъ васъ захочетъ оставить меня, то пусть заранѣе заявляетъ мнѣ объ этомъ...“ Такъ помирился Карагеоргій съ солдатами, и Ненадовичъ съ Катичемъ возвратились къ домамъ.

17-го апрѣля была созвана народная скупщина въ Петянахъ; здѣсь было составлено прошеніе къ султану, которому сербы жаловались на отягощеніе народа и насилія отъ кирджаліевъ. Для доставленія прошенія въ Константинополь были избраны прот. Алексѣй Лазаревичъ, Стефанъ Живновичъ и Іованъ Протичъ; послѣдняго положено было замѣнить въ Бухарестѣ Чардакліемъ, который долженъ былъ отправиться въ Константинополь инкогнито для болѣе удобнаго сношенія съ русскимъ посломъ въ Константинополѣ, какъ о томъ было приказано сербамъ въ Петербургѣ. 28-го мая сербскіе уполномоченные прибыли въ Константинополь и чрезъ паріарха подали свое прошеніе султану Селиму. Въ началѣ Порта склонялась на сторону мира съ сербами, тѣмъ болѣе, что въ это время въ ней происходили значительныя внутреннія и внѣшнія вол-

нія. Но потомъ, подъ вліяніемъ пашей и беговъ, враждебно расположенныхъ къ Сербіи, и французскихъ дипломатовъ, старавшихся выставить участіе русскихъ въ сербскихъ дѣлахъ, какъ приготовленіе къ общей войнѣ противъ Турціи, Порта порѣшила не только силою оружія усмирить Сербію, но и поставить ее въ положеніе еще худшее того, въ которомъ она находилась до возстанія. Сербскимъ депутатамъ теперь было не до переговоровъ: пришлось думать о спасеніи своей жизни. Живковичу удалось выбраться изъ Константинополя подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ желаетъ уговорить сербскій народъ мирно принять пашей, которые будутъ посланы для занятія Сербіи. Остальные двое—прот. Лазаревичъ и Чардиклій, при помощи друзей, бѣжали въ Одессу на небольшой лодкѣ, а отсюда въ октябрѣ прибыли въ Петербургъ [1]).

Узнавъ о такомъ результатѣ своего посольства въ Константинополь, сербы стали готовиться съ оружіемъ въ рукахъ встрѣтить турокъ. Но вмѣстѣ съ военными приготовленіями шли разсужденія и о внутреннемъ нарядѣ. Карагеоргій издалъ строгій указъ, чтобы всѣ молодые несемейные сербы, способные носить оружіе, явились въ отряды, раздѣленные по нахіямъ, и ослушникамъ грозилъ смертною казнію. Строгость подѣйствовала: на Боснійской границѣ, около Бѣлграда и на Моравѣ сосредоточились значительныя военныя силы, и кромѣ того подъ Остружницей устроенъ былъ лагерь, среди котораго Карагеоргій и назначилъ свою главную квартиру. Для полученія средствъ, необходимыхъ на поддержаніе борьбы, назначена была дань въ 25 тыс. піастровъ [2]); для поднятія совершенно упавшей торговли Карагеоргій учредилъ столь строгій надзоръ за разбойниками, что многіе изъ нихъ бѣжали въ Австрію, оставивъ Сербію [3]). Въ это же время наконецъ стали погова-

---

[1]) Россія и Сербія Н. Попова. М. 1869. Т. 1, стр. 35.

[2]) Кромѣ того, счастливый случай доставилъ сербамъ довольно значительную сумму денегъ. Они схватили одного янычарского старшину, у котораго отняли 500 тыс. піастровъ, которые и поступили въ военную казну.

[3]) Россія и Сербія, стр. 37.

ривать и объ учрежденіи въ Сербіи Правительствующаго совѣта.

Мысль объ учрежденіи Правительствующаго Совѣта сербскаго народа была вынесена сербскими депутатами изъ Россіи. Изъ мемуаровъ прот. Ненадовича видно, что въ Петербургѣ сербскихъ депутатовъ упрекали (особенно Чарторійскій, министръ иностр. дѣлъ) въ томъ, что Кара-Георгій, главный вождь ихъ, убиваетъ людей и чинитъ неправду. Депутаты старались опровергнуть подобное обвиненіе. „Кара-Георгій, говорили они, беретъ къ себѣ по одному изъ лучшихъ и правосуднѣйшихъ людей изъ каждаго округа, возставшаго противъ турокъ. Эти люди постоянно находятся при Кара-Георгіѣ и вмѣстѣ всѣ производятъ судъ надъ преступниками. Исполненіе ихъ приговора надъ пресупниками производится чрезъ солдатъ, которые находятся подъ властію Кара-Георгія". Чарторійскій замѣтилъ имъ на это, что это хорошо, а если этого нѣтъ въ дѣйствительности, то желательно, чтобы такъ было. Въ противномъ случаѣ, говорилъ онъ, ни Россія, ни другое государство не будетъ сноситься съ однимъ только лицомъ, а каждое государство будетъ сноситься съ цѣлымъ народомъ, или же сунодомъ.

Обстоятельство это и подало сербскимъ депутатамъ мысль объ учрежденіи Правительствующаго Совѣта. По прибытіи на родину (около половины января 1805 г.), М. Ненадовичъ и І. Протичъ усердно начали хлопотать объ учрежденіи Совѣта: первый около Кара-Георгія, Як. Ненадовича, Милана Обреновича, кнеза Сима и другихъ старѣйшинъ духовныхъ и свѣтскихъ, а второй около воеводы Миленки Добрынца и др. Кара-Георгій и всѣ другіе воеводы и старѣйшины были согласны на учрежееніе Совѣта; народъ тоже былъ радъ учрежденію Совѣта и желалъ, чтобы имъ было положено основаніе Сербскаго правительства. Но въ это то именно время со всѣхъ сторонъ грозною тучею стали налегать на Сербію турки; скупщина не могла собраться для обсужденія дѣла объ учрежденіи Совѣта. Настало время кровавыхъ схватокъ сербовъ съ турками.

Протоіерей Ненадовичъ лично принималъ участіе въ этихъ схваткахъ съ турками. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ этихъ подробностей, тѣмъ болѣе, что въ связи съ ними находится и учрежденіе Правительствующаго Совѣта, за который особенно ратовалъ Ненадовичъ.

Въ концѣ іюля 1805 г. Кара-Георгій осадилъ Карановацъ, гдѣ засѣли турки. 29-го числа онъ выгналъ отсюда турокъ, а городъ сжегъ. Между тѣмъ было получено извѣстіе, что Порта сдѣлала Бѣлградскимъ визиремъ Афизъ-пашу изъ Ниша, который и получилъ приказаніе, набравъ сколько нужно войска, отправиться въ Бѣлградъ для усмиренія сербовъ. Афизъ-паша тотчасъ же началъ собирать войско и въ то же время заказалъ приготовить нѣсколько тысячъ войлочныхъ шляпъ, которыя носились исключительно сербскою райею и составляли предметъ особой моды въ Пожеревацкомъ округѣ,—и такое же количество небольшихъ ножей. Все это было сдѣлано съ тою цѣлію, чтобы снабдить этими шляпами сербовъ вмѣсто красныхъ фесъ, составляющихъ отличительную принадлежность турокъ, а ножички роздать сербамъ вмѣсто оружія. Нагрузивши все это на нѣсколько подводъ, Афизъ-паша двинулся въ Сербію, вполнѣ увѣренный, что ему удастся продѣлать эту злую насмѣшку надъ возмутившеюся райею. Впереди былъ посланъ Омеръ-ага въ г. Ужицъ [1]), чтобы онъ тамъ былъ муселимомъ (старшиной) и нанималъ солдатъ изъ Боснійскихъ мусульманъ. Войско это Омер-ага долженъ былъ приготовить ко времени прибытія Афизъ-паши въ Бѣлградъ. Кара-Георгій узнавъ объ этомъ послѣ взятія Карановца, остался въ этомъ краѣ, чтобы набрать войско въ Ягодинскомъ округѣ. Протоіерея же Ненадовича, вмѣстѣ съ Як. Ненадовичемъ и Миланомъ,

[1]) Омеръ-ага по пріѣздѣ въ г. Ужицъ послалъ протоіерею Ненадовичу письмо, въ которомъ говорилъ, что Ненадовичъ, какъ человѣкъ грамотный, долженъ знать, что сопротивляться царю грѣхъ. Вмѣсто того онъ совѣтовалъ протоіерею постараться объ усмиреніи народа; въ благодарность за это султанъ дастъ фирманъ (грамоту) и сдѣлаетъ Ненадовича, какъ и его отца, оберъ-княземъ. Но протоіер. Ненадовичъ отвергъ предложеніе, сказавъ: «казнили моего отца, и теперь мнѣ предлагаютъ милость».

онъ послалъ уладить какъ-нибудь дѣло съ ужичанами, чтобы они не приняли участія въ дѣйствіяхъ Афизъ паши, и держались нейтралитета относительно сербовъ, пока послѣдніе не поразятъ Афизъ-пашу. Кара-Георгій опасался нападенія ужичанъ съ тылу во время его сраженія съ Афизъ-пашею. М. и Як. Ненадовичи съ Миланомъ тотчасъ же пригласили ужичанъ для переговоровъ; послѣдніе прислали къ нимъ въ лѣсъ Урнкосу 20 человѣкъ своихъ выборныхъ. На вопросъ сербовъ,—по какой причинѣ ужичане пригласили къ себѣ изъ Босніи бега Новлянина и Фочича Османъ-агу, и зачѣмъ имъ нуженъ Омеръ-ага изъ Ниша,—ужичане отвѣчали, что они не собираютъ никакого войска и ничего не знаютъ, зачѣмъ къ нимъ прибылъ и что дѣлаетъ Омеръ-ага. Сербы напомнили ужичанамъ, что боснійскій визирь Бекиръ-паша долженъ былъ предать имъ 4-хъ дахіевъ и позволить даже умертвить ихъ. „Извѣстно также вамъ, продолжали сербы, что шабацкіе турки не въ состояніи были выдержать нашего нападенія, а потому они еще въ прошедшемъ году выгнали изъ крѣпости Мусага Фочича съ 300 янычаръ и живутъ теперь съ нами въ мирѣ и любви, какъ и прежде, въ противномъ же случаѣ мы бы сожгли ихъ городъ. Поэтому и вы должны выгнать Омеръ-агу, бега Новлянина, Османъ-агу Фочича и ихъ войско, или же позволить намъ это сдѣлать, чтобы намъ съ вами остаться въ мирѣ". Въ отвѣтъ на это ужичане сказали, что они сами не въ состояніи выгнать агъ съ войскомъ, а предать ихъ сербамъ, вѣра не позволяетъ. „Въ такомъ случаѣ, замѣтили сербы, мы сами придемъ съ войскомъ выгнать агъ, которые пришли возмущать васъ противъ насъ, и тогда придется потерпѣть отъ насъ и ужичанамъ; грѣхъ же будетъ на вашей душѣ". Окончивъ переговоры съ ужичанами, протоіерей Ненадовичъ отправился въ Бранковину, откуда написалъ просьбы ко всѣмъ князьямъ, чтобы они къ назначенному дню набрали войска сколько кто можетъ, и привели его въ Бранковину. Письма эти были разосланы Божо-Груевичемъ, а самъ Матѳей Ненадовичъ отправился въ Землинъ за порохомъ и другими военными припаса-

ми. Возвратившись назадъ, онъ засталъ уже собранное войско у Бранковины, которое и повелъ съ пушками къ Ужицу. Въ числѣ воеводъ, осаждавшихъ Ужицъ, находился и архимандритъ Хаджи Мелентіе. Сербское войско окопалось небольшимъ рвомъ; турки въ свою очередь построили заборы между своими домами. Уже нѣсколько разъ сербы усилено нападали на городъ, но безъуспѣшно: турки отбивали всѣ ихъ приступы. Теперь же, когда протоіерей Ненадовичъ привезъ сюда пушки, осада пошла очень успѣшно. Началась канонада; городъ во многихъ мѣстахъ загорѣлся; турки не устояли и заперлись въ крѣпости. Но крѣпость была такъ мала, что не могла вмѣстить и половины ужицкаго населенія. Много людей—женъ и дѣтей остались совершенно безъ всякой защиты и послужили мишенью сербскихъ пушечныхъ выстрѣловъ. Изъ города слышались ужасные стоны женщинъ и дѣтей. Сербы наконецъ прекратили губительный огонь. Въ битвѣ погибъ между прочими знаменщикъ протоіерея Ненадовича Демьянъ Миленковичъ изъ Котешицы, замѣчательный въ томъ отношеніи, что еще въ началѣ 1804 г. выполнилъ съ опасностію жизни два порученія Матѳея и Якова Ненадовича: пробрался сквозь турокъ къ черногорскому владыкѣ Петру и въ Рисалъ къ графу Ивеличу. По окончаніи битвы турки тотчасъ же прислали парламентера и просили сербовъ объ открытіи переговоровъ. Переговоры были начаты. Все случившееся и сербы и турки приписывали судьбѣ, которая наказала турокъ. „Что кому на роду написано, то онъ и долженъ претерпѣть“, говорили турки. „Но что будетъ впереди“? спрашивали они сербовъ. Тѣ прибавляли, чтобы турки сначала выгнали Омера-агу, бега Новлянина и Фочича Османа-агу, которые внесли огонь въ г. Ужицъ. Кромѣ того сербы требовали отъ турокъ 50 тысячъ піастровъ, чтобы раздѣлить эти деньги между своими солдатами, которые оставили свои домашніе дѣла для сраженія съ ужичанами и 80 лошадей для тѣхъ изъ сербскихъ кавалеристовъ, которые лишились ихъ при осадѣ Ужица. Послѣ этого,—говорили сербы туркамъ,—вы можете быть спокойными,

оставаясь здѣсь, или же удалившись въ Боснію. Турки сначала отказывались отъ уплаты денегъ и доставки лошадей, обѣщаясь только выгнать агъ и ихъ войско. Но сербы были настойчивы въ своихъ требованіяхъ. Когда турки наконецъ увидѣли, что ихъ противники не хотятъ ничего уступить, то вынесли имъ 50,000 піастровъ и привели 80 хорошихъ лошадей. Воевода Яковъ и Миланъ пересчитали деньги и стали дѣлить лошадей между солдатами. Случился, между прочимъ, весьма характерный эпизодъ. На долю протоіерея Ненадовича досталася самый лучшій конь съ полною сбруею. Но онъ отказался отъ него и упорно требовалъ, чтобы турки привели ему того коня, на которомъ пріѣхалъ въ Ужицъ Омеръ-ага Фочичъ. Подобнаго этому, бѣлой масти, коню трудно было отыскать въ цѣлой Сербіи. Требованіе свое Ненадовичъ основывалъ на томъ, что дахій, братъ Фочича, когда былъ казненъ отецъ протоіерея, увелъ его собственную лошадь. Напрасно турки старались увѣрить Ненадовича, что лошадь Фочича гораздо хуже той, которую ему предлагаютъ, что она не стоитъ и 100 піастровъ; напрасно уговаривали его и воеводы Яковъ и Миланъ, протоіерей Ненадовичъ не уступалъ: „каковъ бы ни былъ этотъ конь, но я хочу его имѣть“, сказалъ протоіерей, погрозивъ туркамъ, что если они не исполнятъ его требованія, то онъ снова поведетъ осаду города и постарается самъ достать коня Омера-аги а можетъ даже и голову послѣдняго. Вслѣдъ за тѣмъ Ненадовичъ направился къ своему отряду. Солдаты приготовились къ атакѣ; ударили барабаны. Тутъ-то и взмолились турки. „Аманъ (бога ради), закричали они, обращаясь къ сербскимъ воеводамъ, удержите его“! Тѣ однако на отрѣзъ отказались, подъ предлогомъ, что солдаты болѣе всего слушаются Ненадовича, и предложили самимъ туркамъ просить протоіерея. И вотъ Хаджи-Ибрагимъ, который былъ знакомъ съ Ненадовичемъ, потому что жилъ въ г. Валѣво, и еще два старика стали умолять протоіерея, чтобы онъ остановилъ войско и далъ имъ нѣсколько солдатъ достать коня Омеръ-аги. Теперь они готовы были хоть съ бою отнять спорнаго коня. Ненадовичъ согласился—турки направились къ

Фочичу. Тотъ сначала ни за что не хотѣлъ отдавать свою драгоцѣнную лошадь, говоря, что онъ согласится лучше покончить съ жизнію, чѣмъ уступить своего коня врагу своему протоіерею М. Ненадовичу. Тогда турки погрозили выдать и самого его сербамъ, если онъ не отдастъ лошади. „Развѣ тебѣ, говорили они, не довольно того, что наши дома превращены въ пепелъ и мы сдѣлались нищими, а хочешь еще, чтобы сербы забрали всѣхъ насъ въ плѣнъ!“ Противиться болѣе было невозможно и Фочичъ принужденъ былъ отдать своего коня сербамъ, и даже съ богатой серебряной сбруей. Разставаясь съ конемъ Фочичъ проливалъ слезы и цѣловалъ своего любимца въ лобъ. Такимъ образомъ требованіе Ненадовича было удовлетворено и гордый турокъ былъ униженъ, что собственно и нужно было отцу Матѳею. Послѣ того состоялся миръ. Деньги, полученныя отъ турокъ, были раздѣлены между солдатами и воеводами, лошади розданы тѣмъ, у которыхъ ихъ не было. Булюбашъ Алексѣй Поповичъ былъ сдѣланъ воеводою Ужицкимъ. Однимъ изъ пунктовъ примиренія сербовъ съ ужичанами было, между прочимъ, условіе свободнаго доступа сербовъ на торгъ г. Ужица (городъ весь былъ сожженъ, не смотря на то, что въ немъ однихъ турецкихъ домовъ было болѣе 5 тысячъ), гдѣ они могли бы продавать свои товары. Сербскіе воеводы и ужицкіе турки ручались, что никому и ни въ чемъ не будетъ нанесено обиды. Ужичане обѣщались выпроводить своихъ гостей агъ съ войскомъ въ Боснію, а сербы разойтись по домамъ. Отмѣтимъ здѣсь и еще одинъ, довольно курьезный фактъ: ужицкіе турки почему-то думали, что сербскія пушки деревянныя и потому сначала много не боялись ихъ. Но когда во время осады они узнали, что пушки какъ есть настоящія, то, по заключеніи мира, просили сербовъ показать имъ эти пушки. Сербы доставили имъ это удовольствіе. Осматривая и ощупывая пушки, турки теперь убѣдились, что онѣ совсѣмъ не деревянныя, а металлическія. Это неожиданное открытіе привело ихъ въ такое смущеніе, что они даже заплакали.

Что же въ это время дѣлалъ Кара-Георгій? Онъ тайно собралъ войско около Ягодины и ожидалъ перехода Афизъ-паши чрезъ р. Мораву, засѣвши въ м. Жилѣ; мѣстечко это находилось между Ягодиной и Тюпріей и было покрыто непроходимымъ лѣсомъ, чрезъ который и пѣшій едва-едва могъ пробраться. Планъ Кара-Георгія заключался въ томъ, чтобы заманить Афизъ-пашу на другой берегъ Моравы, гдѣ онъ неминуемо тотчасъ же наткнулся бы на Кара-Георгія, который такимъ образомъ задержалъ бы движеніе Афизъ-паши впередъ. Въ тоже время воевода Миленко, засѣвшій на Иванковици, отрѣзалъ бы Афизъ-пашѣ всякое отступленіе назадъ. Непріятель, такимъ образомъ, долженъ былъ бы очутиться между двухъ огней и неминуемо погибнуть, а Афизъ-паша попасть въ плѣнъ. Но, къ сожалѣнію, планъ Кара-Георгія не удался. Афизъ-паша узналъ о засадѣ и не осмѣлился двинуться впередъ, а послалъ трехъ турокъ къ Миленку передать ему слѣдующія слова: пусть Миленко очиститъ путь и пропуститъ Афизъ-пашу, который съ царскимъ фирманомъ идетъ чрезъ Пожеревацкій округъ въ Бѣлградъ; въ благодарность за это Афизъ-паша, по занятіи визирскаго мѣста, похлопочетъ о назначеніи Миленка первымъ кнезомъ въ Бѣлградскомъ пашалыкѣ. Миленко отвѣтилъ на это: „если Афизъ-паша, какъ вы говорите, идетъ съ царскимъ фирманомъ, то пусть онъ идетъ въ Бѣлградъ прямымъ путемъ „царскимъ“ [1]) чрезъ Мораву, Ягодинъ и далѣе въ Бѣлградъ; по этому пути съ самаго паденія сербовъ на Коссовомъ полѣ обыкновенно всѣ турки двигаются въ Сербію“. А касательно обѣщаемаго княжества Миленко замѣтилъ, что ему гораздо пріятнѣе быть сербскимъ командиромъ, чѣмъ княземъ всего пашалыка, и снова повторилъ, что онъ не пропуститъ Афизъ-пашу чрезъ Пожеревацкій округъ. Когда же турки возразили, что у Афизъ-паши гораздо болѣе войска, почему онъ силой можетъ проложить себѣ путь, Миленко сказалъ: „онъ прой-

[1]) Шоссе прямаго сообщенія Бѣлграда съ Константинополемъ; это шоссе называлось и теперь называется «царски друм» (ц. путь).

детъ только мимо нашихъ мертвыхъ головъ. А пока, хоть одинъ изъ насъ будетъ живъ, мы не пропустимъ васъ. Сила на сторонѣ правыхъ!“ Таковъ былъ отвѣтъ неустрашимаго сербскаго героя на слова коварнаго турка. Видя, что турки не переправляются чрезъ Мораву, Миленко заключилъ, что Афизъ-паша намѣревается напасть на него,—и не медля написалъ къ Кара-Георгію просьбу принанять еще войска и съ тыла напасть на Афизъ-пашу, когда онъ двинется на Иванковицу. Получивъ это письмо, Карагеоргій тотчасъ же переправился на другую сторону Моравы. Но Афизъ-паша не ждалъ его: на слѣдующій день рано утромъ онъ началъ наступать на Иванковицу; цѣлый день Миленко храбро стоялъ противъ турокъ, съ обѣихъ сторонъ пало множество жертвъ. Но потеря турокъ была значительнѣе: они находились на открытомъ полѣ, а сербы сидѣли въ засадѣ. Когда уже совсѣмъ стемнѣло, Афизъ-паша не осмѣлился продолжать бой и возвратился въ Парачинъ. На полѣ битвы осталось 400 убитыхъ турецкихъ лошадей, кромѣ раненныхъ, которыя были уведены. На слѣдующій день Кара-Георгій поставилъ свою артиллерію на берегу Моравы, противъ Парачина, и сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ. Испуганный ими, Афизъ-паша убѣжалъ въ Нишъ (гдѣ скоро и умеръ со стыда, или отъ страха), а Кара-Георгій, призвавъ къ себѣ нѣсколькихъ турокъ изъ Парагина, объявилъ имъ, что противъ нихъ и другихъ сосѣднихъ пашалыковъ, равно какъ и противъ султана онъ ничего не имѣетъ, а сражается съ бѣлградскими турками—измѣнниками султана и съ тѣми, которые имъ помогаютъ, и предложилъ парачинцамъ миръ, на который они и согласились. Сербскіе солдаты разошлись потомъ по домамъ; самъ Кара-Георгій отправился въ Тополу, откуда и извѣстилъ протоіерея Ненадовича и другихъ воеводъ о бѣгствѣ Афизъ-паши. Это было въ началѣ августа 1805 года.

Такимъ образомъ сербы воевали очень успѣшно. „Въ два мѣсяца, говоритъ М. Ненадовичъ, мы завоевали и сожгли Карауацъ, Ужицъ и разбили Афизъ-пашу“. Эти три замѣча-

тельныя побѣды подняли духъ сербскаго народа и наполнили радостью его сердце. Сербы увидѣли себя въ первый разъ на свободѣ и почувствовали себя легко. Но для полнаго торжества имъ не доставало весьма важнаго: они не имѣли правильнаго внутренняго устройства. Это давно смущало протоіерея Ненадовича. Особенно его безпокоила мысль о томъ, что въ его родинѣ нѣтъ правильно-организованнаго суда [1]). Давно уже онъ думалъ объ учрежденіи синода, для котораго Божо Груевичъ еще съ начала апрѣля выработывалъ правила въ Браиковини. Мы уже сказали, что на устройство правительствующаго совѣта согласились всѣ сербскіе воеводы и народъ. Но окончательнаго рѣшенія по этому дѣлу тогда не состоялось по причинѣ приближенія турецкаго войска. Теперь настало самое удобное время для осуществленія завѣтной мечты М. Ненадовича. Вмѣстѣ съ своимъ дядею Іаковомъ, воеводою Миланомъ Обреновичемъ и кнезомъ Симомъ онъ письменно пригласилъ Карагеоргія на скупщину 14-го августа въ монастырь Боговаджу, а между тѣмъ занялся приготовленіями къ учрежденію совѣта и помазанію Кара-Георгія, какъ верховнаго владыки Сербіи. Изъ округовъ Валѣевскаго, Рудницкаго и Бѣлград-

[1]) Еще въ 1804 г., предъ своимъ отъѣздомъ въ Петербургъ, М. Ненадовичъ, желая пополнить недостатки въ судопроизводствѣ, составилъ небольшое извлеченіе (14 пунктовъ) нѣкоторыхъ правилъ изъ кормчей книги. Правила эти тогда получили руководительное значеніе въ Валѣвскомъ округѣ, а потомъ были приняты и другими округами. Вотъ нѣсколько пунктовъ изъ сборника М. Ненадовича: 1) кто убьетъ человѣка, да будетъ казненъ смертію, и тѣло его да будетъ положено на колесо; 2) если кто силою увезетъ дѣвушку, въ такомъ случаѣ жениха, кума и стараго свата должно сквозь строй прогнать, а другихъ сообщниковъ сѣчь розгами; 3) кто украдетъ ягненка, поросенка, коня, съ того взыскать денежную пеню, вдвое противъ цѣны украденной вещи, а похитителя сѣчь розгами; 4) кто отлучится изъ войска безъ позволенія, того прогнать сквозь строй; 5) кто бѣжитъ съ караула, того разстрѣлять; 6) кто преступитъ клятву, или лжесвидѣтельствуетъ, съ того взыскать всѣ расходы и весь ущербъ отъ сего лжесвидѣтельства; его же наказать розгами и огласить лжецомъ, которому никогда и никогда впредь да не вѣрить; 7. кто во время ссоры, или перебранки схватится за оружіе (такъ какъ это нѣкоторымъ образомъ начало убійства), того прогнать сквозь строй (Россія и Сербія. Н. Попова. М. 1869 г. Ч. 1-я, стр. 482, прим. 28).

скаго на мѣсто скупщины было приглашено около 1000 человѣкъ выборныхъ; булюбашамъ было велѣно привести сюда войска 7—8 тысячъ. Все слѣдовало приготовить къ вечеру 14 августа. Сюда же были привезены и двѣ пушки. Для совершенія богослуженія и миропомазанія былъ приглашенъ Анѳимъ, епископъ Валѣвскій (грекъ по происхожденію, но человѣкъ высокой честности). Для торжественнаго случая Божо Грусвичъ приготовилъ двѣ рѣчи: одна предназначалась для произнесенія въ церкви во время миропомазанія Кара-Георгія и заключала въ себѣ указаніе обязанностей послѣдняго, другая— внѣ церкви къ народу объ обязанностяхъ народа по отношенію къ Кара-Георгію. Намѣчены были и члены будущаго совѣта. Все было готово для предстоящаго торжества, которое должно было совершиться 15 августа въ день Успенія Богородицы. Ожидали только прибытія Кара-Георгія. Но оказалось, что всѣ приготовленія и ожиданія были напрасны. Кара-Георгій наканунѣ желаннаго торжества прислалъ письмо, въ которомъ отказывался отъ прибытія въ Боговаджу и приглашалъ всѣхъ воеводъ въ село Боракъ, въ домъ кнеза Сима, гдѣ, по его опредѣленію, назначено мѣсто скупщины [1]). Такимъ образомъ были разрушены всѣ мечты воеводъ и собравшагося народа о предстоящемъ торжествѣ. Воеводамъ оставалось повиноваться приглашенію Кара-Георгія и они такъ и сдѣлали. Было выбрано изъ народа 300 человѣкъ, которые вмѣстѣ съ воеводами и епископомъ Анѳимомъ отправились въ с. Боракъ, гдѣ тоже все было готово къ открытію скупщины. На скупщинѣ разсуждали о многомъ: говорили о пріобрѣтеніи пороха, пуль и другихъ военныхъ припасовъ, которые всѣ были уже истрачены, говорили о созваніи скупщины осенью, чтобы потолковать о государственной подати и объ уплатѣ долга. Наконецъ выступилъ протоіерей Ненадовичъ съ своимъ излюб-

[1]) Неизвѣстно, почему КараГ-еоргій отказался прибыть въ Боговаджу на скупщину. Протоіерей Ненадовичъ полагаетъ, что онъ поступилъ такъ по своей гордости; онъ думалъ, что, послѣдовавши приглашенію младшихъ воеводъ, тѣмъ самымъ унизитъ себя въ ихъ глазахъ, и сдѣлалъ такъ, чтобы младшіе воеводы явились къ нему на скупщину, а не онъ къ нимъ.

леннымъ вопросомъ о правительствующемъ совѣтѣ. Обращаясь къ Кара-Георгію, онъ сказалъ: „на первой скупщинѣ мы обѣщались учредить правительствующій совѣтъ. Настоящая скупщина и есть первая. Народъ знаетъ это обѣщаніе и помнитъ его; онъ ждетъ теперь исполненія его. Настало время осуществить это обѣщаніе на дѣлѣ“! Карагеоргій отвѣтилъ: „Коекуде [1])! На скупщинѣ, батюшка, все люди хорошіе; выбери изъ нихъ кого тебѣ угодно и вмѣстѣ съ ними иди въ монастырь Волявчу и оставайся тамъ“. М. Ненадовичъ выбралъ четырехъ человѣкъ, которые еще въ Боговаджѣ были намѣчены въ совѣтники [2]), и представилъ ихъ Кара-Георгію и народу. Народъ поздравилъ ихъ съ новымъ назначеніемъ и пожелалъ всякого благополучія новому сербскому правительству. Каковы бы мы ни были, замѣчаетъ Ненадовичъ о себѣ и о своихъ сотоварищахъ, но намъ все-таки дали старшинство“. Обращаясь къ новоизбраннымъ членамъ правительствующаго совѣта, Кара-Георгій сказалъ имъ: „старайтесь, какъ васъ Богъ научитъ, хотя немножко облегчить меня въ управленіи родиною. Скоро я намѣренъ прибыть къ вамъ въ Волявчу. Но нужно, добавилъ онъ, чтобы каждый округъ имѣлъ своего совѣтника, который бы состоялъ членомъ совѣта“. Тотчасъ же Божо Груевичъ отъ имени Кара-Георгія написалъ приказъ, чтобы каждый округъ, созвавъ скупщину изъ старшинъ, булюбашъ, сельскихъ старостъ и простаго народа, изъ священниковъ и монаховъ, выбралъ самаго лучшаго и правдолюбиваго человѣка для засѣданія въ совѣтѣ, въ качествѣ представителя цѣлаго округа. Избранный долженъ былъ принять присягу въ томъ, что онъ будетъ честно служить своему народу, защищать всегда правдивое дѣло, преслѣдовать неправаго, кто бы онъ ни былъ,—воевода ли, слуга ли,—и съ уполномочіемъ, скрѣпленъ-

[1]) Обычная поговорка, или присловье Кара-Георгія.

[2]) Вотъ ихъ имена: Веса Велимировичъ, представитель Валѣвскаго округа, Коя Ивановичъ—Шабацкаго, Стоянъ изъ Берича—Рудницкаго, Павле Поповичъ—Бѣлградскаго. Божо Груевичъ, по словамъ Ненадовича, былъ и секретаремъ совѣта и архиваромъ и столоначальникомъ.

нымъ скупщиной, явиться въ Волявчу для присутствія въ совѣтѣ.

Такъ возникло въ Сербіи новое правительственное учрежденіе [1]). Открытіе его послѣдовало безъ всякихъ торжествъ, тихо, скромно и просто. Монастырь Волявча, который былъ назначенъ резиденціею для правительствующаго совѣта, находился въ дикой, гористой мѣстности; проникнуть туда можно было только пѣшему и верховому; онъ былъ въ высшей сте-

[1]) Не безъинтересно привести здѣсь взглядъ на учрежденіе правительствующаго совѣта одного знаменитаго сербскаго ученаго. «На учрежденіи совѣта, пишетъ Вукъ Караджичъ, особенно настаивалъ протоіерей Ненадовичъ и наконецъ успѣлъ въ этомъ: народные старшины согласились на учрежденіе совѣта, хотя навѣрное и не знали, что такое будетъ за совѣтъ. Нѣкоторые изъ старшинъ думали этимъ ограничить власть Карагеоргія, а онъ въ свою очередь надѣялся, при помощи этого совѣта, держать въ повиновеніи непокорныхъ воеводъ; всѣ же старшины думали, что совѣтъ будетъ завѣдывать только мелочами, да и то по ихъ желанію, а всѣмъ остальнымъ они будутъ управлять сами по своей волѣ. Но не такъ думалъ протоіерей М. Ненадовичъ: онъ желалъ, чтобы этотъ совѣтъ, во главѣ котораго находился онъ самъ, имѣлъ высшую власть въ странѣ и повелѣвалъ всѣми воеводами, на что указываетъ и самая надпись на печати (по его мнѣнію, сдѣланной въ С.-Петербургѣ): Правительствующій Совѣтъ». Чтобы подтвердить подобный взглядъ на правительствующій совѣтъ, авторъ приводитъ одно его предписаніе, писанное въ самомъ началѣ учрежденія. Вотъ это предписаніе:

«Благопочтеннородный г. Бинбаша, Петре, здравствуйте! Вашимъ солдатамъ, пришедшимъ вмѣсто васъ въ совѣтъ по вопросу о Пожеревацкой таможнѣ, мы даемъ письмо слѣдующаго содержанія: Народный Совѣтъ постановилъ, чтобы всѣ таможни находились въ вѣдѣніи его, для чего онъ въ каждую изъ нихъ пошлетъ своихъ людей. Мы не позволяемъ ни одному воеводѣ распоряжаться таможнями, дабы не возмутился по этому поводу народъ. Мы уже поставили своихъ людей на Забрежской и Грочанской таможнѣ. Пожеревацкую таможню совѣтъ будетъ также держать въ своихъ рукахъ. Поэтому вы, омывши руки, не вмѣшивайтесь больше въ нее. Чиновникъ нашъ скоро будетъ тамъ.

Съ чѣмъ васъ любезно и поздравляемъ.

Въ Смедеревѣ, 15 декабря 1805 г.

Протоіерей Матѳей Ненадовичъ, предсѣдатель совѣта съ цѣлымъ Синодомъ.

Вы, воевода, бросьте дѣла таможни и распоряжайтесь какъ слѣдуетъ солдатами».

(Правит. Сов. Сербскій во время Карагеоргія. В. Караджичъ. Вѣна. 1860 г., стр. 7).

пени бѣденъ средствами; постройки его тоже были очень невзрачны: кельи были малы и ужасно низки. Когда прибыли сюда члены правительствующаго совѣта съ 6-ю человѣками для прислуги, то не нашли здѣсь ничего изъ съѣстныхъ припасовъ, кромѣ незначительнаго количества муки изъ кукурузы. Скоро и этотъ ничтожный запасъ вышелъ весь, и чины правительствующаго совѣта принуждены были добывать себѣ провизію въ окрестныхъ селахъ. „Счастіе наше, замѣчаетъ протоіерей Ненадовичъ, что намъ пришлось засѣдать въ Волявчѣ лѣтомъ; случись это зимой, Богъ знаетъ, чтобы было съ нами, потому что вся наша пища состояла единственно изъ одного хлѣба". Убранство кельи, въ которой происходили засѣданія совѣта, состояло изъ стола и двухъ скамеекъ, сдѣланныхъ однимъ „селякомъ" (крестьяниномъ) по заказу совѣтниковъ. Столъ покрыли платкомъ и положили на него Св. Евангеліе и Крестъ; послѣдній былъ взятъ изъ монастырской ризницы. Въ скоромъ времени прибыли въ Волявчу еще четверо избранныхъ совѣтниковъ, представившихъ въ совѣтъ свидѣтельства о своемъ избраніи и уполномочіи. Окрестные жители, узнавъ о пребываніи совѣта въ Волявчѣ, тотчасъ же стали обращаться въ совѣтъ со всевозможными жалобами и просьбами. Особенно много надоѣдали совѣтникамъ монахи, требуя отъ нихъ подтвержденія своихъ прежнихъ дипломовъ. Члены совѣта старались удовлетворять, какъ знали и могли, просьбы поселянъ; но монахамъ отказывали въ ихъ требованіяхъ, говоря, что теперь совѣтъ еще не въ полномъ составѣ, да даже еслибы онъ былъ и въ полномъ составѣ, то все-таки не можетъ удовлетворить просьбы монаховъ, потому что дипломы ихъ должны быть сперва подтверждены народною скупщиною.

Жизнь совѣтниковъ въ Волявчѣ была очень незавидна; главная причина этого заключалась въ недостаткѣ пищи, которую здѣсь иногда трудно было достать даже и за деньги. „Каждый изъ насъ, пишетъ прот. Ненадовичъ, согласился бы лучше сражаться съ турками, чѣмъ засѣдать въ совѣтѣ". Члены совѣта рѣшились наконецъ обратиться съ просьбою къ Кара-

Георгію, не перемѣститъ ли ихъ онъ въ какой-нибудь другой монастырь. Для этой цѣли они выбрали протоіерея Ненадовича и послали его въ с. Тополу. Кара-Георгій, выслушавши Ненадовича, сказалъ, что онъ и самъ знаетъ, что Волявча представляетъ много неудобствъ для пребыванія тамъ совѣта, и обѣщалъ написать воеводамъ Якову и Милану, чтобы они приказали монахамъ Боговаджи приготовить мѣсто для помѣщенія тамъ правительствующаго совѣта. Съ этимъ благопріятнымъ отвѣтомъ о. Матѳей поспѣшилъ въ Волявчу, чтобы подѣлиться своею радостью съ товарищами. Спустя три дня потомъ, члены совѣта уже могли покинуть Волявчу. На пути къ новому своему мѣстопребыванію совѣтники зашли въ Тополу къ Кара-Георгію и благодарили его. Въ Боговаджѣ монахи приняли членовъ совѣта очень радушно; каждому изъ нихъ были отведены особыя кельи; въ общей столовой монаховъ они получали себѣ пищу; для засѣданій совѣта были назначена келья игумена. Словомъ, въ новомъ мѣстѣ совѣтъ такъ удобно устроился, что протоіерей Ненадовичъ замѣтилъ по этому случаю въ своихъ мемуарахъ: „и царь такъ не живетъ, какъ мы живемъ въ Боговаджѣ“. Столъ въ залѣ присутствія теперь былъ накрытъ зеленымъ сукномъ вмѣсто платка; на столѣ былъ положенъ массивный серебрянный крестъ; въ канцелярскихъ принадлежностяхъ теперь не ощущалось недостатка. Въ добавокъ ко всему, среди монаховъ нашлись трое, умѣющихъ писать, которые и стали помогать Божо Груевичу въ письменныхъ дѣлахъ. „Прежде же, замѣчаетъ Ненадовичъ, нерѣдко мнѣ приходилось быть и предсѣдателемъ совѣта и экспедиторомъ“. Съ этого времени начинается уже правильная дѣятельность совѣта: онъ предписываетъ округамъ учредить магистраты, издаетъ различнаго рода судебныя постановленія и т. д. Всѣ денежныя издержки совѣта протоіерей Ненадовичъ покрывалъ пока собственными своими средствами.

Въ Боговаджѣ правительствующій совѣтъ оставался недолго. Въ скоромъ времени сербы овладѣли г. Смедерево [1]), который

[1]) Когда сербы начали бомбардировать Смедерево, Карагеоргій пригласилъ сюда же протоіерея Ненадовича. Турки не устояли и сдались; сербы вошли

нѣкогда былъ столицею сербскихъ деспотовъ, и Карагеоргій предложилъ Ненадовичу выбрать въ этомъ городѣ домъ, куда вслѣдъ за тѣмъ и былъ переведенъ совѣтъ.

Послѣ перемѣщенія совѣта въ Смедерево, протоіерей Ненадовичъ потребовалъ отъ членовъ совѣта росписку въ 1,300 піастровъ, потраченныхъ имъ на нужды совѣта. Онъ сдѣлалъ это въ виду того, что думалъ выдти изъ совѣта, который теперь окрѣпъ и могъ существовать и безъ его поддержки. Вмѣсто себя Ненадовичъ хотѣлъ сдѣлать совѣтникомъ нѣкоего Весу изъ Любинича, котораго и представилъ Карагеоргію, съ словами: „теперь совѣтъ можетъ существовать и безъ меня; на мѣсто себя я рекомендую вотъ Весу, а самъ иду опять отправлять должность священника“. Но Карагеоргій воспротивился: „Зачѣмъ же ты, возразилъ онъ, собиралъ людей въ совѣтъ, когда самъ не думалъ оставаться въ немъ? Пусть Веса идетъ домой, а ты оставайся на прежнемъ мѣстѣ въ совѣтѣ. Когда я опять примусь за прежнее дѣло [1]), тогда и ты, батюшка, за свое“ [2]). Ненадовичъ повиновался.

Мы видѣли теперь, какъ возникъ въ Сербіи правительствующій совѣтъ; видѣли также и то, что главнымъ виновникомъ его возникновенія былъ протоіерей Матѳей Ненадовичъ. Послѣ мы будемъ имѣть случай отмѣтить, какъ изъ правительствующаго совѣта было образовано первое сербское министерство и какую громадную пользу принесъ Сербіи протоіерей Ненадовичъ своими заботами объ учрежденіи совѣта.

М. Джуричичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

въ крѣпость и, между прочею добычею, нашли здѣсь около 50 кулей рису (въ каждомъ болѣе $6^1/_4$ пуд.), заготовленнаго Афизъ-пашею для Бѣлграда, куда онъ былъ назначенъ визиремъ. Когда солдаты начали грабить этотъ рисъ, М. Ненадовичъ сбросилъ съ себя верхнее платье на два мѣшка и сказалъ: «это—для правит. совѣта!» Никто изъ солдатъ не дотронулся до этихъ мѣшковъ.

[1]) Кара-Георгій былъ прежде гайдукомъ.

[2]) Мемуары Ненадовича, стр. 177—194.

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Какъ въ часъ осенней непогоды
На морѣ бурною толпой
Волна несется за волной,—
Несутся также точно годы
По морю вѣчности сѣдой.

Какъ тамъ—волна на мигъ всплываетъ,
Бѣжитъ съ поспѣшностью впередъ
И быстро тонетъ въ безднѣ водъ,—
Такъ точно вѣчность поглощаетъ
За старымъ годомъ новый годъ....

И такъ: какъ гость, привѣтъ сердечный
Ты, Новый Годъ, прими отъ насъ,
Пока тебя отъ нашихъ глазъ
Не скрылъ еще Творецъ Предвѣчный:
Пробьетъ и твой предсмертный часъ!

Но, прежде чѣмъ ты канешь въ вѣчность,
Ты будешь видѣть каждый мигъ
Всю неприглядность дѣлъ людскихъ,
Ихъ жалкой жизни скоротечность,
Всю суету стремленій ихъ....

Услышишь ты въ житейскомъ морѣ
Прискорбный гласъ среди страстей,
Напрасно въ трудный часъ скорбей,
Въ минуты бѣдствій, слёзъ и горя,
Просящій помощи людей.

Увидишь ты вражду людскую;
Увидишь ты невѣрья ядъ;
Услышишь, что тамъ говорятъ
Про Бога, душу, жизнь святую;
Увидишь, какъ другъ другу льстятъ...

О, еслибъ ты, какъ мигъ въ сравненьи
Съ самою вѣчностью сѣдой,
Напомнить людямъ могъ собой,
Что даже вѣчность есть мгновенье
Въ сравненьи съ Вѣчностью святой!...

В. Румянцевъ.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ УЧАСТІИ ДУХОВЕНСТВА

въ дѣлѣ народнаго образованія.

Необходимость православной грамотности для православнаго русскаго простонародья не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ. И наше православное духовенство прежде всѣхъ сословій всегда сознавало эту необходимость и помогало ей. Такъ было и въ недавнее время. Кіевскій митрополитъ Исидоръ [1]) въ 1859 году, послѣ личнаго обозрѣнія своей епархіи, далъ кіевской консисторіи (31 августа 1859 г.) такое предложеніе: «принимая во вниманіе настоящее состояніе Россіи, стремящейся къ образованію, я нахожу нужнымъ, чтобы сельское духовенство не было чуждо сего общаго движенія, и по возможности старалось бы содѣйствовать въ сельскихъ обществахъ распространенію полезныхъ знаній. Для сего предлагаю консисторіи распорядиться, чтобы во всѣхъ мѣстечкахъ и селахъ были открыты въ самыхъ домахъ священниковъ школы, если таковыхъ не будетъ устроено со стороны сельскаго общества; и чтобы въ сихъ школахъ учили чтенію и письму, и преподавали Законъ Божій примѣнительно къ понятію сельскихъ дѣтей».

Слѣдствіемъ такого предложенія и распоряженія было то что съ того времени въ продолженіе трехъ лѣтъ въ кіевской епархіи было открыто священниками 1,316 приходскихъ школъ, въ которыхъ было учащихся 31,727. Очевидно, что тамош-

---

[1]) Нынѣ С.-Петербургскій.

нее духовенство не думало и не говорило, что это не его дѣло; а потому въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1862 года оно удостоилось получить отъ Государя Императора высочайшую благодарность за такой успѣшный ходъ народнаго образованія.

Отъ кіевскаго духовенства не отстали въ усердіи другія епархіи, такъ что къ 1866 году, на всемъ пространствѣ Россіи, было уже церковно-приходскихъ школъ болѣе двадцати тысячъ и учащихся въ нихъ около полумилліона дѣтей, какъ это видно изъ циркуляра бывшаго оберъ-прокурора Св. Синода Ахматова отъ 5 марта 1866 года.

Послѣ такого превосходнаго распространенія грамотности между народомъ посредствомъ церковно-приходскихъ школъ, немедленно явились соперники и противники этимъ благодѣтельнымъ заведеніямъ, и прежде всего явились такъ называемыя *воскресныя школы*, которыя, впрочемъ, просуществовали только два года съ небольшимъ (1860—1862 г.) и потомъ были закрыты по причинѣ обнаруженной, по мѣстамъ, злонамѣренности и зловредности ихъ.

Вмѣсто воскресныхъ школъ явились другія начальныя народныя училища свѣтскаго вѣдомства, въ предшествіи и сопровожденіи фельетоновъ разныхъ газетъ, не стыдившихся доказывать неспособность духовенства заниматься обученіемъ народа, неприличіе и неудобство такого занятія для духовенства и другія подобныя нелѣпости [1]), о которыхъ одинъ благонамѣренный тогдашній журналъ такъ отозвался: «мы теперь заняты психологическимъ вопросомъ, какимъ образомъ такія нелѣпости могутъ выходить изъ головы и изъ подъ пера нашихъ публицистовъ; и вообще, что это такое? легкомысліе и невѣжество? или злорадство?» [2]).

Можно было отвѣчать: и то и другое, но злорадства больше.

И это злорадство не обошлось безъ благовидныхъ пред-

[1]) № 238 С.-Пб. Вѣдомостей; № 161 Сына От. 1862 г. №№ 88, 93, 112, 113 С.-Пб. Вѣдомостей 1866 года. № 110 Голоса 1869 и другіе.

[2]) Вѣстникъ Югозападн. Россіи 1866 г. Книжка X, Отд. IV, стран. 60.

логовъ. Въ началѣ 1862 года въ мѣстностяхъ, гдѣ православное населеніе смѣшано съ католическимъ, *было признано неудобнымъ* для православнаго духовенства открывать и содержать свои церковно-приходскія школы, но положено было открыть тамъ свѣтскія народныя училища. Въ то же время (18 янв. 1861 года) состоялось Высочайшее повелѣніе о томъ, что нынѣ и впредь открываемыя духовенствомъ народныя школы должны оставаться въ вѣдѣніи духовенства съ тѣмъ, чтобы министерство народнаго просвѣщенія оказывало содѣйствіе къ преуспѣянію ихъ по мѣрѣ возможности. Вслѣдствіе чего и министерство просвѣщенія предписало по своему вѣдомству не привлекать въ свѣтскія начальныя народныя училища учениковъ изъ священническихъ школъ никакими мѣрами убѣжденія. А въ нѣкоторой мѣстности даже родилась было превосходная, повидимому, мысль — не соединить ли свѣтскія начальныя народныя училища во едино съ церковно-приходскими школами? [1]).

Что можетъ быть благовиднѣе всего этого?—Но на дѣлѣ пошло иначе: свѣтскія начальныя народныя училища были открываемы не только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе было смѣшанное, но и тамъ, гдѣ не было такого населенія и гдѣ уже существовали церковно-приходскія школы; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не обошлось безъ скандальнаго переманиванія учениковъ изъ церковно-приходскихъ школъ въ свѣтскія народныя училища.

Благонамѣренные люди надѣялись, что подобные скандалы прекратятся, когда главное начальство надъ свѣтскими начальными народными училищами и надъ церковно-приходскими школами будетъ находиться въ однѣхъ рукахъ, но, къ сожалѣнію, эта надежда не оправдалась. Кромѣ того, для церковно-приходскихъ школъ предстояла другая непреодолимая опасность—недостатокъ въ средствахъ содержанія, тогда какъ соперницы ихъ, свѣтскія народныя школы, были совер-

[1]) См. Вѣстникъ Югозападн. Россіи за май 1863 г.

шенно обезпечены съ этой стороны. И—пали церковно-приходскія школы!... Послѣ оффиціально объявленной въ 1856 году цифры ихъ (болѣе 20 тысячъ школъ съ полумилліономъ учащихся) эта цифра стала постепенно уменьшаться, какъ видно изъ оберъ-прокурорскихъ отчетовъ Св. Синода.

Въ отчетѣ за 1872 годъ школъ показано только 9,059, а учащихся въ нихъ только 228,035, т. е. на цѣлую половину меньше противъ 1865 года. Въ отчетѣ 1873 года еще меньше: школъ 8,000, а учащихся 198,000. Въ отчетѣ 1874 года еще меньше: школъ 7,682, а учащихся 293,000. Въ отчетѣ за 1875 годъ школъ 7,402 съ 205,559 учащихся, и наконецъ въ отчетѣ за 1877 годъ 6,321 школа съ 180,771 учащимся.

Замѣчательно еще, что отчетъ 1874 года, говоря о такомъ уменьшеніи церковно-приходскихъ школъ, какъ будто хвалится какимъ-то успѣхомъ въ слѣдующихъ словахъ: «еще не такъ давно крестьяне избѣгали школъ и уклонялись отъ помѣщенія дѣтей въ оныя; но духовенство, убѣждая народъ отдавать своихъ дѣтей для обученія въ церковно-приходскія школы, съ успѣхомъ побѣдило это упорство».—Надобно было спросить отчетъ: а зачѣмъ же эти церковно-приходскія школы уменьшаются и закрываются? И — почему никто не поддержитъ ихъ?...

Напротивъ того, число свѣтскихъ начальныхъ народныхъ училищъ съ каждымъ годомъ сильно возрастаетъ, и единственно потому, что средства на содержаніе возросли до колоссальныхъ размѣровъ. Въ № 12 «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1877 г. было сообщено, что на содержаніе и управленіе этихъ училищъ издерживается ежегодно *до пяти милліоновъ рублей*, — тогда какъ церковно-приходскія школы не требовали для себя ничего!

16 января 1879 года въ засѣданіи с.-петербургскаго комитета грамотности, при вольно-экономическомъ обществѣ, было читано, что начальныхъ народныхъ училищъ, содержимыхъ земствомъ, состоитъ 27 тысячъ, да сверхъ того зем-

ство имѣетъ еще одиннадцать учительскихъ семинарій для приготовленія народныхъ учителей. А какъ изъ того же реферата, читаннаго въ комитетѣ грамотности, явствуетъ, что и министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ своихъ 50 учительскихъ семинарій для той же цѣли, то болѣе нежели достовѣрно, что и такъ называемыхъ *министерскихъ* начальныхъ народныхъ училищъ имѣется теперь у насъ, если не больше, то и не меньше противъ числа содержимыхъ земствомъ, т. е. тѣхъ и другихъ вмѣстѣ около 50 тысячъ. И такъ — миссія распространенія грамотности между простымъ народомъ теперь у насъ принадлежитъ, если не исключительно, то преимущественно свѣтскимъ начальнымъ училищамъ, но не церковно-приходскимъ школамъ: это очевидный фактъ.

Самымъ естественнымъ образомъ является слѣдующій жизненный вопросъ: много ли пользы принесли и приносятъ эти начальныя народныя училища?

На этотъ вопросъ отвѣчаютъ слѣдующіе факты.

Едва только было начато учрежденіе этихъ начальныхъ народныхъ училищъ, какъ бывшій тогда министръ народнаго просвѣщенія графъ Путятинъ и прокуроръ Св. Синода графъ А. П. Толстой, въ 1861 году, вошли въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ о передачѣ всѣхъ начальныхъ народныхъ школъ вѣдѣнію Св. Синода, такъ какъ—по ихъ мнѣнію—забота о народномъ образованіи принадлежитъ духовенству, въ исполненіе заповѣди: «шедше, научите вся языки».

Вслѣдъ за назначеніемъ Е. П. Ковалевскаго въ должность министра народнаго просвѣщенія, хотя это представленіе было возвращено изъ Государственнаго Совѣта, но основная мысль его долго преобладала и не оставалась безъ нѣкотораго практическаго вліянія.

Преемникъ графа А. П. Толстаго, оберъ-прокуроръ Синода Ахматовъ находилъ въ народныхъ учителяхъ не духовнаго званія свободомысліе и антирелигіозность.

Бывшій министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ

искренно доказывалъ, что въ народную школу не должно пускать для преподаванія никого, кромѣ священниковъ.

Нѣсколько дней спустя по смерти графа Блудова, была внесена въ Государственный Совѣтъ государственнымъ секретаремъ Бутковымъ особая записка, представлявшая какъ бы *завѣщаніе по государственнымъ дѣламъ*, изустно сообщенное графомъ Блудовымъ въ послѣдніе дни его жизни. Основная мысль той записки была такая: «народныя школы надобно передать въ вѣдѣніе духовенства; для управленія ими учредить, подъ предсѣдательствомъ с.-петербургскаго митрополита, постоянный совѣтъ изъ нѣсколькихъ архіереевъ, министра народнаго просвѣщенія, оберъ-прокурора Синода, и нѣсколькихъ особенно-довѣренныхъ лицъ; учителями въ народныхъ школахъ должны быть исключительно лица духовнаго званія; суммы, ассигнуемыя на дѣло начальнаго народнаго образованія, должны идти въ пользу духовенства за его труды по народному образованію». Свѣдѣніе обо всѣхъ этихъ фактахъ было напечатано въ № 100 «Голоса», 12 апрѣля 1874 года.

Неужели всѣ эти сановники, графы: Путятинъ и А. П. Толстой, Ковалевскій, Ахматовъ, Норовъ, графъ Блудовъ и Бутковъ — неужели они ошибались въ своихъ опасеніяхъ за свѣтскія начальныя народныя училища внѣ управленія ими духовенства?... Вотъ фактическое доказательство, что *они не ошибались*.

Государь Императоръ рескриптомъ отъ 25 декабря 1873 г. на имя министра народнаго просвѣщенія изволилъ указать, что «уже были нѣкоторыя попытки обратить народныя училища въ орудіе нравственнаго растлѣнія народа, чтобы отклонить его отъ тѣхъ вѣрованій, подъ сѣнію коихъ въ теченіи вѣковъ собиралась, крѣпла и возвеличилась Россія». А чрезъ годъ послѣ этого рескрипта министръ юстиціи оффиціально увѣдомилъ министра народнаго просвѣщенія, «что уже въ 37-ми губерніяхъ русскихъ пропаганда соціалистическихъ и революціонныхъ ученій распространена, и что революціонеры избрали орудіемъ своей гнусной пропаганды юноше-

ство и школу»,—о чемъ и министръ народнаго просвѣщенія объявилъ по своему вѣдомству циркуляромъ отъ 24 мая 1875 года.

Скоро будетъ шесть лѣтъ со времени этого печальнаго циркуляра; поправилось ли у насъ это несчастное дѣло? Или... можетъ быть, это вовсе не наше дѣло и до насъ не касается?!...

Безспорно, что каждый благомыслящій русскій человѣкъ—кто чѣмъ можетъ, словомъ или дѣломъ долженъ благопріятствовать и содѣйствовать преобразованію всѣхъ начальныхъ народныхъ училищъ, разныхъ наименованій и разныхъ вѣдомствъ, въ церковно-приходскія школы подъ управленіемъ приходскаго духовенства, съ надлежащею, разумѣется, отвѣтственностью и на разумномъ основаніи. Дѣло идетъ о счастливой будущности Россіи: неужели кто-нибудь дерзнетъ подумать или сказать, что это до него вовсе не касается?...

Если бы даже можно было допустить хотя малѣйшую тѣнь справедливости въ нареканіяхъ публицистики, будто въ числѣ бывшихъ прежде церковно приходскихъ школъ нѣкоторыя были только номинальныя, но въ дѣйствительности не существовали, то и, допустивши такую клевету, все таки не можно опрокинуть ту твердую и очевидную истину, что наше православное духовенство уже доказало свою способность и готовность заняться учительствомъ народа—и даже при всевозможныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Не можно сомнѣваться такъ же и въ томъ, что оно, наше досточтимое духовенство, никогда не допустило бы и никогда не допуститъ своихъ церковно-приходскихъ школъ быть орудіемъ гнусной пропаганды соціалистическихъ и революціонныхъ ученій, равно и нравственнаго растлѣнія народа.

Церковь, и при ней непремѣнно школа для дѣтей — прихожанъ: такъ всегда было у насъ со времени Равноапостольнаго Владиміра, и такъ всегда должно было быть?!...

У насъ, слава Богу, нѣтъ ни іезуитовъ, ни ультрамонтановъ, ни клерикаловъ, слѣдовательно нѣтъ никакого пово-

да опасаться отъ нашихъ священниковъ злоупотребленія школою. А западно-европейская фраза «о необходимости раздѣленія между государствомъ и церковью» не имѣетъ у насъ никакого смысла. Даже умные иностранцы вотъ какое мнѣніе имѣютъ о нашей Россіи: on ne comprende pas la Russie, parce qu'on y cherche la nation, et la Russie est une eglise [1]).

Сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе. *Улучшеніе быта нашего приходскаго духовенства* началось съ сокращенія двухъ-трехъ малолюдныхъ приходовъ въ одинъ приходъ, въ томъ предположеніи, что если одинъ священникъ будетъ получать доходы тѣ, которые прежде доставались двумъ-тремъ священникамъ, то состояніе его значительно улучшится. Жалкое улучшеніе!... А нѣсколько храмовъ Божіихъ въ такихъ совокупленныхъ приходахъ остаются *за штатомъ*, заперты, и богослуженіе въ нихъ совершается, *изъ приличія*, только два-три раза въ годъ; въ прочіе же праздники и воскресные дни прихожане *заштатныхъ* церквей могутъ ходить, ежели захотятъ, въ церковь другаго села, къ которой теперь приходъ ихъ приписанъ. Но, увы, часто случается (чтобъ не сказать: почти всегда), что они предпочитаютъ ближайшій путь къ кабаку, нежели въ отдаленную церковь... Праотцы наши радовались, умножая число храмовъ Божіихъ, а мы какъ будто тяготимся числомъ ихъ.

Вмѣсто прежнихъ дьячковъ (чтецовъ и пѣвцовъ церковныхъ), теперь положено имѣть *псаломщиковъ* изъ окончившихъ курсъ духовной семинаріи. А чтобъ псаломщики не размножались, для этого приняты слѣдующія энергическія мѣры: а) уничтожено духовное званіе, какъ особенная *каста*, и б) духовныя семинаріи преобразованы совершенно на манеръ свѣтскихъ гимназій, только въ нихъ послѣ общеобразовательнаго гимназическаго курса оставленъ еще, для желаю-

---

[1]) Не понимаютъ Россіи, потому что ищутъ въ ней націи, а она—церковь.

щихъ, дополнительный двухлѣтній курсъ богословія. Но такихъ желающихъ такъ мало, что напримѣръ изъ 100 человѣкъ, одновременно поступившихъ учиться въ семинарію, дай Богъ, чтобъ десятая часть дотянула до конца курса семинаріи и пожелала слушать дополнительный богословскій курсъ. Слѣдствіе очевидно: угрожаетъ опасность, что некому будетъ рукополагаться во священники...

Это ли *улучшеніе быта* приходскаго духовенства?... Не скорѣе ли надобно назвать это ослабленіемъ религіи въ народѣ? А между тѣмъ одно изъ видимыхъ, почти осязаемыхъ средствъ улучшенія быта священниковъ, само напрашивается въ практику: отдайте въ вѣдѣніе и управленіе священниковъ *всѣ* начальныя народныя училища разныхъ вѣдомствъ съ преобразованіемъ ихъ въ *церковно-приходскія школы*, и вмѣстѣ съ тѣмъ отдавайте ежегодно духовенству, за его труды по школамъ, всѣ тѣ милліоны рублей, которые доселѣ расходуются на наши начальныя народныя училища, какъ завѣщалъ о семъ и графъ Блудовъ; — *тогда бытъ священниковъ улучшился бы*; заштатные храмы Божіи опять были бы открыты и наполнялись бы молящимися, а затѣмъ и явились бы достойныя лица, желающія служить церкви.

Неужели желать этого и содѣйствовать этому — *не наше дѣло*? Неужели все это не болѣе, какъ pia desideria?...

И. Кулжинскій.

ВНУТРЕННЕЕ ЦЕРКОВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Московское земство—о церковныхъ приходахъ. Анализъ земскаго постановленія по главнѣйшимъ предметнымъ группамъ. Отзывъ о московскомъ постановленіи газеты «Русь». Наше мнѣніе объ этомъ постановленіи. Великость руководящаго начала и недостатки проэкта наличнаго: невыдержанность основной земско-соборной идеи по началу; невыясненность нравственнаго и матеріальнаго положенія духовенства въ процессѣ; проблемматичное положеніе церковнаго хозяйства въ выводѣ. Заключеніе.

Изъ массы церковныхъ вопросовъ, поставленныхъ въ послѣднее время періодической нашей печатью, ярче другихъ выдѣляется недавнее постановленіе московскаго губернскаго земскаго собранія о церковныхъ приходахъ. Скромное съ виду и рѣшительно не выдающееся со стороны вызвавшаго его повода, постановленіе это представляетъ прелюбопытную вещь со стороны, такъ сказать, логическаго процесса и чрезвычайной важности документъ въ смыслѣ ожидаемыхъ отъ него практическихъ результатовъ. Зашла рѣчь въ собраніи просто-таки о выдачѣ крестьянамъ пособій для обсѣмененія полей и объ организаціи земской благотворительности вообще; но вотъ къ какимъ заключительнымъ постановленіямъ въ концѣ концовъ пришло на этотъ разъ московское земство.

«Имѣя въ виду, говоритъ оно: 1) что для дѣлъ призрѣнія и благотворенія, возложенныхъ положеніемъ 1 января 1864 года на земство, необходимы, кромѣ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій, еще органы мѣстные, близко стоящіе къ народонаселенію и могущіе отличить въ массѣ просящихъ помощи дѣйствительно нуждающихся и наблюдать за правильнымъ употребленіемъ суммъ, отпускаемыхъ на этотъ предметъ; 2) что церковь всегда признавала дѣла призрѣнія и благотворенія входящими въ ея область,

а потому они могутъ быть пріурочены къ приходамъ въ смыслѣ церковныхъ обществъ; 3) что приходъ, какъ единица мѣстная и обнимающая лицъ всѣхъ сословій, представляется наиболѣе цѣлесообразною для возложенія на нее дѣлъ призрѣнія и благотворенія; 4) что для того, чтобы дѣятельность благотворительная могла проявиться и укрѣпиться въ приходскихъ обществахъ, надобно, чтобъ она была поставлена въ такія условія, при которыхъ жизнь могла бы снова проявиться въ нихъ, московское губернское земское собраніе постановляетъ ходатайствовать о томъ: а) чтобы приходы, въ смыслѣ приходскихъ обществъ, были признаны за юридическія лица; б) чтобы было возстановлено древнее право приходовъ избирать людей честныхъ и достойныхъ въ должность священниковъ, настоятелей къ ихъ церквамъ и представлять о томъ заручныя прошенія мѣстному епископу; в) чтобы за приходомъ признано было право всякими, закономъ дозволенными, средствами пріобрѣтать и укрѣплять за собою имущества какъ движимыя, такъ и недвижимыя; г) чтобы имущество каждой приходской церкви было признано за неотъемлемую ея собственность и чтобъ оно находилось въ завѣдываніи мѣстнаго приходскаго общества и д) чтобы въ этомъ смыслѣ дарована была организація приходскимъ обществамъ какъ городскимъ, такъ и сельскимъ, при чемъ само собою разумѣется, что къ этимъ обществамъ не должны быть принудительно привлекаемы раскольники, живущіе въ приходѣ, хотя бы они оффиціально въ немъ и числились».

Попробуемъ теперь постановленіе это разложить на его составныя части.

Московское земское собраніе находитъ, что въ наличныхъ условіяхъ и при существованіи крупныхъ не въ мѣру органовъ, земство затруднено въ правильномъ и цѣлесообразномъ распредѣленіи общественныхъ благотворительныхъ суммъ, и нуждается въ содѣйствіи органа ближайшаго—прихода, который бы наблюдалъ за правильнымъ употребленіемъ *такихъ* суммъ. Итакъ, приходъ, какъ единица церковная, беретъ на себя часть функцій служебныхъ *земства*. Пунктъ № первый.

Земство находитъ далѣе, что въ сферѣ собственно-матеріальной приходъ могъ бы быть для него полезенъ, замѣняя или восполняя обычныя его средства своими приходскими (церковными)

средствами, и съ этою цѣлью ходатайствуетъ, чтобы онъ былъ уполномоченъ, въ качествѣ признаннаго юридическаго лица, пріобрѣтать и укрѣплять за собою имущества, и ими, на правахъ собственника, завѣдывать. Приходъ такимъ образомъ ставится здѣсь въ качествѣ полу-церковной и полу-общественной инстанціи,—въ доселѣшнемъ техническомъ употребленіи этихъ словъ,—посколько имуществомъ *церкви*,—хотя бы то и по идеѣ благотворительности, — собирается располагать въ интересахъ общины. Пунктъ № второй.

Наконецъ, въ связи со всѣмъ этимъ и какъ гарантія данныхъ постановленій, приходу предположено возвратить старинное право по избранію людей честныхъ и достойныхъ на должность священниковъ, настоятелей къ ихъ церквамъ и представлять о томъ заручныя прошенія мѣстному епископу,—высшій и заключительный пунктъ, на которомъ приходъ становится совсѣмъ юридической церковью.

«Какъ благовѣстъ пронесется по Русской землѣ это постановленіе московскаго губернскаго земскаго собранія, говоритъ по этому поводу въ своей «Руси» почтеннѣйшій И. С. Аксаковъ. Во всей дѣятельности русскихъ земскихъ учрежденій съ самаго ихъ основанія не было до сихъ поръ ни одного дѣйствія, равнаго по своему значенію. Оно проникаетъ въ самую сердцевину духовно-общественной жизни народа. Оно свяжетъ земство нравственными узами съ землею и подниметъ его значеніе въ народномъ мнѣніи несравненно выше, чѣмъ устраненіе разныхъ внѣшнихъ преградъ, которыя еще противопоставляются размаху его дѣятельности, какъ Хозяйственнаго Комитета». И т. д.

Прибавимъ отъ себя: такъ изящна и стройна, такъ возвышенна и чиста идея, къ какой въ концѣ концовъ направляется московское дѣло, что нечего и удивляться нѣсколько восторженному тону славнаго русскаго человѣка. Идея-то тутъ, конечно, и есть самое главное, она-то лучше всего, и ей-то, конечно, И. С. дифирамбъ говоритъ. Трудно даже и приблизительно теперь представить, какими грандіозными послѣдствіями она чревата и мысленнымъ даже взоромъ обнять, какія широкія перспективы въ силахъ она открыть приниженной русской жизни. Духомъ и силой, мощью необъятной, всѣми порами жизни должна вздохнуть и обновиться земля наша отъ такой идеи. Дружная работа, нрав-

ственно-совмѣстная жизнь, общее духовное дѣло, обмѣнъ дарами духовными на дѣлѣ благотворительномъ — о, развѣ можетъ что либо выше и славнѣе этого быть? Сколько вопросовъ можно бы порѣшить такимъ путемъ, сколько предпріятій великихъ—нравственныхъ, честныхъ, можетъ возникнуть тутъ, сколько учрежденій неслыханныхъ, невообразимыхъ получить тутъ могутъ свое начало—около церкви, во взаимномъ духовномъ общеніи! Оставимъ же идею, какъ вещь безспорную, и подумаемъ объ ея осуществленіи: именно о реализаціи-то идеи,—будь она тысячу разъ безспорна и потому даже, что она безспорна,—и нужно крѣпко подумать, обязательно даже думать, и каждаго при этомъ обязательно же выслушать: на то она и идея соборная. Оставимъ же еще разъ идею и взглянемъ на проэктъ, какъ проэктъ. Ни составители проэкта, и никто другой отрицать, конечно, не будутъ, что дѣло идетъ тутъ широкое, что множество соотношеній должно быть тутъ принято во вниманіе, высокій тонъ долженъ пройти тутъ и великая гармонія должна быть дана здѣсь главнымъ частямъ, чтобы получилось великое хорошее цѣлое. И вотъ на этомъ послѣднемъ относительномъ пунктѣ, скажемъ прямо, московское дѣло далеко не безупречно.

Одно изъ двухъ: или земство поступало въ данномъ случаѣ какъ земство — въ томъ техническомъ смыслѣ, какой ему данъ положеніемъ его и доселѣшней практикой, и—въ такомъ случаѣ трудно представить его компетентность въ обсужденіи вопросовъ весьма церковнаго свойства, равно какъ практическую приложимость самаго обсужденія; или же оно дѣлало тутъ попытку разширить программу своего вѣдѣнія, дѣлало пробу, такъ сказать, земской соборности, и—тогда... тогда странною представляется его техника. Скажемъ прямо: намъ не нравится тонъ, въ какомъ прозвучалъ этотъ московскій благовѣстъ, не нравится та логическая фильтра, чрезъ какую прошло московское постановленіе. Получается впечатлѣніе, какъ будто незамѣтно и совершенно тайкомъ хотятъ ввести въ жизнь дѣло великой важности, постепенно подготовляя къ нему, на манеръ школьной педагогики, перемѣшивая при этомъ частности завѣдомо разнородныя и только въ концѣ концовъ открывая заправляющій стержень дѣла. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ не видѣть, что рѣчь тутъ идетъ о вопросахъ громаднѣйшаго размѣра, чуть не о перестройкѣ всей церковной

организаціи, что именно отъ громадности замысла свой смыслъ получаютъ и всѣ частности самаго постановленія, посколько ведутъ къ этому громадному, что дѣло тутъ въ собственномъ смыслѣ соборное, а для духовенства въ частности и дѣло, пожалуй, личное, что затрогивается тутъ масса учрежденій, порядковъ, сложившихся отношеній, унаслѣдованныхъ привычекъ и нормъ, и т. д. и т. д. А разъ соборное дѣло, то и великое дѣло, и должно идти въ слухъ всѣхъ и быть поставлено ясно, и участниками въ его обсужденіи должны быть всѣ. Позволяемъ себѣ недоумѣніе это выразить отъ имени духовенства, часть котораго имѣетъ великую честь представлять въ своемъ журналѣ, и—предупреждаемъ — съ этой пока только точки зрѣнія беремъ и все дѣло, ибо и тамъ внизу постановленіе это вызоветъ, а быть можетъ уже и вызвало недоумѣніе и—именно прежде всего тономъ своимъ, неопредѣленностью своею, логической, такъ сказать, неожиданностью. Никого тутъ не обвиняемъ, и избави отъ этого Богъ, ибо вѣримъ въ безусловную честность и искренность всѣхъ, кто подавалъ свой голосъ въ великомъ дѣлѣ, и—просто ставимъ вопросы, какъ можно честнымъ людямъ ставить честные вопросы—пусть это будетъ недоумѣніе. Умолчаніемъ этимъ о духовенствѣ наличномъ, когда дѣло его касалось,—методическимъ умолчаніемъ и третированіемъ его, какъ какого-то логическаго объекта, надъ которымъ можно (и пока, конечно, въ воображеніи) продѣлывать операціи, хотѣли ли сказать, что это—вещь такъ себѣ, не стоющая уже и вниманія, или ужь такая косная масса, что только и остается—взять да отодвинуть ее земской силой? Послѣ московской исторіи съ свѣчными заводами чувство это особенно сильно дается и его не мѣшало бы принять въ разсчетъ. Отстранить ли его хотѣли совсѣмъ? Но во первыхъ, если ужь пошло на земство, то и духовенство—исконная часть земства и еще и часть-то почтеннѣйшая, а во вторыхъ — и въ смыслѣ практическомъ это главное—зачѣмъ отстранить? Вѣдь самъ же Ив. С. Аксаковъ съ настойчивостью сказалъ, — а что сказалъ онъ, о томъ, конечно, и добрая половина Москвы подумала,—что «клерикализма» у насъ нѣтъ, что онъ на Руси православной немыслимъ, и— осмѣялъ интеллигентное предположеніе такого русскаго клерикализма, и прекрасно это сдѣлалъ. Но вѣдь осмѣять положеніе — въ логическомъ порядкѣ—значитъ поставить отрицаніе,

равно и наоборотъ; а въ переводѣ на данный случай—какъ-нибудь, признать духовенство силой *совмѣстной*, во всей его наличности признать, какъ силу открытую, полноправную и безусловно честную. А разъ такъ, то не мѣшало бы, быть можетъ, если не поговорить съ нимъ предварительно, то все же сказать ему, что-молъ — братцы мои, идетъ рѣчь о васъ, не хотите ли нашихъ умныхъ рѣчей послушать, да и сами чего о себѣ не скажете ли? Оппозиціи, конечно, не вышло бы; а дѣло во многомъ бы разъяснилось, рамки вопроса неизбѣжно раздвинулись бы и были бы всѣ довольны. Какъ провести подобную вещь на практикѣ,—на этотъ счетъ ужь конечно не намъ учить Москву...

Говорить о тонѣ, читатель, сплошь и рядомъ значитъ безплодную рѣчь вести. Но въ данномъ случаѣ обращаемъ вниманіе и на эту подробность, потому что и она можетъ прекрасное дѣло портить, какъ всякая не хорошая подробность, а еще болѣе потому, что тонъ этотъ прошелъ *въ предметномъ* порядкѣ постановленія. Разъ порѣшивши, что дѣло съ наличнымъ духовенствомъ покончено, и будетъ у него со временемъ совсѣмъ новое—излюбленное духовенство, собраніе этимъ наличнымъ уже и не занимается, и судьбу его считаетъ какъ бы забастованной. И прошла отсюда неясность и въ самомъ проэктѣ относительно даже будущаго духовенства, и потому неясность, что не взяли нѣкоторыхъ схематичныхъ опредѣленій съ наличнаго. Принципъ выборнаго духовенства по-первоначалу покрываетъ собою всѣ трудности, и сразу рѣшаетъ нелегкій вопросъ о нравственномъ и матеріальномъ положеніи духовныхъ лицъ. Такъ по крайней мѣрѣ представляется, а земству московскому, полагать надо, и въ дѣйствительности такъ показалось. Но это такъ—едва ли такъ. Пусть самый принципъ выбора стоитъ твердо и будетъ признанъ; но, не говоря уже о трудности организовать самые выборы сколько нибудь упорядоченнымъ манеромъ—инстанція по истинѣ мудреная, и если додумываться до конца, то и во многихъ областяхъ наличной жизни придется сдѣлать капитальныя перестройки и прежде всего въ нашей школѣ, и ужь тутъ чѣмъ шире поставить дѣло, тѣмъ, по нашему, лучше, плодотворнѣе, и объ этомъ нужно озаботиться раньше, чѣмъ о самихъ выборахъ что либо постановлять, потому что и заручившись правомъ, можно очутиться въ положеніи весьма неловкомъ и просто-таки безъ кандидатовъ,

или съ случайными кандидатами,—что, спрашивается, будемъ мы дѣлать съ этимъ выборнымъ духовенствомъ, какъ его поставимъ и какъ сами себя относительно его поставимъ? Выборное начало,—минуя частности и развѣтвленія,—само по себѣ двѣ общія схемы ставитъ и такъ во всемъ: или кандидатъ, опираясь на всю массу избирателей, занимаетъ дѣйствительно руководящее, нравственно-заправляющее положеніе по высотѣ призванія своего, по душѣ и чувству влагаемымъ въ дѣло, или же масса въ свою очередь надъ нимъ царитъ, третируя его какъ себѣ подчиненнаго, отъ нея зависимаго, какъ своего слугу, въ худшемъ значеніи слова. Горько о такихъ вещахъ говорить и тяжко представлять даже ихъ мыслимость въ такомъ великомъ, священномъ дѣлѣ, какъ дѣло духовное; но разъ рѣчь касается дѣла житейскаго и на практическій вопросъ желаемъ отвѣтить мѣрой практической, нельзя закрывать глаза и на инстанціи просто мыслимыя, и имъ нужно отводить мѣсто, отмѣтивъ ихъ если не положительною регламентаціей,—до этого пока не дошло, и настоящая организація впереди,—то хотя бы и просто схемой. Позволительно въ такихъ случаяхъ спросить хотя бы объ одномъ: будетъ ли и въ новыхъ условіяхъ духовенство сословіемъ, корпораціей, чѣмъ-то особо поставленнымъ, съ тѣми или другими, но своими и при томъ общими опредѣленіями—обязанностями, но и правами; или же каждый священникъ, настоятель и пр. будетъ третироваться, какъ отдѣльный священникъ, настоятель, распускаясь въ морѣ приходской жизни, какъ частная единица, какъ нѣчто мыслимое только подъ приходомъ, въ приходѣ, съ приходомъ, и уже совершенное ничто внѣ жизни приходской? Прямого отвѣта на этотъ вопросъ въ московскомъ постановленіи мы не находимъ; косвенные отвѣты есть, правда, неопредѣленные, но достаточно характерные, и именно вотъ какіе отвѣты. Ратуя противъ возможности и цѣлесообразности искусственнаго совмѣщенія у насъ сельской общины или волости съ приходомъ, какъ живыхъ самостоятельныхъ единицъ, и разграничивая строго функціи того и другаго, И. С. Аксаковъ говоритъ слѣдующее: «конечно, приходъ теперь не имѣетъ еще того значенія, какое предполагается ему дать, но какое бы значеніе ему ни придали, общинный міръ, какъ вѣка тому назадъ, такъ и теперь судилъ и рядилъ бы всегда независимо отъ церковнаго причта, *и никогда бы не дозволилъ ему* (кур-

сивъ въ подлинникѣ) вступаться въ свои мірскія дѣла». Положимъ, что такъ; будетъ ли это однако означать, что и отодвинутое отъ дѣлъ въ собственномъ смыслѣ «мірскихъ» духовенство найдетъ, по мысли И. С., свои центры тяжести, область своихъ спеціальныхъ интересовъ—въ лучшемъ значеніи слова, составитъ напр. свою корпорацію и тоже—vice versa—съ правомъ никогда не дозволить и міру вступаться въ свои духовныя дѣла? На этотъ вопросъ И. С. отвѣчаетъ дословно слѣдующей тирадой: «нѣтъ сомнѣнія, говоритъ онъ, что вредный духъ «корпораціи», который съ нѣкотораго времени сталъ довольно сильно развиваться въ нашемъ духовенствѣ, долженъ значительно ослабѣть съ воскрешеніемъ церковной жизни въ приходахъ. Всѣ эти съѣзды священниковъ для избранія благочинныхъ, для устроенія и обезпеченія духовныхъ училищъ—все это теперь носитъ исключительно сословный характеръ. Но едва ли не всѣ предметы вѣдѣнія этой духовной, хотя бы и на «либеральномъ основаніи» сложившейся корпораціи, подлежатъ вѣдѣнію, наравнѣ съ причтомъ, и прочихъ членовъ церкви мірянъ, въ одинаковой съ нимъ степени заинтересованныхъ и въ избраніи добрыхъ благочинныхъ, и въ процвѣтаніи духовныхъ учебныхъ заведеній». Думаемъ, что это мѣсто выражаетъ самую суть московской думы, но это же мѣсто даетъ и совершенно особое освѣщеніе и слѣдующей тирадѣ изъ инструкціи благочиннымъ, составленной митрополитомъ московскимъ Платономъ, которою земство московское пользуется, однако, какъ основнымъ избирательнымъ документомъ: «Если гдѣ священникъ или діаконъ, или церковники умрутъ, тебѣ, благочинному, за извѣстіе немедленно репортовать въ консисторію и о священникахъ представлять его преосвященству; а между тѣмъ прихожанамъ предлагать, чтобы немедленно избирали достойнаго и заручныя, тобою, благочиннымъ, засвидѣтельствованныя, прошенія присылали; а если къ избранію священника чрезъ мѣсяцъ, а діаконовъ и церковниковъ черезъ два мѣсяца не приступятъ, о томъ представлять незабвенно». Въ инструкціи, по ея прямой редакціи, благочинный такимъ образомъ ставится все же, какъ инстанція, отвѣтная за себя и свое спеціальное дѣло, какъ органъ власти стоящей надъ приходомъ и до извѣстной степени какъ направитель и контролеръ воли приходской (выборъ «достойнаго»). Въ редакціи, приданной инструкціи московскимъ земствомъ, послѣ

предварительнаго подведенія и благочинныхъ подъ ферулу прихода, измѣняется и отмѣняется и духъ этой инструкціи, хотя буква и остается полностію. Итакъ, если въ дѣлѣ мірскомъ духовенство—не міръ, а въ дѣлѣ духовномъ — не корпорація и стоитъ безъ всякихъ опредѣленій, то что же оно такое — это самое духовенство? Да такъ-таки ничто, а можетъ и еще меньше, чѣмъ это ничто, буде такая величина существуетъ. Духовенство, какъ сословіе и какъ корпорація, судя по всему этому не будетъ, а будутъ клирики и священники, масса клириковъ и священниковъ, но все это въ видѣ единицъ отдѣльныхъ, и каждая такая единица будетъ отвѣчать за себя, и надъ каждой изъ нихъ будетъ всей массой тяготѣть приходъ.

Попробуемъ однако сдѣлать и еще шагъ дальше, чтобы дать потомъ заключительный сводъ цѣлому. Чѣмъ будетъ опредѣляться такая единица и что она изображать изъ себя будетъ? Собственно профессіональной стороны священства—пастырства, ученія духовнаго, руководства, земство московское не коснулось; но оно затронуло vivus nervus—не пастырства—нѣтъ, а положенія въ церкви пастыря и имущественныхъ правъ самой церкви, какъ центра. Выше мы видѣли, какъ путемъ оригинальнаго логическаго процесса, московское земство, съ малаго начиная,—просто сказать съ обсѣмененія крестьянскихъ полей,—дошло до имущества церковнаго и поставило себя въ роли хозяина и именно въ спеціальныхъ видахъ. Не будемъ здѣсь касаться вопроса о церковномъ имуществѣ по существу, какъ вопроса громаднѣйшей государственной и церковной важности; московское собраніе намѣтило его слегка, и, по нашему мнѣнію, поступило весьма осмотрительно, не вдаваясь во всѣ предметныя частности. Но оно тезисъ поставило и уже тѣмъ самымъ доступъ открыло по крайней мѣрѣ литературнымъ частностямъ и больше, чѣмъ въ объемѣ своего вопроса. И вотъ уже нашлось мѣсто и частнымъ проэктамъ, и напр. «Востокъ»—газета—весьма опредѣленно заявляетъ, что «контроль надъ дѣятельностью церковныхъ старостъ долженъ принадлежать *исключительно* приходу» и тутъ же принципъ иллюстрируетъ, «что возстановленіе приходскихъ общинъ положитъ конецъ расхищенію (?) церковнаго имущества со стороны духовенства». Приходъ, по этой мысли—а эта мысль не единичная и въ порядкѣ московскаго постановленія совершенно логич-

ная—ставится въ собственномъ смыслѣ лицомъ юридическимъ, *всѣмъ* заправляющимъ, *всѣмъ* завѣдующимъ и распоряжающимся. Найдется ли на этомъ пунктѣ мѣсто священнику, будетъ ли и онъ, ближайшій служитель церкви, принимать въ этомъ дѣлѣ участіе, и чѣмъ вообще будетъ?—Отвѣтить не беремся; но подумать стоитъ.

Сдѣлаемъ общее заключеніе. Прекраснѣйшая идея, достойная Москвы, получила совсѣмъ непзящную форму, достойную развѣ московскихъ старостъ. Въ основу всего дѣла предполагалось заложить великое начало соборное (хотите—широкое земское,—все равно); въ тонѣ проэкта прозвучало начало «односторонне-демократическое». Церковь предполагалось поставить во главу угла, чтобы ея дивною, святою сѣнію прикрыть всѣхъ и подъ ея чуднымъ покровомъ собрать всѣхъ; въ дѣйствительности оказалась церковь служебницей земства, и изъ вѣковѣчныхъ основъ выхвачено мало ей сродное — начало экономическое и — выхвачено односторонне. Основная же ошпбка въ томъ, что соборному дѣлу не дали соборности, изъ мысли великой изгнали духъ, и взглянули на духовенство, какъ на враждебную партію, — чувствомъ взглянули, и по недоразумѣнію случайному, конечно, взглянули, ибо величайшее недоразумѣніе и не русское по характеру кроется въ мысли, будто можно строить величіе церкви на униженіи духовенства, или на отстраненіи его отъ церкви. И скажемъ здѣсь прямо: великое дѣло вести, «реформу» церковную, или подобіе нравственной церковной реформы затѣвать, то вести это дѣло сообща нужно и множество вещей, при этомъ слѣдуетъ взять въ разсчетъ; новыя отношенія между причтомъ и прихожанами намѣчать—то на началахъ общественной и нравственной полноправности и безусловнаго другъ къ другу довѣрія; юридическія начала если вводить, то пусть же они изъ себя ясную, отчетливую формулу представляютъ, покрывающую всѣ отношенія и всѣ развѣтвленія церковно-приходскихъ дѣлъ. Но думаемъ въ частности относительно этихъ послѣднихъ юридическихъ началъ, что едва-ли въ нихъ только однихъ спасеніе, и во всякомъ случаѣ есть опасность съ этими юридическими началами очутиться въ одно непрекрасное время, вмѣсто бюрократизма личнаго, съ глазу на глазъ съ бюрократизмомъ массовымъ... и будетъ послѣднее горше перваго. Можетъ быть, мас-

штабъ другой для всего дѣла нужно взять — болѣе широкій и во всякомъ случаѣ нравственный масштабъ. Можетъ быть и дѣло то начинать лучше не съ экономическихъ опредѣленій, а съ пріуроченія къ церкви чисто-нравственныхъ учрежденій и изъ нихъ прежде всего искать объединенія приходу и причту, церкви и общинѣ—съ взаимною полноправностью, чтобы потомъ отъ имени такихъ общихъ нравственныхъ учрежденій перейти къ дѣламъ чисто экономическимъ. Москва обо всемъ этомъ подумаетъ: а русскіе люди послушаютъ...

ИНОСТРАННАЯ ЦЕРКОВНАЯ ЖИЗНЬ.

Общее историческое положеніе западной церковной жизни. — Новыя явленія «культурной борьбы» во *Франціи*: истребленіе священныхъ предметовъ въ школахъ и законъ противъ религіознаго образованія.—Церковная жизнь въ *Англіи*. Письмо—«Воззваніе англичанина къ буддистамъ». Католицизмъ въ Англіи, его современное положеніе и надежды въ будущемъ.—Антисемитическое движеніе въ *Германіи*, его причины и смыслъ.—Предложеніе Виндгорста относительно майскихъ законовъ.—*Ватиканъ* и папа Левъ XIII: программа дѣйствія римской куріи въ дѣлахъ, касающихся внѣшней политики, — внутренняя дѣятельность: «Римская академія св. Ѳомы Аквината», — «Историко-юридическая академія»: устройство и назначеніе этихъ учрежденій,—періодическая печать и отношеніе къ ней папы Льва XIII,—печатные органы римской куріи: «Aurora», «Osservatore Romano» и др.

Обозрѣвая западную церковную жизнь издали, въ положеніи сторонняго и безпристрастнаго наблюдателя, невольно удивляешься сложной разнохарактерности ея элементовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—однородности изъ года въ годъ повторяющихся въ ней явленій. Католичество, протестантизмъ, цѣлый легіонъ мелкихъ религіозныхъ общинъ, изъ которыхъ каждая представляетъ изъ себя особую вѣроисповѣдную группу, не желающую имѣть ничего общаго съ остальными, — простая наивная вѣра, проявляющаяся въ грубой первичной формѣ поклоненія божеству и на ряду съ этимъ—или полное невѣріе, отрицающее и Бога и все духовное въ человѣкѣ, или самое утонченное возвеличеніе духовности человѣка, его обоготвореніе. И все это уживается вмѣстѣ, одно подлѣ другаго, у одного и того же народа, живетъ и развивается, переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, изъ года въ годъ. Что же объединяетъ столь разнородные религіозные элементы, дѣлаетъ возможнымъ общеніе между ними, общую жизнь и развитіе? Есть ли въ этихъ элементахъ такое начало, которое изъ

вѣры, въ какой бы формѣ она не проявлялась, дѣлало въ извѣстной мѣрѣ, больше или меньше—живую народную силу, все объединяющую, на все налагающую свой отпечатокъ, все примиряющую въ общемъ совмѣстномъ развитіи? Конечно, такое объединяющее и чисто народное начало должно быть и его отчасти можно указать даже теперь, какъ оно было и въ отдаленномъ прошломъ западной церковной жизни. Но великое несчастіе западныхъ народовъ состояло въ томъ, что съ того самаго времени, какъ римскій католицизмъ, своеобразно развившійся, установился вполнѣ и подчинилъ своей власти народы Запада, послѣднимъ оставалось одно изъ двухъ — или оставаться въ католичествѣ, принадлежать, слѣдовательно, къ римской церкви и вести нескончаемую борьбу за свои родныя народныя основы, за свою самобытность въ церковномъ и политическомъ смыслѣ, каковая въ строгомъ подчиненіи римскому католицизму, въ конецъ обезличивающему всякую народность—немыслима, или разомъ порвать всякія связи съ этой церковью, основать и создать свою церковь, что въ дѣйствительности должно было повести, какъ и случилось—къ полному отдѣленію отъ церкви, со всѣми послѣдствіями такого отдѣленія, печальные результаты котораго чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе и болѣе становятся рѣзкими и очевидными. Въ этихъ роковыхъ для Запада условіяхъ церковно-историческаго положенія слѣдуетъ искать, по нашему мнѣнію, объясненіе тѣхъ явленій, которыми отличается современная церковная жизнь западныхъ народовъ: борьба церкви и государства, съ одной стороны, и съ другой — наряду съ убивающими всякую вѣру скептицизмомъ, полнымъ невѣріемъ и индифферентизмомъ—обиліе мелкихъ религіозныхъ сектъ, обиліе людей, жаждущихъ удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребностей и находящихъ это удовлетвореніе не въ церкви Христа, а въ жалкихъ измышленіяхъ разстроеннаго воображенія...

Въ этомъ отношеніи прошлый годъ церковной жизни Запада не представлялъ почти никакихъ новыхъ явленій въ сравненіи съ прежними годами: почти во всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ государствахъ открыто, съ оружіемъ въ рукахъ, и тайно, незримо происходили столкновенія, препирательства и борьба съ церковью, насколько она находится въ зависимости отъ Ватикана, отъ папы и его правительства. Во Франціи, какъ знаютъ

наши читатели («Стран.» 1880 г., ноябрь), борьба эта выразилась въ изданіи и въ выполненіи такъ называемыхъ мартовскихъ декретовъ, осудившихъ на изгнаніе цѣлыя сотни монаховъ, принадлежавшихъ къ разнымъ недозволеннымъ, т. е. не хотѣвшимъ подчиняться правительственной власти, конгрегаціямъ. Но, какъ и слѣдовало ожидать, при томъ громадномъ вліяніи, какимъ католицизмъ пользуется, какъ въ другихъ западныхъ странахъ, такъ особенно во Франціи—мѣра эта оказалась крайне неудобной, вооружила многихъ противъ правительства, вызвала недовольство и ропотъ въ массахъ, а главное не привела къ цѣли, такъ какъ монаховъ осталось все-таки много, а изгнанные безъ труда нашли средства вернуться назадъ и устроить свои дѣла попрежнему. Однако, правительство не остановилось на этомъ, пошло далѣе и тѣмъ самымъ обнаружило еще большую безтактность, какъ бы намѣренно, фактически подтвердивши мысль, существовавшую какъ предположеніе, что не противъ монаховъ только и ихъ темныхъ, подпольныхъ дѣяній оно направляетъ свои строгія мѣры, какъ казалось въ началѣ, а... противъ религіи и религіозности вообще. Вслѣдъ за исполненіемъ мартовскихъ декретовъ, состоялось новое правительственное постановленіе — касавшееся церковныхъ дѣлъ — объ уничтоженіи въ школахъ всѣхъ религіозныхъ предметовъ, всего, что напоминало бы о религіи—крестовъ, изображеній и т. п., а въ связи съ этимъ,—законъ, изгоняющій изъ общественныхъ школъ обученіе закону Божію, ставящій это обученіе необязательнымъ ни для кого. Эти новые законы уже положительно оказались безсмысленными, потому что, не говоря о народѣ, они вооружили противъ правительства даже тѣхъ, которые шли за одно съ нимъ въ вопросѣ о монашескихъ конгрегаціяхъ. Нужно только представить себѣ, какое впечатлѣніе должно было произвести зрѣлище «истребленія иконъ и крестовъ»—особенно въ народѣ, который и во Франціи все-таки еще глубоко религіозенъ? «Въ Парижѣ это изгнаніе (религіозныхъ изображеній изъ школъ), говоритъ корреспондентъ одной русской газеты, не произвело большаго впечатлѣнія, хотя и не нравилось многимъ, такъ какъ производилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ грубо-вызывающимъ образомъ: изломанные и сваленные въ кучу въ углу школы религіозные предметы вывозились какъ соръ на объѣзжавшей школы

телѣгѣ! Это, конечно, оскорбляло вѣрующихъ. Въ провинціи, особенно въ деревняхъ, гдѣ религіозное образованіе цѣнится, протесты были рѣзче, впечатлѣніе сильнѣе. Администрація, повидимому, употребляла всѣ усилія, чтобы вызвать раздраженіе къ себѣ и пославшимъ ее. Воспрещалось, подъ страхомъ строгаго преслѣдованія, показывать дѣтямъ религіозныя картины, *упоминать о Богѣ, даже въ поговоркѣ*; изъ обычнаго разговора исключаются слова: Богъ, ангелъ, дьяволъ и всѣ, напоминающія о представленіяхъ, выходящихъ изъ сферы матеріальнаго міра; *всѣ эти слова вычеркиваются изъ старыхъ, оставшихся, за негимѣніемъ другихъ, учебниковъ и пособій*; они исключаются изъ пѣсенъ и гимновъ, причемъ учителямъ предлагается замѣнить ихъ другими понятіями, въ родѣ «природы», «добродѣтели», «порока» и т. п., вслѣдствіе чего иногда получается страшная безсмыслица! Всѣ эти «свѣтскія школы», о которыхъ съ такой гордостью кричатъ свободомыслящіе лавочники, сводятся не къ раціональному воспитанію будущихъ гражданъ, о которомъ у самыхъ образованныхъ французовъ понятія слишкомъ мутныя, а къ замѣнѣ мертваго катихизиса сухой бухгалтеріей, — образа и Распятія—ссудосберегательной книжкой, каковою, кстати замѣчу, щедро награждаютъ учениковъ новыя школы, поощряя въ нихъ склонность къ сбереженію и скопидомству. Что лучше: идеализмъ, хотя бы и съ примѣсью суевѣрія, или простое лавочничество,—пусть рѣшитъ самъ читатель». Собственно рѣшать тутъ нечего: ясно какъ день, что «разумъ» тутъ торжествуетъ, но смысла во всемъ этомъ нѣтъ рѣшительно никакого, потому что въ концѣ концовъ побѣда останется на той же самой сторонѣ, противъ которой направлены всѣ эти странныя и глупо вызывающія мѣры—на сторонѣ поборниковъ папства, которые хорошо понимаютъ, что люди прибѣгающіе къ такимъ мѣрамъ,—«не вѣдятъ, что творятъ», хотя и имѣютъ предъ собою примѣръ предшественниковъ— дѣятелей первой французской революціи, совершавшихъ тоже самое...

У насъ часто указываютъ на Англію, какъ на такую страну, въ которой духовенство, поставленное внѣ зависимости отъ Рима, и общая церковная жизнь, повидимому, не оставляютъ желать ничего лучшаго: близость пастырей церкви къ своимъ паствамъ, обиліе школъ и разныхъ религіозно-просвѣтительныхъ

учрежденій, множество обществъ, задающихся высокими гуманными цѣлями и т. п. Все это вѣрно и особенно издали представляется въ весьма радужномъ освѣщеніи, но за всѣмъ этимъ и здѣсь скрывается нѣчто такое, что, какъ съ полной увѣренностью утверждаютъ католики, заставитъ наконецъ и упорныхъ англичанъ рано или поздно снова преклониться предъ владыкой Ватикана и поднести ему свои дары. Приводимъ одинъ фактъ. Недавно въ англійскихъ газетахъ появилось подъ заглавіемъ: «Воззваніе къ помощи буддистовъ лондонскаго жителя»—письмо, не лишенное общаго интереса, но тѣмъ болѣе любопытное и характерное, что оно принадлежитъ бывшему англійскому пастору. Авторъ письма обращается къ поклонникамъ Будды и превозноситъ ученіе ихъ священныхъ книгъ: «я прочиталъ съ восторгомъ все, что нашелъ въ нашей литературѣ касательно чистѣйшаго ученія, изложеннаго въ буддистскихъ священныхъ Ведахъ. Чистота и величіе вашего ученія поразили меня»!... «Нашъ Іисусъ Христосъ, говоритъ онъ далѣе, подобно вашему Буддѣ, проповѣдывалъ намъ волю высочайшаго Отца, но духовенство наше возстановило христіанскіе народы противъ исполненія завѣтовъ Христа. Въ моей странѣ уважаютъ лишь форму, внѣшнія проявленія религіи, а не сущность ея. Народъ почти не знаетъ божественнаго ученія...

«Труды нашихъ (англійскихъ) священниковъ оплачиваются хорошо, но многіе ли изъ нихъ хорошо выполняютъ свои обязанности?... Между ними есть такіе, что вмѣсто проповѣди объ обязанностяхъ, о правдѣ, любви человѣчества, чистой нравственности и святости жизни, — проповѣдуютъ то, что служитъ къ уничтоженію всѣхъ этихъ добродѣтелей, вмѣняемыхъ Ведами и нашимъ Евангеліемъ въ *обязанность* человѣчеству. Вотъ что распространяютъ эти новые лже-учители. Іисусъ умеръ за насъ. Онъ жизнь свою принесъ въ жертву за грѣхи человѣчества; кровью своей Онъ искупилъ насъ отъ возмездія... Если вы только вѣрите этому, любите Христа и пребываете всегда въ любви Его,—вы спасены. Все остальное—второстепенно! Если пребываете въ Немъ и Онъ въ васъ,—вы уже при жизни омыты и искуплены Его кровью и по смерти пребудете въ царствіи Его»...

«Гдѣ же заслуга чистой жизни? Гдѣ трудность подвига?... Гдѣ

выполненіе завѣта, что *вѣра безъ дѣлъ мертва есть?*» Здѣсь авторъ письма довольно прозрачно намекаетъ на новый видъ протестанскаго раскола, появившагося въ Англіи въ послѣднія двадцать лѣтъ, а изъ Англіи занесеннаго и къ намъ разными лордами-миссіонерами и ихъ юродствующими россійскими послѣдователями, мнящими заслужить спасеніе, сидя въ мягкихъ креслахъ и распѣвая гимны!... [1])

«О! придите, добрые буддисты! заключаетъ авторъ свое письмо. Замѣните нашихъ дремлющихъ духовныхъ наставниковъ: научите насъ исправить нашу злобу, вести жизнь трезвую, полезную и правую, надѣясь не на соблюденіе воскреснаго бездѣйствія и пѣніе плохо сложенныхъ гимновъ, — а на собственныя нравственныя заслуги и добрыя дѣла!... Придите изъ страны, которую мы гордо считаемъ варварскою и языческою, научить насъ истинѣ и добру! Разъяснить намъ ученія *нашихъ* христіанскихъ книгъ, полныхъ завѣтами удаляться отъ зла и творить благо. Укажите нашему духовенству, что не вы язычники, а мы, кичливые христіане, поклонники Бога живаго, *нуждаемся въ миссіонерахъ* и просвѣтителяхъ. Въ одномъ Лондонѣ вы найдете до милліона народа, не поклоняющагося никакому Высшему духу, не признающаго Бога, а около трехъ милліоновъ, равнодушно позволяющихъ вести себя, то духовенству, то самонадѣяннымъ еретикамъ. Пришлите намъ *миссіонеровъ* научить насъ тому, что злоба и мерзость предъ Господомъ; воздержать насъ отъ порочныхъ страстей нашихъ, а пуще всего, отъ злоупотребленія алкоголемъ, этимъ орудіемъ дьявола, служащимъ на погибель и проклятіе Англіи, со всѣми ея колоніями!... Не могу вамъ ручаться, добрые буддисты, что вы найдете много послѣдователей

[1]) Кстати, какъ уже сообщили газеты, извѣстный г. Пашковъ снова началъ свои «великосвѣтскія» религіозныя бесѣды въ Петербургѣ, на время было прекратившіяся. На дняхъ намъ пришлось узнать любопытную вещь. Извѣстно, что на собраніяхъ г. Пашкова присутствующими распѣваются духовные гимны, которые собраны и отпечатаны въ одной небольшой книжкѣ и выдаются за произведенія творческаго воображенія самого г. Пашкова. Между тѣмъ, что же оказывается? Большинство этихъ гимновъ — *буквальный переводъ духовныхъ стиховъ нѣмецкихъ піэтистовъ XVII в.!..* Что это—намѣрено ли и съ особой цѣлію сдѣлано, или явный подлогъ и надувательство довѣрчивыхъ поклонниковъ новоявленнаго проповѣдника? Во всякомъ случаѣ, фактъ любопытный и мы надѣемся поближе познакомить съ нимъ своихъ читателей.

вашему Буддѣ, и много слушателей ученію священныхъ Ведъ; но ручаюсь, что будетъ вамъ много, много честнаго дѣла. Придите на помощь намъ, добрые индусы!... Вы навѣрное привлечете общественное вниманіе и пріобрѣтете уваженіе всѣхъ честныхъ людей вашей прекрасной религіи»!... (См. газ. «Россія»).

Насколько вѣрно общее положеніе, намѣчаемое этимъ любопытнымъ письмомъ неизвѣстнаго автора—не беремся судить, но несомнѣнно и давно уже замѣчено, что въ нѣдрахъ независимой англиканской церкви также не все обстоитъ благополучно, и что въ недалекомъ будущемъ въ ней долженъ произойти рѣшительный переворотъ или, въ противномъ случаѣ—всѣ англичане дѣйствительно снова обратятся въ католицизмъ. Англійскіе католики не скрываютъ своихъ надеждъ и полной увѣренности въ этомъ. Въ февралѣ прошлаго года кардиналъ Ньюманъ на митингѣ «Католической Лиги» (Catholic Union) въ Бирмингамѣ такими словами характеризовалъ положеніе католиковъ въ Англіи: «Тридцать лѣтъ назадъ католики были весьма непопулярны (между англичанами). Причиной нерасположенія къ нимъ служило ложное мнѣніе, будто наши римскія власти злоумышляли противъ религіозной независимости Англіи и, назначая кардинала и епископовъ для англичанъ, имѣютъ намѣреніе или надежду какимъ нибудь незаконнымъ путемъ вести пропаганду католицизма... Когда тогдашнее правительство, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые, весьма выдающіеся государственные люди, позволили себѣ раздѣлять такую мысль—возбужденіе достигло крайней степени; пущены были въ ходъ, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, всѣ старыя басни, направленныя противъ насъ,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣло доходило даже до жестокостей и насилій... Но наши противники скоро должны были убѣдиться, что они не могутъ восторжествовать надъ нами, какъ и мы не можемъ надъ ними, что они и мы живемъ въ различныхъ сферахъ, что ихъ объективъ былъ мірской, нашъ — духовный... Мы хотимъ жить въ мірѣ съ своими согражданами, и нѣтъ никакого основанія думать, чтобы и они не желали того же по отношенію къ намъ... Въ настоящее время трудно найти семью, въ которой не было бы друзей или членовъ, принадлежащихъ къ той самой религіи (католической), которая тридцать лѣтъ назадъ была сектой, по-

чти неизвѣстной въ Англіи»... Спустя три мѣсяца на митингѣ той же лиги, въ Лондонѣ, Ньюманъ снова заявилъ, что англійскіе католики наслаждаются теперь спокойствіемъ и свободою, что они перестали вмѣшиваться въ политику и что лучшее для нихъ, чтобы извлечь выгоду изъ своего положенія «это—не добиваться ничего разомъ, путемъ насилія, ничего несовмѣстимаго съ свободнымъ произволомъ ихъ согражданъ, *ничего несогласимаго съ величественнымъ и медленнымъ, но надежнымъ* (sûr) *путемъ къ торжеству истины и права*». И такова настоящая политика, вполнѣ отвѣчающая видамъ папы Льва XIII: «едва ли можно сомнѣваться, чтобы она осталась безплодной»! восклицаетъ по поводу приведенныхъ словъ авторъ книги, изъ которой мы заимствуемъ ихъ (Louis Teste, Leon XIII et le Vatican, 4-e edit., Paris, 1880, pag. 303—305)...

Къ сдѣланнымъ замѣчаніямъ считаемъ не лишнимъ прибавить, что со вступленіемъ Гладстона въ англійское министерство, католики сначала встревожились было за свою «libertas—tranquilitas» въ Англіи, такъ какъ Гладстонъ былъ хорошо извѣстенъ нерасположеніемъ къ римскому двору и въ 1874 г. издалъ противъ Ватикана памфлетъ, въ которомъ предлагалъ такого рода реплику: «невозможно, чтобы кто нибудь обратился въ католицизмъ, не отрекшись отъ своей моральной и интеллектуальной свободы, не отдавши свою гражданскую независимость на волю иноземца, того самаго папы, который одинаково попираетъ и мысль нашего времени и исторію прошлаго» (соч. Гладстона: «Les décrets du Vatican considérés dans leur influence sur la loyauté civile», см. Teste, ibid. pag. 306). Тревоги католиковъ оказались однако напрасными: Гладстонъ не тронулъ ихъ и, къ ихъ радости и къ общей гордости католичества, не поколебался даже назначить вице-королемъ Индіи маркиза Рипона, перешедшаго въ 1874 году въ католицизмъ. Но не эта-ли снисходительность Гладстона, замѣтимъ мимоходомъ, повела и къ тому, что въ начавшейся ирландской смутѣ католическіе патеры начали показываться во главѣ бунтовщиковъ? Какъ бы то ни было, англійскому двору недавно пришлось сдѣлать по этому поводу заявленіе папѣ и получить въ отвѣтъ обѣщаніе—употребить достодолжныя мѣры къ обузданію неблагоразумной воинственности ирландскаго духовенства...

Въ Германіи въ концѣ прошлаго года, вслѣдъ за Кёльнскими

празднествами (см. «Стран.», 1880, ноябр.), началось такъ называемое «антисемитическое движеніе — борьба съ жидами, выразившаяся въ цѣломъ потокѣ бранчивыхъ рѣчей противъ евреевъ, въ уличныхъ демонстраціяхъ и въ кулачной расправѣ. Во главѣ руководителей этого движенія явился пасторъ Штекеръ, придворный проповѣдникъ, и потому весьма легко сложилось предположеніе, что духовенство небезучастно въ подстрекательствахъ противъ жидовъ, что, возбуждая общество противъ нихъ, оно хочетъ воскресить средніе вѣка, когда жидовъ жгли, распинали на крестахъ и т. д. Въ дѣйствительности такое обвиненіе ничѣмъ существеннымъ неподтвердилось и подтвердить нельзя было. Толчекъ къ антисемитической агитаціи исходилъ вовсе не отъ духовенства и не въ силу тяготѣнія послѣдняго къ средневѣковымъ юдофобскимъ традиціямъ, а данъ былъ, такъ сказать, силою вещей, въ которыхъ всецѣло повинны сами же евреи. Нечего и говорить о томъ, какимъ тяжелымъ бременемъ почти на всѣхъ европейскихъ государствъ отзывается ничѣмъ несокрушимое преобладаніе жидовства: это хорошо извѣстно и намъ русскимъ. Въ Германіи болѣе, можетъ быть, чѣмъ гдѣ нибудь евреи благодѣнствуютъ и въ силу этого, нестѣсняясь ничѣмъ, безбоязненно налагаютъ свою хищническую лапу на чужой трудъ и капиталъ. Да и чего имъ бояться? банки и крупныя финансовыя предпріятія въ ихъ рукахъ, большая часть нѣмецкой прессы на ихъ жалованьи и потому всегда готова къ ихъ услугамъ, эксплоатація низшихъ и среднихъ классовъ—требуютъ лишь умѣнья и ловкости, а эти качества врождены ихъ природѣ. Удивительно ли послѣ этого, что при всякомъ малѣйшемъ поводѣ наболѣвшая злость противъ этихъ всемірныхъ угнетателей, безпощадно жадныхъ и безсердечныхъ—готова бываетъ перейти въ цѣлый потокъ народнаго движенія! Геніально прозорливый Бисмаркъ давно уже задается вопросомъ, неужели триста милліоновъ европейцевъ должны будутъ сдѣлаться добычей четырехъ милліоновъ жидовъ, бездушныхъ космополитовъ — эксплоататоровъ, и если существуетъ опасность такого рода, какъ утверждаютъ многіе, то гдѣ найти средство для ея устраненія?... Жалкое, презрѣнное племя! оно ничего не хочетъ знать: въ Германіи, въ той самой странѣ, лучшіе, благороднѣйшіе сыны которой, въ родѣ напр. Лессинга (въ «Натанѣ Мудромъ»), первые въ новой Европѣ вы-

ступили съ горячей защитой его правъ и свободы — оно какъ паукъ высасываетъ кровь до послѣдней капли изъ всякой жертвы, попавшей въ хитро раскинутыя имъ тенеты!.. Къ прискорбію, не въ Германіи только, но и вездѣ жиды таковы, вездѣ они—«жиды», и вездѣ ихъ невыносимый гнетъ невольно вызываетъ «антисемитическое движеніе», безъ всякихъ подстрекательствъ со стороны кого бы то ни было.

Мы говорили въ прошлогоднемъ обозрѣніи (нояб.), что больное мѣсто въ нѣмецкой церковной жизни — разрывъ правительства съ Римомъ, и что этотъ разрывъ, повидимому, въ скоромъ времени, при взаимныхъ уступкахъ съ той и другой стороны, окончится примиреніемъ. Такъ можно было думать потому, что нѣмецкій императоръ и его «желѣзный канцлеръ» кн. Бисмаркъ не разъ высказывали желаніе покончить съ «культурной борьбой», тяжело отзывающейся на католическомъ населеніи Германіи, и установить такія или иныя опредѣленныя отношенія къ Риму. Дѣйствительно, начаты были формальныя переговоры по этимъ вопросамъ, но затѣмъ вскорѣ прекратились, и что будетъ дальше—пока неизвѣстно. Между тѣмъ, до какой степени ненормально теперешнее положеніе нѣмецкихъ католиковъ, показываетъ предложеніе Виндгорста, сдѣланное въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій прусской палаты депутатовъ, предложеніе относительно майскихъ законовъ (которыми начатъ былъ разрывъ съ Римомъ, съ 1873 г.). Виндгорстъ заявилъ о необходимости освободить отъ дѣйствія этихъ законовъ «служеніе литургіи и раздачу святого причастія», т. е. совершеніе христіанскихъ таинствъ. Не можетъ же быть, говорилъ онъ, чтобы отправленіе христіанскихъ обязанностей считалось преступленіемъ, и всякій пойметъ основательность жалобъ католиковъ, когда узнаетъ, что болѣе четверти ихъ приходовъ не имѣютъ священника, дѣти остаются не крещенными, взрослые умираютъ безъ напутствія, отходятъ въ могилу безъ погребенія и т. д. Говорятъ, что бѣдствія католической церкви въ Германіи прекратятся разомъ, если церковь согласится увѣдомлять государственную власть о назначеніи духовенства на мѣста. «Но, продолжалъ Виндгорстъ, дѣло не въ увѣдомленіи, а въ утвержденіи свѣтскою властію выбора церкви. Для этого надо воспитать священниковъ въ духѣ майскимъ законовъ и тогда будутъ священники вполнѣ свѣтскіе»... Предложе-

ніе Виндгорста говоритъ само за себя и можетъ служить указаніемъ, что при дальнѣйшемъ упорствѣ Ватикана, прусское правительство должно будетъ ему уступить и тогда «желѣзному канцлеру» еще придется, можетъ быть, сходить на поклонъ въ Каноссу, отъ чего онъ такъ упорно отрѣкается. Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ курія, какъ бы заранѣе расчитывая на побѣду, не безъ иронін спѣшитъ предупредить его любезнымъ предложеніемъ: «зачѣмъ непремѣнно идти въ Каноссу, замѣчаютъ римскіе прелаты, когда всѣ дороги ведутъ къ Риму. Мы сами, если будетъ пріятно вамъ, придемъ въ Варцинъ (помѣстье Бисмарка). Но... когда хотите имѣть дѣло съ церковью, какъ съ установленіемъ, то должны принимать ее такою, какова она есть и какою установлена ея Божественнымъ Основателемъ»...

И Ватиканъ нимало не колеблется говорить такимъ языкомъ, хотя бы и съ самимъ «всесильнымъ» Бисмаркомъ... На чемъ же зиждется его непоколебимая увѣренность, что предпринимаетъ Ватиканъ въ виду указанныхъ печальныхъ для католичества явленій въ разныхъ европейскихъ странахъ, въ чемъ состоятъ его церковные и политическіе планы, его программа дѣйствія?.. Вопросы эти не лишены своего важнаго значенія и для насъ, вслѣдствіе все болѣе и болѣе усиливающагося давленія папства на славянъ и начатыхъ нами переговоровъ по поводу римско-католическихъ дѣлъ въ Польшѣ. Итакъ, въ чемъ же состоитъ современная церковно-политическая «программа дѣйствія» папства? — «Никогда политика Ватикана, пишетъ одинъ кореспондентъ изъ Рима, не представлялась столь неясною, никогда не отличалась она столь странными, ежедневными колебаніями». Да, для поверхностнаго наблюдателя современныя дѣйствія папства могутъ казаться такими именно, а не иными, на самомъ же дѣлѣ едва ли когда нибудь папская политика была въ такихъ надежныхъ рукахъ, какъ теперь, и осуществлялась съ такимъ умѣньемъ, постоянствомъ и твердостью. Папа Левъ XIII замѣчательно талантливый, можетъ быть, даже геніальный государственный человѣкъ, превосходно понимающій современное положеніе Европы и свои собственныя силы и средства, все чѣмъ еще располагаетъ католичество и чего нужно опасаться и ожидать въ будущемъ. Его ближайшія сотрудники всѣ выбраны имъ и уже, конечно, онъ не ошибся въ нихъ. Обширная и сложная

программа выработана ими и этой программой они руководятся въ своихъ дѣйствіяхъ во всѣхъ частяхъ свѣта.

Въ сущности, римская курія не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія поступиться хотя бы одной пядью изъ тѣхъ всемірно-властительскихъ прерогативъ, какими когда либо владѣлъ папскій престолъ. Она понимаетъ свое затруднительное положеніе, громадность борьбы, которую ей приходится вынести, подъ давленіемъ современной культуры и политическаго строя Европы, но она еще не видитъ для себя рѣшительной опасности. «Хотя католичество говорятъ римскіе прелаты, повидимости побѣждено,— оно всетаки еще продолжаетъ оставаться величайшей матеріальной и моральной силой въ Европѣ; ослабленіе принадлежащаго ей внѣшняго могущества и преобладанія зависитъ отъ чисто политическихъ причинъ, т. е. отъ явленій случайныхъ и преходящихъ. Оно по прежнему не только продолжаетъ отправлять своихъ миссіонеровъ въ Африку, Америку, въ Австралію, дѣлая всюду драгоцѣнныя завоеванія, но даже въ протестанскихъ странахъ успѣхи его пропоганды весьма и весьма чувствительны»... «Фактъ не подлежащій сомнѣнію, говорятъ они, что *клиръ и вѣрующіе міряне тѣснѣе сплотились вокругъ св. престола, послѣ того какъ онъ лишился своихъ временныхъ* (правительственныхъ) *полномочій* и совсѣхъ сторонъ подверглись нападенію его духовныя права. Semen Martirum, Semen christianorum!» (L. Tèste, Leon XIII, pag. 302). Да, враговъ у папства много, оно знаетъ ихъ силы и умѣло — расчитанно ведетъ борьбу, продолжая въ тоже время свои завоеванія на земномъ шарѣ вездѣ, гдѣ представляется возможность. Въ отношеніяхъ къ европейскимъ правительствамъ оно руководится такими началами: «неуступать ничего, но ничего не добиваться насильно,—если не хотятъ подчиняться его власти — не нужно, рѣшеніе дѣла, такой или иной исходъ можно предоставить времени и обстоятельствамъ, со всѣми жить въ мирѣ, ни во что не вмѣшиваться, но зорко слѣдить за всѣмъ и не опускать ни одного благопріятнаго момента». Такова исконная политика папства, но, повторяемъ, едва ли когда нибудь прежде она проводилась съ такой цѣльностью и полнотой, какъ теперь. Удивительно ли, что для сторонникъ наблюдателей такая политика представляется исполненной величайшихъ колебаній, противорѣчій, неясностей?... Въ отношеніяхъ къ тѣмъ

странамъ, которыя открыты для завоеваній папства, оно поступаетъ иначе: тутъ нещадятъ ничего, все пускаютъ въ ходъ, чтобы дѣлать больше и больше захватовъ, чтобы доставить величественному учрежденію Рима «Propaganda Fidei»—широкое, неизмѣримое поприще дѣятельности. Востокъ и славянскія земли въ этомъ случаѣ стоятъ на первомъ планѣ, и уже подготовлено и подготовляется все, что нужно для успѣха дѣла. Великаго, серьезнаго вниманія русскихъ людей заслуживаетъ этотъ вопросъ: обстоятельства такъ складываются, что *надеждамъ Рима на прочныя завоеванія въ славянскихъ земляхъ легко ссуществиться!* Впрочемъ, мы поговоримъ еще объ этомъ отдѣльно...

Вниманіе римской куріи не поглащается, однако, всецѣло дѣлами внѣшней политики. Папа Левъ XIII тотчасъ же по вступленіи на престолъ заявилъ намѣреніе произвести серьезныя преобразованія въ католическомъ духовенствѣ, чтобы имѣть въ немъ вполнѣ надежное орудіе для борьбы. Многаго ему пока не удалось сдѣлать, но онъ положилъ уже начало. Папской энцикликой «Aeterni Patris», отъ 4 августа 1879 г., разъясняющей высокое значеніе для католичества твореній Ѳомы Аквината, открыта «Римская Академія Св. Ѳомы Аквината», задача которой—давать высшее, насколько возможно совершеннѣйшее богословское образованіе, полагая въ основаніе его изученіе твореній этого богослова — отца и основоположника католическаго богословія и «Organon» Аристотеля. Энциклика такъ опредѣляетъ общее образовательное значеніе Ѳомы Аквината: «въ его ученіи объ истинныхъ качествахъ свободы, о божественномъ началѣ всякой власти, о законахъ и ихъ обязательной силѣ, о правосудіи, о послушаніи высшимъ властямъ, о милосердіи... заключается могучая, непреоборимая сила для низпроверженія всякихъ ложныхъ принциповъ» (Teste, Leon XIII, pag. 118). Задача томистской академіи не только педагогически-образовательная, но вмѣстѣ съ тѣмъ — строго научная. Она будетъ сосредоточивать и объединять въ себѣ труды другихъ богословскихъ академій, съ тою цѣлію, чтобы «реставрировать христіанскую философію» (схоластическую, на сколько въ основаніе ея полагаются доктрины Summa Summarum Ѳомы Аквината), будетъ слѣдить за лучшими современными работами по философскимъ вопросамъ и вообще за научнымъ движеніемъ во всѣхъ странахъ, издавать книги, журналы

и брошюры, давать ученыя степени за сочиненія по философско-богословскимъ вопросамъ. Академію составляютъ: высшій совѣтъ, члены и ученики. Въ первомъ находятся два кардинала (Рессі и Cigliara), секретарь и нѣсколько профессоровъ-членовъ. Члены избираются Совѣтомъ,—число ихъ должно быть не больше тридцати и распредѣляется такимъ образомъ: десять—изъ римскихъ ученыхъ, десять итальянцевъ изъ разныхъ городовъ Италіи и десять иностранцевъ. Каждые пятнадцать дней, за исключеніемъ лѣта, въ Академіи бываютъ собранія... Окончившіе курсъ въ Академіи получаютъ докторскій дипломъ, дающій право читать лекціи томистской философіи... Вообще, «Академія Ѳомы Аквината»—любимое дѣтище Льва XIII: на нее онъ не щадитъ ничего и съ величайшимъ вниманіемъ слѣдитъ за ея успѣхами. Въ настоящее время ей поручено огромное предпріятіе, на которое онъ пожертвовалъ 300,000 франковъ—полное, критическое и снабженное всевозможными комментаріями изданіе твореній того учителя-богослова, имя котораго она носитъ — Ѳомы Аквината. Нужно замѣтить, что самъ Левъ XIII считается замѣчательнымъ ученымъ и любитъ всей душой переноситься въ вѣка средневѣковой схоластики,—при этомъ, оригинальная черта: онъ любитъ и увлекается «Божественной Комедіей» Данте, изучилъ ее до такой степени, что знаетъ всю напзустъ и стоитъ прочитать какой нибудь стихъ — онъ напзустъ продолжаетъ чтеніе слѣдующихъ стиховъ, — папа въ XIX в. мечтающій воскресить средневѣковое папство—зачитывается Данте, тѣмъ Данте, который пропѣлъ лебединую пѣснь среднимъ вѣкамъ и на вѣки осудилъ папство какъ «власть уклонившуюся съ прямого пути, указаннаго ей Богомъ, какъ церковь для которой — la diritta via era smarrita» (Div. Comoed., 1-я пѣсн., стихъ 3)!

Почти одновременно съ этой академіей Левъ XIII основалъ другую—«историко-юридическую», въ которой изучаются слѣдующія науки: римское право, философія права, судопроизводство по римскому праву, право церковное, сравнительное гражданское законодательство, развитіе торговаго законодательства въ Италіи, священная и юридическая эпиграфика, топографія и памятники античнаго Рима, христіанскія древности, этрусское право сравнительно съ римскимъ правомъ и восточными установленіями и др. Своимъ высшимъ назначеніемъ эта академія имѣетъ,

какъ говоритъ авторъ, на котораго мы уже не разъ ссылались, «низводить питомцевъ томистской теологіи къ реальности политической жизни». Не правда ли, какъ мудро здѣсь все устроено и какъ прочно и широко поставлено?.. Кстати, вотъ примѣръ, наглядно показывающій величіе и блескъ современнаго папства. «18 апрѣля 1880 года въ Ватиканѣ происходилъ торжественный академически-полиглотическій сеансъ, на которомъ въ присутствіи священной коллегіи, генераловъ монашескихъ орденовъ, папскаго двора, епископовъ и прелатовъ и дипломатическаго корпуса—воспитанники общества Propaganda Fidei *читали на сорока девяти языкахъ* свои произведенія въ честь его святѣйшества. Нужна кисть искустнаго живописца, чтобы изобразить это блестящее собраніе, на которомъ слышались нарѣчія Европы, Африки, Америки, Азіи, Австраліи. Сорокъ девять языковъ! Знанія «Историко-юридической академіи» и «академіи св. Ѳомы» распространяются на столькихъ языкахъ»!.. (Teste, указ. соч., стр. 124—125).

На ряду со школами высшими и низшими (послѣднія составляютъ предметъ особенной заботливости папы, и напр. въ 1879 году въ одномъ Римѣ имъ основано 29 новыхъ училищъ) папа съ серьезнымъ вниманіемъ слѣдитъ за періодической печатью, справедливо признавая за нею «силу», съ которой нужно считаться. Римская курія имѣетъ уже нѣсколько своихъ журналовъ. При Піѣ IX ея оффиціальными органами были: «Osservatore Romano» (Римскій наблюдатель) и «Voce della Verità» (Гласъ истины),—Левъ XIII оставилъ за этими изданіями тоже значеніе и тотъ же характеръ, но успѣха они все-таки не имѣютъ. Основанъ былъ новый журналъ — «Aurora», который въ настоящее время считается ближайшимъ органомъ папы, но и этотъ журналъ до настоящаго времени не имѣетъ особенно большей распространенности. Гораздо большей извѣстностью пользуется Туринское изданіе «Unità Cattolica» (Католическое Единеніе), выходящее подъ редакціей аббата Марготти, одного изъ замѣчательнѣйшихъ полемистовъ въ Европѣ. Относительно популярности этого изданія достаточно сказать, что оно доставило папскому престолу *цѣлые милліоны* подаяній въ счетъ такъ называемой «Лепты св. Петра»... Въ настоящее время въ Римѣ задумывает-

ся новое колоссальное изданіе, въ форматѣ англійскаго «Times», разомъ на нѣсколькихъ языкахъ—на латинскомъ, итальянскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, испанскомъ и португальскомъ,—изданіе, которое должно сдѣлаться непосредственнымъ органомъ Ватикана и будетъ доступно всѣмъ католическимъ народамъ Стараго и Новаго Свѣта.

ОБЗОРЪ ЖУРНАЛОВЪ

(*Русская Рѣчь*, 1881, январь: «Религія въ народной школѣ». — *Русская Старина*, 1881, январь: «Записки сельскаго священника».—*Вѣстникъ Европы*, 1881, январь: «Малорусское слово»).

Обыкновенно у насъ всегда такъ бываетъ: какъ только встрѣтишь въ какомъ нибудь свѣтскомъ журналѣ статью о духовенствѣ или вообще о дѣлахъ духовныхъ, то уже заранѣе знаешь, что тутъ «бранятся», бранятся на чемъ свѣтъ стоитъ, особенно если статья значится за подписью какого нибудь завѣдомо либеральнаго писателя, изображающаго изъ себя высшую «интеллигентную единицу», мнящую быти «солью» родной земли... И ничто ужъ тутъ не принимается во вниманіе, забывается даже простая общежительная деликатность, — одно лишь всячески стараются такіе писатели прикрыть, припрятать, дальше какъ можно подальше, это—главную точку отправленія для ихъ мыслительной дѣятельности, для того умственнаго процесса, который происходитъ въ ихъ головѣ при «сочинительствѣ» статей о духовенствѣ...

Съ такими мыслями мы начали читать статью г. Евгенія Маркова: «Религія въ народной школѣ», помѣщенную въ январской книгѣ «Русской Рѣчи», и оказалось—нисколько не ошиблись. Г. Евг. Марковъ—публицистъ, пишущій «о всемъ», пишетъ о чемъ угодно, пишетъ и о «религіи», и тѣмъ скорѣе, слѣдовательно, нужно ожидать отъ него «обычнаго начала» для статей такого рода. Дѣйствительно, не угодно ли напр. русскому духовенству выслушать такую «русскую рѣчь» объ отношеніяхъ къ народной школѣ: «Мы конечно сами бы стояли, говоритъ г. Марковъ, за врученіе духовенству народной школы, если бы наше духовенство переродилось въ своихъ глубоко укорененныхъ свойствахъ, если бы вмѣсто жреца православнаго капища, унижонно звѣнящаго ко-

шелькомъ и жадно обирающаго пироги, мы вдругъ увидали бы просвѣщеннаго наставника народа въ благочестивой жизни и благочестивыхъ помыслахъ. Но не имѣя въ своихъ рукахъ возможности пересоздать существующія условія, мы можемъ обратиться къ тѣмъ молодымъ и новымъ силамъ общества, которыхъ будущее всецѣло зависитъ отъ насъ, которыя еще не успѣли укоренить въ себѣ никакихъ качествъ, препятствующихъ выполненію ими нравственно-воспитательныхъ цѣлей». Не правда ли, убѣдительно и сильно сказано?... А вотъ еще продолженіе той же самой рѣчи: «При настоящемъ положеніи, гоняясь за кусками и за гривенниками, т. е. за грубою и осязательною выгодою, оно (духовенство) упустило гораздо болѣе важныя и существенныя выгоды своего нравственнаго и общественнаго значенія въ ряду составныхъ силъ народа». «Нравственное вліяніе на школу правильно воспитаннаго учительскаго сословія вообще можетъ быть чище и безкорыстнѣе. Учитель, если онъ сколько нибудь честно исполняетъ свое дѣло, никогда не явится предъ дѣтьми, которыхъ онъ наставляетъ въ истинѣ, живымъ отрицаніемъ и опроверженіемъ этой самой истины, какимъ невольно является въ ихъ глазахъ проповѣдникъ, воздыхающій въ церкви о грѣхахъ міра, убѣждающій другихъ, что «не о хлѣбѣ единомъ будетъ живъ человѣкъ», и тутъ же, не выходя изъ церкви, на ихъ же глазахъ, жадно торгующійся за каждый лишній грошъ въ свою пользу, провозглашающій всею вообще жизнью одинъ грубый культъ мамоны».—Чего же, спрашивается, нужно этому господину, такъ отчетливо и развязно умѣющему высчитывать чужіе грѣхи и прегрѣшенія? А видите-ли, онъ надумался наконецъ, что «религія въ народной школѣ» (сирѣчь Законъ Божій)—одинъ изъ существенныхъ предметовъ, на примѣрѣ западно-европейской школы (не французской ли, относительно которой наши читатели могутъ получить нѣкоторыя свѣдѣнія изъ нашего обозрѣнія иностранной церковной жизни) убѣдился, что это именно такъ, и что въ рукахъ духовенства преподаваніе этого предмета оставлять нельзя (какъ можно, вѣдь теперь вездѣ на Западѣ духовныхъ повыгнали изъ школъ), собралъ все, что десятки-сотни разъ сообщалось о слабыхъ сторонахъ преподаванія у насъ Закона Божія, и вотъ выступаетъ съ проектомъ, сущность котораго сводится къ слѣдующему: «устроить учительскія семинаріи по образцу западно-евро-

пейскихъ и у насъ будутъ настоящіе руководители религіозно-нравственнаго воспитанія въ школѣ, потому что ихъ собственное религіозно-нравственное настроеніе будетъ гораздо жизненнѣе и плодотворнѣе теперешняго нашего духовенства»... И вотъ вамъ все—и точки отправленія для «сочинительской» мысли, создающей проектъ на пользу русской народной школы, и самый проектъ! Однако, читатель, все это до такой степени искусственно и фальшиво, что право не заслуживаетъ разбора и опроверженія: оно само себя уничтожаетъ, какъ всякая фантазія празднаго человѣка. Мы уже высказались относительно преподаванія Закона Божія въ народной школѣ («Стран.» 1880 г., сент.-окт.), остаемся при тѣхъ же мысляхъ и надѣемся, при случаѣ, развить и подтвердить ихъ новыми данными... Указывая на статью г. Евг. Маркова, мы хотѣли лишь привести любопытный образчикъ тѣхъ пріемовъ, какими руководятся въ толкахъ и сужденіяхъ о духовенствѣ и о народной школѣ наши, такъ называемые (на ихъ языкѣ), «либеральные» публицисты.

Подобнаго рода сужденія, какъ извѣстно нашимъ читателямъ («Стр.» 1880, № 9—10), заставили одного изъ сельскихъ священниковъ взяться за перо и повести свои «записки», которыя, рисуя фактически житье-бытье нашего приходскаго духовенства, служили бы живой отповѣдью на обвиненія, направленныя по адресу послѣдняго, и выясняли дѣйствительныя его нужды. «Записки сельскаго священника» печатались въ нѣсколькихъ книгахъ «Русской Старины» за минувшій годъ. Въ январской книгѣ настоящаго года записки продолжаются.

Между прочимъ, авторъ отвѣчаетъ одной газетѣ на вопросъ: «Отчего только православное духовенство нуждается въ обезпеченіи и улучшеніи быта, не смотря на господствующее свое положеніе? Почему нѣтъ у насъ вопросовъ объ улучшеніи быта ксензовъ, пасторовъ? Почему они не ропщутъ на свое положеніе?» Замѣтивъ прежде всего, что господствующее положеніе въ Россіи имѣетъ православная церковь, а не служители ея, «Записки» продолжаютъ: того, чѣмъ переполнена наша жизнь, ничего подобнаго у ксензовъ и пасторовъ нѣтъ. Не отрываемые отъ своихъ домашнихъ или кабинетныхъ занятій, при достаточ-

номъ матеріальномъ обезпеченіи, при участіи въ этомъ обезпеченіи начальства и при крайнемъ вымогательствѣ, они живутъ покойно и молчатъ. Въ нѣмецкихъ колоніяхъ нашихъ ксензы и пасторы получаютъ изъ управленія государственными имуществами почти такое же жалованье, какъ и мы, именно: ксензы по 171 р. 10 к., пасторы по 142 р. 90 к. въ годъ. Но въ саратовскихъ колоніяхъ, еще въ началѣ поселеній, контора иностранныхъ поселенцевъ распорядилась, чтобы и пасторы, и ксензы имѣли отъ общества хорошія квартиры, отопленіе, жалованье и зерновый хлѣбъ. Поэтому всякій ксензъ и пасторъ можетъ заниматься своими обязанностями безъотрывочно и вести себя съ достоинствомъ. Съ того времени и до сихъ поръ всѣ они обезпечены съ избыткомъ. Сами колонисты заняли лучшія мѣста по Волгѣ и близь нея. При всѣхъ удобствахъ и обиліи земли, они не платили никакихъ повинностей, — ни денежной и ни воинской, они жили и просвѣщали насъ: вырубали лѣса у сосѣдей— русскихъ мужичковъ, отхватывали пахатную землю, косили ихъ луга, и вытравливали своимъ скотомъ ихъ посѣвы, снимали у помѣщиковъ мукомольныя мельницы, строили свои, и грабили мужичка-помольца; поступали въ управляющіе имѣніями, арендовали имѣнія и свободные казенные земельные участки,—и мужика душили. При такомъ положеніи дать обезпеченное содержаніе ксензу или пастору для нихъ не стоило ничего. Однакожъ, не смотря на это, въ положеніи ксензовъ и пасторовъ принимала дѣятельное участіе контора иностранныхъ поселенцевъ: безъ полнаго обезпеченія духовенства не позволялось строить кирокъ и костеловъ; въ случаѣ неплатежа жалованья, или неисправнаго сбора хлѣба контора дѣлала распоряженія. Теперь, съ тѣхъ поръ какъ нѣмецкіе колонисты сравнены въ правахъ съ русскими, перемѣна въ ихъ быту страшная: купцы, ремесленники и промышленники остались тѣмъ же, чѣмъ они были, но крестьяне-земледѣльцы бѣднѣютъ съ каждымъ, кажется, днемъ. Колонисты-нѣмцы, какъ земледѣльцы,—народъ самый плохой. Если они не примутся за работу, какъ слѣдуетъ, то большая часть обѣднѣетъ очень скоро, и обѣднѣетъ хуже всякаго русскаго мужика. Тогда закричатъ и умники наши, — ксензы и пасторы, и закричатъ громче нашего. Теперь же пока, не смотря на свое обѣдненіе, духовенству они платятъ также, какъ и прежде. Платить вошло

уже у нихъ въ обычай; и вѣковые обычаи вѣками и уничтожаются, тѣмъ болѣе, что сами пасторы и ксензы поддерживаютъ свои доходы такими средствами, какихъ мы, православные, употреблять не можемъ. Авторъ приводитъ примѣръ: между двумя деревнями моего прихода — пишетъ онъ — Александровской и Владимірской, есть нѣмецкій поселокъ, дворовъ въ 15. Лѣтомъ 1880 г., по случаю бездождія, я молебствовалъ въ одной изъ своихъ деревень. Къ нашему молебну пришли всѣ нѣмцы-лютеране: мужчины, женщины и дѣти. Послѣ молебна мнѣ нужно было идти чрезъ нѣмецкую деревушку. Женщины и дѣвушки ушли отъ меня впередъ, сажень за 50, и тихонько запѣли. Я догналъ ихъ. Мужчины видятъ, что я слушаю пѣніе, обрадовались, ободрились, подошли къ женщинамъ и стали пѣть. Потомъ встали всѣ на колѣна и долго молились, поднявши руки къ верху. Я стоялъ безъ шляпы и смотрѣлъ. Послѣ молитвы всѣ они окружили меня и, со слезами на глазахъ, говорили мнѣ: «вы молитесь съ своими прихожанами, а нашъ пасторъ не ѣдетъ къ намъ вотъ уже три года. Чтобы пріѣхать, онъ проситъ съ насъ 15 р. А мы, вы знаете, люди бѣдные, гдѣ взять намъ 15 р.? Родятся ребята, умираютъ, никто не пріобщался уже три года, а нѣкоторые и больше,—а онъ не ѣдетъ, да и только»! Такого вымогательства въ русскомъ православномъ духовенствѣ вы не встрѣтите нигдѣ, въ этомъ мы ручаемся чѣмъ угодно! Безъ крещенія, молитвы, пріобщенія брошена цѣлая деревня,—и ничего, какъ будто такъ и быть должно. Про вымогательство пасторовъ и ксензовъ литература ни слова. Но сдѣлай что нибудь только подобное мы: не поѣзжай къ больному ночью въ слякоть, мятель, дождь, въ деревню, хоть только одинъ разъ, или спроси за поѣздку 10 коп.,—и завопятъ противъ насъ на всѣ голоса! Спроси мы, за поѣздку, за 15—20 верстъ, въ слякоть ночью, что у насъ не рѣдкость, 5—10 к., бѣда: всѣ закричатъ, что попы и жадны, и безсовѣстны, и проч.! Насъ зовутъ, и мы ѣздимъ всюду и во всякую погоду, безотговорочно, молча, не трубя про свои труды и лишенія. Какъ насъ не поноси общество, какія клички намъ ни давай, какіе анекдоты ни сочиняй про насъ, но кто всмотрится въ нашу жизнь безпристрастно, то увидитъ, что безкорыстнѣе большинства православнаго духовенства нѣтъ никого. Хвалить и защищать духовенство мнѣ рѣшительно нѣтъ

надобности. Я говорю только то, что есть на самомъ дѣлѣ и желалъ бы, чтобы мои слова были провѣрены тѣми, кого онѣ интересуютъ, особенно тѣми, кто видитъ въ насъ одно только дурное...

Но главнымъ образомъ «Записки сельскаго священника» въ напечатанныхъ теперь главахъ останавливаются на статьѣ о духовенствѣ, помѣщенной въ «Отечественныхъ запискахъ» лѣтомъ минувшаго года. «Не въ обиду будь сказано, замѣчаетъ авторъ: коль скоро не знаешь дѣла, за которое берешься, и въ добавокъ, пишешь пристрастно, то дѣло не пойдетъ на ладъ. Мы, однакожъ, совсѣмъ не противъ проектовъ: чѣмъ больше ихъ, тѣмъ лучше. Предъ отпускомъ крестьянъ на волю, я помню, чего-то не писалось! Проекты, обыкновенно, подобны неводу въ притчѣ Господней: тащи все, умные рыбаки хорошее возьмутъ, а негодное выкинутъ». На этотъ разъ оказывается, впрочемъ, что въ проектѣ трудно отыскать что-либо пригодное. Поговоривши о томъ, что «положеніе духовенства—не нормальное, мало того—развращающее» (sic), публицистъ распространяется о мѣрахъ къ улучшенію этого положенія и суть ихъ выражаетъ такъ: «пусть государство уничтожитъ духовенство, какъ касту, пусть уничтожитъ духовныя школы, и предоставитъ, какъ было въ древнее время, самому обществу пріисканіе священниковъ для себя, гдѣ и какъ оно знаетъ. Пусть само общество и приготовляетъ себѣ лицъ, пригодныхъ для священства, и само выбираетъ ихъ безъ всякаго вмѣшательства въ это дѣло высшаго духовенства. Въ настоящее время затрудненія въ этомъ рѣшительно нѣтъ никакого: тѣ же самыя учительскія семинаріи, которыя приготовляютъ теперь народныхъ учителей, будутъ приготовлять въ каждомъ народномъ учителѣ лицо, способное быть и священникомъ». Это такое же рѣшеніе вопроса, замѣчаетъ сельскій священникъ, какъ рѣшилъ одинъ ученикъ о грамматикахъ: нейдутъ грамматики въ голову,—«пожечь надо всѣ грамматики на свѣтѣ,—и дѣлу конецъ»! Порѣшить всѣхъ поповъ, и хлѣба просить не станутъ. Ни духовенство и ни школы его ничего кастоваго не составляютъ. Идите къ намъ и вы сами, и дѣти ваши, мы просили васъ уже не разъ. А это показываетъ, что касты мы не составляемъ; спеціальныя же школы необходимы. Направьте народъ и земства, чтобы они избирали изъ сельскихъ школъ

лучшихъ мальчиковъ и посылали ихъ учиться въ духовныя школы и семинаріи и потомъ просили ихъ къ себѣ идти во священники. Это право они имѣютъ, духовныя учебныя заведенія открыты для всѣхъ сословій. Тутъ явная выгода, въ религіозномъ отношеніи, будетъ та, что кандидаты на священническія должности основательнѣе изучатъ свою спеціальность и не будетъ той невозможной ломки, какая предлагается нѣкоторыми прожектерами. Убѣдите и гимназистовъ идти во священники. Отказа въ посвященіи не будетъ, если они будутъ найдены достойными. Но только знайте, что священники и изъ гимназистовъ, и изъ училищныхъ семинарій, и изъ крестьянъ, обучавшихся и въ духовныхъ семинаріяхъ, потребуютъ и себѣ и дѣтямъ такого же содержанія и человѣческихъ правъ, какъ желаемъ мы, а можетъ быть даже еще большаго.

На счетъ проекта предоставить самому обществу пріискивать священниковъ для себя, гдѣ и какъ оно знаетъ, «Записки сельскаго священника» говорятъ:

Чтобы быть компетентными судьями достоинствъ священника, избиратели должны стоять выше избираемаго и по религіозному образованію, и по нравственности. Въ обществѣ же, даже въ высшихъ его сферахъ, мы встрѣчаемъ очень рѣдко лицъ, имѣющихъ основательное богословское образованіе. Какъ только эти люди коснутся религіи, то видишь, почти всегда, полнѣйшее ихъ незнаніе ея. Видишь, что они никогда не изучали ея, не вдумывались въ нее, не знаютъ духа ея, не понимаютъ даже основъ ея. Познанія остальныхъ членовъ еще слабѣе. Естественно поэтому, что люди, имѣющіе поверхностныя познанія въ религіи, не могутъ быть его цѣнителями, а слѣдовательно и избирателями. Изъ кого это общество стало бы избирать въ свои религіозно-нравственные руководители? Изъ того же самаго общества, гдѣ основательнымъ изученіемъ богословской науки почти никто не занимается. Но еслибъ въ обществѣ было и болѣе людей, способныхъ быть священниками, чѣмъ теперь, то одни изъ нихъ не пошли бы на эту должность, при настоящей обстановкѣ священника, а другіе едва ли были бы избраны, хотя бы большинство и желало ихъ, потому что общественныхъ выборовъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, у насъ нѣтъ. На общественныхъ собраніяхъ лица избираются на общественныя должности и рѣшаются общественныя дѣла

совсѣмъ не обществомъ, а самымъ небольшимъ меньшинствомъ. Авторъ припоминаетъ при этомъ одинъ изъ многихъ случаевъ, которыхъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ земскимъ собраніемъ рѣшался одинъ, довольно серьезный вопросъ. Такъ выбирался бы и священникъ, еслибы выборъ его предоставленъ былъ обществу. О достоинствахъ, необходимыхъ для пастыря церкви, не было бы и рѣчи, какъ, зачастую, не бываетъ ея объ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ при выборѣ предсѣдателей земскихъ управъ и мировыхъ судей, за которыхъ часто весь ихъ вѣкъ работаютъ ихъ письмоводители. Нѣтъ сомнѣнія, что избранному изъ дворянъ дали бы изъ земскихъ суммъ приличное содержаніе; но что этотъ избранный не прочтетъ наизустъ безошибочно и десяти заповѣдей, такъ въ этомъ мы увѣрены, а о дальнѣйшихъ познаніяхъ въ религіи и говорить нечего. Авторъ записокъ беретъ затѣмъ въ образецъ сельскихъ волостныхъ старшинъ. Старшина есть начальникъ волости и избирается «общиной» — волостью. При учрежденіи волостей, конечно, предполагалось, что народу дана свобода дѣйствій,—ближайшаго начальника крестьяне избирать будутъ изъ себя самихъ, человѣка изъ той же «общины» и во все время службы состоящаго въ той же общинѣ,— именно такъ, какъ желаетъ хроникеръ выбирать священниковъ. Предполагалось, конечно, также, что избираемы будутъ люди и по умственному, и по нравственному состоянію стоящіе выше другихъ и будутъ употреблять всѣ силы о благосостояніи общества; но такъ ли вышло? Въ старшины попадаетъ или выжига, или богатый мужикъ, — старшинъ только два сорта, въ этомъ повѣрьте намъ. О нравственныхъ и умственныхъ достоинствахъ не бываетъ и рѣчи. Я однажды, вскорѣ по закрытіи окружныхъ правленій, спрашиваю крестьянина: ну что, теперь окружныхъ начальниковъ у васъ нѣтъ, управляетесь своимъ братомъ-крестьяниномъ же; конечно, лучше стало? «Нѣтъ, батюшка, много хуже: тѣ брали сотнями, а нашъ-то братъ и сотни-то беретъ, да и двугривеннымъ не брезгуетъ». Кромѣ взятокъ, предъ нашими глазами безпрестанно какъ издѣваются, какъ безсовѣстно они ведутъ себя передъ крестьянами! Заботится ли общество объ обезпеченіи въ содержаніи избраннаго имъ старшины? Ни мало. Онъ заботится самъ о себѣ: соберутся съ крестьянъ деньги, возьметъ съ писаремъ свое жалованье, а казенное останется въ не-

допжкахъ; при каждомъ удобномъ случаѣ сдеретъ и съ праваго, и съ виноватаго,—и все тутъ. «Считаетъ ли общество своею обязанностію защищать его»? Попался въ бѣду — и идетъ подъ судъ, а избиратели его хохочутъ. Такъ было бы и съ выбраннымъ священникомъ. Такимъ образомъ все, что говорятъ объ общинѣ, о выборѣ, о защитѣ и пр., есть чистѣйшая утопія.

Какъ мы съ своей стороны судимъ о церковно-приходскомъ вопросѣ, о томъ, читатель, вы уже знаете: мы посвятили этому вопросу особую статью въ настоящей книгѣ. Рѣчи «Отечественныхъ Записокъ» о положеніи русскаго духовенства и проектъ ихъ, въ которомъ есть все,—и приходы, и школа, и избиратели, и избираемые, контроль и жалованье, — и который въ концѣ концовъ направленъ къ устраненію отъ духовнаго званія наличнаго состава, въ свое время также былъ разсмотрѣнъ нами («Странникъ», 1880, первая книга, изд. новою редакціей). Между прочимъ, мы говорили тогда о совершенной ложности того мнѣнія, будто кастовый характеръ сословія опредѣляется исключительно его личнымъ составомъ, родовою преемственностью занятій. Не въ томъ суть дѣла, что по извѣстной профессіи выдерживается преемство внѣшнее, а въ преемствѣ тона и духа, который проходитъ въ дѣятельности и который, при извѣстной степени замкнутости, будетъ искать опредѣленій уже только въ себѣ и для себя, сдѣлаетъ изъ себя касту и будетъ для другихъ чуждымъ, мертвящимъ духомъ. Подобный духъ себя уже не уравновѣшиваетъ, ничего не беретъ отвнѣ и ничего не даетъ: онъ погрузился въ свою нирвану, а для другихъ пропалъ. Каста—не человѣкъ или сословіе, каста—идея, и только черезъ идею человѣкъ—каста. Съ этой точки зрѣнія и все русское образованное общество до самаго послѣдняго времени было кастой. Съ этой точки зрѣнія на касту оказывается, что не духовенство только страдаетъ отъ такого недуга, а и многіе въ немъ повинны, и эти другіе, быть можетъ, больше, чѣмъ духовенство, и что причинъ замкнутаго положенія духовенства нужно искать въ томъ обстоятельствѣ, что въ теченіе столѣтій только оно одно—и неизбѣжно преемственно — и служило народу, только оно одно съ нимъ все это время и оставалось, не находя для себя лично ни поддержки сверху, ни смѣны со стороны, и благодаря этому неизбѣжно однообразясь. Нужно такимъ образомъ заботиться не

о томъ только, чтобы человѣкъ, не былъ кастой, а чтобы и относительная идея не представляла изъ себя касты, а входила, какъ часть, въ идеи порядка высшаго и ими оплодотворялась, и въ нихъ саму себя раскрывала. Смотря такъ на дѣло, мы сказали и говоримъ, что одной подробности нельзя и не слѣдуетъ избѣгать при построеніи какихъ-либо проектовъ о постановкѣ за-ново духовенства,—это чтобы духовенство было *сословіемъ*, въ смыслѣ карпоративномъ. Говоримъ — нельзя, потому что лица, ведущія одну дѣятельность, вопреки всякимъ теоріямъ, всегда и неизбѣжно будутъ тяготѣть другъ къ другу, отыскивая во взаимномъ общеніи не только нравственное удовлетвореніе своимъ личнымъ особенностямъ, неизбѣжно налагаемымъ каждымъ спеціально опредѣлившимся дѣломъ, но и поддержку при рѣшеніи вопросовъ общаго профессіональнаго порядка. Такъ дѣло ведется во всѣхъ сословіяхъ, корпораціяхъ, такъ дѣлается «на міру»,—нельзя отказать въ томъ же и духовенству. Прибавимъ къ этому, что и не слѣдуетъ отказывать, ибо не было бы въ подобномъ отказѣ никакого смысла. Достоинство каждой корпораціи опредѣляется не степенью разрозненности ея членовъ, а скорѣе качествомъ ея общности — и значимостью ея для другихъ сторонъ жизни. Въ томъ-то вѣдь и смыслъ корпораціи, что, осуществляя въ наиболѣе простой формѣ идею самопомощи, она въ тоже время придаетъ дѣлу стройность строго выдержаннаго преданія, устраняетъ разбросанность, ведетъ дѣятельность, при всѣхъ частныхъ разнообразіяхъ, идейно — единую. Дѣло *церкви* больше, чѣмъ какое другое, предполагаетъ такое единство, и въ этомъ, быть можетъ, наилучшее оправданіе наличныхъ церковныхъ порядковъ. Но нужно устроить такъ, чтобы каждое подобное сословіе служило для общества, жило и проникалось имъ, и, выдерживая до конца основную «свою мысль», ни на минуту не забывало, что и самая идея, которую оно носитъ, есть только средство къ раскрытію и оплодотворенію общей жизни, часть которой и оно представляетъ. Соглашаясь съ публицистомъ «Отеч. Записокъ» въ томъ, что самое вѣрное средство реформировать какой бы то ни было общественный институтъ (сословіе или что) это — реформировать школу, мы замѣтили ему далѣе, что подобныя реформы не должны начинаться именно съ духовенства и еще менѣе имъ исключительно ограничиваться: именно духовенство если не по школѣ,

которая представляетъ весьма много существенныхъ недостатковъ, то по коррективу живой жизни ближе другихъ сословій стоитъ къ народу и по одному уже этому менѣе представляетъ касту, чѣмъ нѣкоторыя другія сословія. Нужно шире распространить самый терминъ касты и шире, жизненнѣе поставить поэтому и принципъ школы. А такимъ жизненнымъ, основнымъ принципомъ, на нашъ взглядъ, можетъ быть только одинъ: каждый русскій мальчикъ долженъ и въ школѣ ставиться русскимъ мальчикомъ, чтобы быть потомъ русскимъ юношей, а послѣ того русскимъ мужемъ-дѣятелемъ на какомъ угодно житейскомъ поприщѣ. Нужно, чтобы токъ народнаго начала, всѣ типовыя особенности великаго народнаго духа проникали мальчика съ первыхъ же шаговъ его школьной жизни, чтобы съ этимъ основнымъ закаломъ провести его и по всѣмъ дальнѣйшимъ книжнымъ и ученымъ лабиринтамъ, не исключая и школъ «профессіональныхъ и спеціальныхъ»: и тѣ и другія нужны Россіи, но русскіе люди и еще того нужнѣе. Нужно, чтобы каждый русскій дѣятель—съ величайшаго государственнаго сановника до самаго маленькаго человѣка, и съ еле грамотнаго мальчугана до совершенно исключительнаго спеціалиста, въ каждой фибрѣ своего существа чувствовалъ себя *неразрывно связаннымъ* съ общимъ духомъ народа, съ его святыней, съ жизнію этого духа, чтобы и самъ онъ чувствовалъ себя только частичкою этого духа. А осуществить подобное начало можно, по нашему мнѣнію, только однимъ путемъ; это создать на самыхъ широкихъ основаніяхъ народную школу, и проводить черезъ эту школу каждаго русскаго мальчика, не разбирая ни сословій, ни положеній, такъ чтобы не книга только учила, а и Божія жизнь дѣтское сердце учила. Безъ этого, объясните пожалуйста, какое общее начало и какой «принципіальный» смыслъ имѣютъ и всѣ наши гимназіи, прогимназіи, семинаріи, институты и пр.? Гдѣ у нихъ общій корень и въ чемъ ихъ общая цѣль? И не отсутствіемъ ли этого «корневаго» начала объясняется постоянная ломка въ нашей педагогической «системѣ», постоянныя коррективы къ уставу безъ начала и безъ конца, не эта ли *относительность* смысла всѣхъ нашихъ «заведеній» производитъ то, что каждое изъ нихъ не имѣетъ за душей ничего, кромѣ архивныхъ преданій, а вообще всѣ не имѣютъ между собой связи, и ни одно изъ нихъ не увѣрено въ своей прочности, ибо что

было вчера, то можетъ быть почеркнуто завтра, и всегда по мотиву столь же основательному, сколько и тотъ, по которому она сразу была задумана? Да и наконецъ, существуетъ ли у насъ *школа, просто русская школа, основная ячейка школы?* Отвѣтьте, если можете. «Народная» школа? Но у насъ нѣтъ народной школы, а есть только *крестьянская*, какъ правовѣденіе—для «правовѣдовъ», гимназія—«для дворянъ», а для поповича — семинарія. Гдѣ же народъ-то учится, мы-то, вообще русскіе люди? И еще бы не было касты,—да гдѣ тутъ только нѣтъ касты и кто—не каста? Такъ вотъ съ этого-то общаго и слѣдуетъ начать: это-то и будетъ наша основная идея, общая для всѣхъ святыня, которая соединитъ подъ собою всѣхъ и покроетъ собою все. А отъ основной идеи пойдутъ идеи и относительныя, и общая школа дастъ много частныхъ и частнѣйшихъ, среднихъ и высшихъ, съ великимъ множествомъ развѣтвленій, какъ велики мы сами—народъ русскій, и по такимъ широкимъ программамъ, которыя, быть можетъ, теперь и не грезятся никому. Будутъ всѣ *нужныя* школы, неизбѣжно будутъ и школы духовныя, но поступитъ въ нихъ тотъ, кто захочетъ и сможетъ туда поступить, не разбирая сословности, и встрѣтится тамъ съ такими же, желающими учиться Божіей истинѣ, какъ и онъ самъ, на пользу народа, къ которому уже онъ приникъ духомъ.

А пока что, читатель, духовенство не хуже другихъ сословій, а работаетъ оно на пользу народа и неизмѣримо больше, чѣмъ другія некастовыя сословія.

Въ январской книгѣ «Вѣстника Европы» отмѣтимъ статью Н. И. Костомарова: «Малорусское слово». Въ виду пересмотра законовъ о печати, предпринятаго правительствомъ въ настоящее время, означенная статья обращаетъ вниманіе на тѣ ограниченія въ печати, какія лежатъ съ недавней поры на малорусскомъ нарѣчіи. Авторъ приводитъ рядъ соображеній, показывающихъ необходимость отмѣны стѣснительныхъ мѣръ по отношенію къ малорусской рѣчи въ печати. Эти мѣры оставляютъ нежелательныя вліянія въ литературѣ, наукѣ и интелигентномъ обществѣ; онѣ сказываются неблагопріятными послѣдствіями и среди простаго сельскаго народа, говорящаго малорусскимъ нарѣчіемъ. Между

прочимъ на народѣ вредно отражаются ограниченія малорусскаго нарѣчія въ церковномъ поученіи.

Читать проповѣди на малорусскомъ нарѣчіи въ церквахъ священникамъ не дозволяется, говоритъ авторъ. Прежде, еще недавно, читались такія проповѣди, и особенно поученія отца Гречулевича пользовались большимъ вниманіемъ народа. Между тѣмъ... въ послѣднее время вездѣ малороссами, какъ замѣчаютъ многіе, распространяется отчужденіе отъ церкви, холодность въ отношеніи къ духовенству, внѣдряется какой-то житейскій, практическій индиферентизмъ, испаряется та поэзія, которая такъ была присуща малорусскому племени, начинаетъ царить какая-то пошлость, мелкость, мертвенность. Только духовенство своимъ вліяніемъ могло бы одухотворить народъ снова, поддерживать въ немъ вѣру, сообщать ему дары свѣта, а для этого нужно поставить духовныхъ въ безпрепятственную возможность говорить къ народу въ церкви понятнымъ для народа языкомъ. Сверхъ того, въ малорусскомъ народѣ завелось и распространяется противное православію ученіе, извѣстное подъ названіемъ «штунды». Это секта христіанско-раціональная, одна изъ тѣхъ, которыя, признавая св. Писаніе за основу вѣры, толкуютъ его посвоему такъ, что отвергаютъ обрядность и весь іерархическій строй вселенской церкви со всѣми ея преданіями... Главнымъ поводомъ ко вступленію въ штунду составляетъ у малороссовъ нерасположеніе къ своему духовенству за то, что оно, какъ укоряютъ его сектанты, вовсе не поучаетъ народъ, а ограничивается исполненіемъ обрядовъ, заботясь болѣе всего собирать за нихъ для себя съ народа деньги. Чтеніе св. Писанія составляетъ у сектантовъ единственное благочестивое упражненіе, и къ нимъ изъ-за границы контрабаднымъ способомъ привозятся экземпляры перевода Новаго Завѣта, напечатанные въ Галичинѣ на малорусскомъ нарѣчіи. Мѣстныя власти преслѣдуютъ штундистовъ и надѣются, какъ кажется, искоренить ихъ полицейскими мѣрами, что, какъ говорятъ, не вполнѣ удается, такъ какъ секта растетъ все шире и шире. Были бы дѣйствительнѣе средства чисто духовныя. Переводить Новый Завѣтъ на малорусское нарѣчіе не дозволяется, а между тѣмъ въ Малороссію проникаетъ переводъ, составленный въ чужомъ государствѣ, и притомъ пріобрѣтается болѣе сектантами, отчего послѣдніе получаютъ возможность луч-

ше безграмотныхъ православныхъ мужиковъ имѣть свѣдѣнія въ вѣрѣ и чрезъ то удобнѣе могутъ распространять свое ученіе, сманивая православныхъ. Не лучше ли, еслибъ Св. Синодъ разрѣшилъ употребленіе въ народѣ такого малорусскаго перевода Новаго Завѣта, который былъ бы одобренъ Св. Синодомъ и распространялся чрезъ духовныхъ пастырей, чѣмъ допускать, мимо воли властей, проникать иному переводу изъ Галичины и притомъ исключительно для пользы сектантовъ въ ущербъ православію? Равнымъ образомъ было бы полезно, въ тѣхъ же видахъ сохраненія православной церкви отъ штунды, чтобы духовные пастыри дѣйствовали противъ распространенія внѣдряющейся секты поученіями, составленными рѣчью, вполнѣ понятною для прихожанъ...»

Такъ ставитъ вопросъ о малорусскомъ нарѣчіи въ отношеніи къ штундизму статья «Вѣстника Европы». Но мѣстные интеллигентные люди не всѣ такъ думаютъ объ этомъ вопросѣ. Появившаяся на-дняхъ въ «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» статья по этому предмету утверждаетъ, что какъ самое возникновеніе штундизма въ южныхъ епархіяхъ ни въ какомъ отношеніи не обусловливалось запущенностію или запретностію малорусскаго нарѣчія, такъ и ослабленіе его нисколько не обусловилось бы широкимъ просторомъ для этого послѣдняго. Говорятъ, что штундизмъ не возникъ бы, не достигъ бы такой силы, если бы приходское духовенство поучало народъ на понятномъ ему языкѣ, но забываютъ, что многочисленныя секты возникали тогда и тамъ, гдѣ духовенство говорило, и большею частію говоритъ совершенно такъ, какъ говоритъ народъ со всѣми оттѣнками мѣстныхъ говоровъ его. При томъ же утвержденіе, будто сельскіе священники въ южныхъ епархіяхъ, напр. Кіевской, не учатъ народъ на украинскомъ нарѣчіи — ложное утвержденіе. Чаще всего, обыковеннѣе всего наши сельскіе священники говорятъ съ своими сельскими прихожанами именно на ихъ привычномъ мѣстномъ нарѣчіи, украинскомъ, говорятъ при всѣхъ случаяхъ обыденныхъ сношеній, при всѣхъ объясненіяхъ по поводу требоисправленій и т. д. Скажутъ намъ, продолжаетъ газета, что бесѣда съ народомъ на его мѣстномъ нарѣчіи въ обыденной жизни недостаточна; надобно, чтобы священники бесѣдовали съ нимъ на этомъ нарѣчіи и тогда, когда говорятъ о предметахъ вѣры,

когда наставляютъ ихъ въ вѣрѣ. Но здѣсь мы прежде всего попросимъ обратить вниманіе на одинъ родъ духовно-учительныхъ бесѣдъ сельскихъ пастырей съ ихъ прихожанами: это *бесѣды во время исповѣди*. Многіе изъ свѣтскаго образованнаго общества, быть можетъ, не имѣютъ представленія о значеніи этихъ бесѣдъ. А между тѣмъ оно велико. Народъ нашъ вообще набоженъ, исповѣдь для него дѣло святое. Здѣсь вѣрующій поселянинъ открываетъ свое сердце, таинники своей души, ея скорби и тревоги. А потому и то, что говорится ему здѣсь исповѣдующимъ его пастыремъ идетъ къ его сердцу, ложится на душу. Лучшіе изъ сельскихъ пастырей имѣютъ добрый, согласный съ уставомъ церкви, обычай сопровождать исповѣдную бесѣду съ прихожанами наставленіями, внушеніями, совѣтами по поводу открываемыхъ имъ исповѣдующимися слабостей, грѣховъ, печалей и тревогъ душевныхъ. У другихъ подобныя наставленія дѣлаются, быть можетъ, заурядно, механически, холодно, что, конечно, достойно сожалѣнія, но холодность говорящаго согрѣвается теплотой набожнаго настроенія слушающаго. Но какъ бы то ни было, важно для насъ здѣсь собственно то, что исповѣдь покаянія, при своемъ значеніи, какъ таинства, даетъ еще мѣсто духовно-учительнымъ бесѣдамъ пастырей съ прихожанами, бесѣдамъ самаго, такъ сказать, интимнаго свойства, имѣющимъ хотя и незримое, но важное религіозно-воспитательное значеніе. На какомъ же языкѣ бесѣдуютъ сельскіе священники съ прихожанами во время исповѣди? На томъ же, на какомъ и всегда бесѣдуютъ съ ними, т. е. на языкѣ или нарѣчіи мѣстномъ народномъ. А если такъ, то уже не вѣрно то, будто нашъ южно-русскій народъ не слышитъ религіозныхъ наставленій на своемъ родномъ нарѣчіи, будто отъ этого онъ чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ, и ищетъ религіозно-воспитательныхъ вліяній въ сторонѣ отъ церкви и священниковъ, напр. въ сектантскомъ учительствѣ штунды. Что касается затѣмъ проповѣдей на малорусскомъ нарѣчіи, то есть, вѣроятно, и теперь священники, говорящіе поученія по малорусски. Но вообще они предпочитаютъ говорить на общерусскомъ языкѣ, — и это не по какому либо внѣшнему запрету на малорусскую рѣчь, а по убѣжденію, что здѣсь можно обойтись и безъ нея, что общерусская рѣчь для проповѣди даже удобнѣе малорусской. Понятность, степень вліянія церковной проповѣди

весьма мало могутъ зависѣть отъ того, говорится ли она на малорусскомъ или общерусскомъ языкѣ. Несравненно важнѣе здѣсь другія условія, въ объясненіе которыхъ входить впрочемъ не станемъ, но которыя, полагаемъ, довольно ясны и для самаго сельскаго духовенства. Вмѣсто всякихъ разсужденій припомнимъ хорошо извѣстный намъ примѣръ двухъ священниковъ-проповѣдниковъ въ сосѣднихъ сельскихъ приходахъ, впрочемъ не въ Малороссіи, а Бѣлоруссіи. Одинъ изъ нихъ усердствовалъ говорить проповѣди на мѣстномъ бѣлорусскомъ нарѣчіи и былъ неистощимъ въ этомъ подвигѣ. Другой говорилъ на обще-русскомъ языкѣ, только не по книжному, безъ школьной схоластики, а просто, конечно также и правильно. Послѣдній былъ гораздо болѣе слушанъ и понимаемъ народомъ, чѣмъ первый. Совершенно тоже было бы и въ Малороссіи. Не только позволительно, но и полезно сельскому священнику обращаться къ живой малорусской рѣчи для поясненій того, что въ его проповѣди можетъ казаться непонятнымъ; но господствующимъ языкомъ проповѣди долженъ быть также живой, родной, но имѣющій гораздо большую жизненную область обще-русскій языкъ. Проповѣдь не то, что частная бесѣда священника съ прихожаниномъ, хотя бы то и бесѣда на исповѣди. Проповѣдь должна имѣть общеобразующее христіанское вліяніе, расширяющее и возвышающее общій уровень религіознаго созерцанія и пониманія народа, а для этого она найдетъ болѣе сильное орудіе въ простой, обще-русской рѣчи, чѣмъ въ областномъ нарѣчіи, замкнутомъ въ тѣсныя рамки простонароднаго кругозора, не смотря даже на существованіе изящныхъ произведеній на этомъ нарѣчіи. Идя далѣе, мы утверждаемъ, что нѣтъ также надобности пропагандировать въ народѣ Евангеліе и другія священныя книги на малорусскомъ нарѣчіи. Евангеліе въ томъ и настолько, въ чемъ и насколько оно понятно народу,—понятно для него въ русскомъ переводѣ. Малорусскій переводъ развѣ на весьма и весьма слабую долю прибавитъ этой понятности, такъ слабую, что изъ-за нея не для чего и хлопотать объ этомъ, тѣмъ болѣе, что этотъ недостатокъ понятности, на сколько онъ зависитъ именно отъ языка, можетъ быть устраненъ объясненіями. Обращаясь здѣсь къ штундистамъ, укажемъ на тотъ не безъизвѣстный фактъ, что они читаютъ Евангеліе на русскомъ языкѣ, по синодальному изданію, и вовсе не чуждаются

этого изданія. Если они въ томъ или другомъ отношеніи неправильно толкуютъ Евангеліе, то отнюдь не потому, что не понимаютъ языка Евангелія. Тоже они будутъ дѣлать и съ Евангеліемъ на малорусскомъ языкѣ. Говорятъ, будто штундисты добываютъ себѣ Евангеліе на малорусскомъ языкѣ изъ сосѣдней Галиціи. Любопытно было бы провѣрить этотъ фактъ во всѣхъ обстоятельствахъ его условившихъ. Мы лично, сколько ни распрашивали объ этомъ, не могли дознаться о дѣлѣ настолько, чтобы убѣдиться, что это обращеніе за малорусскими изданіями въ Галицію исходитъ изъ неудовлетворенности русскимъ изданіемъ Евангелія, что оно можетъ даже принадлежать свободному почину самихъ штундистовъ. Кромѣ Евангелія и священныхъ книгъ есть у штундистовъ и другія книжки и брошюры религіозно-нравственнаго содержанія, также духовные стихи и пѣсни. Нѣкоторую коллекцію ихъ намъ приходилось разсматривать. Всѣ они — не на малорусскомъ, а на русскомъ языкѣ, и получены большею частію отъ агентовъ изъ С.-Петербурга, составляя изданіе тамошнихъ протестантствующихъ кружковъ. Говорятъ, что штундисты отнюдь не брезгаютъ этими изданіями, хотя это и не малорусскія изданія. Даже молятся штундисты, какъ сказывали намъ, не по малорусски, а по русски или по славянски. Есть у насъ и образцы переписки штундистовъ между собою. Переписываются они опять не по малорусски, а по русски. Только разговариваютъ они между собою, конечно, по народному, по малорусски. Такимъ образомъ все то, что недавно стали говорить въ печати по поводу предполагаемой связи возникновенія и развитія штундизма съ запретностію или запущенностію малорусскаго языка, имѣетъ характеръ общихъ, чисто теоретическихъ сужденій.

НОВЫЯ КНИГИ.

Н. Барсуковъ. Русскіе палеологи сороковыхъ годовъ. Спб. 1880.

Г. Барсуковъ извѣстенъ уже, какъ авторъ тщательно составленнаго труда о Строевѣ, одномъ изъ ветерановъ русской исторической археологіи,—настоящую книжку онъ посвящаетъ также археологамъ, притомъ, одной школы съ Строевымъ, жившимъ и дѣйствовавшимъ одновременно съ нимъ и такимъ же неутомимымъ и честнымъ труженникамъ, какъ и Строевъ. О П. М. Строевѣ мы имѣли случай въ свое время сказать, что «его дѣятельность была самая скромная, не представляющая ничего рѣзко выдающагося, ничего поражающаго или привлекающаго общее вниманіе: вся она протекла въ архивахъ и библіотекахъ, надъ массою рукописей и старыхъ книгъ, въ разборѣ и приведеніи въ извѣстность стариннаго рукописнаго богатства... Но результаты этой мало привлекательной дѣятельности таковы, что всѣ лучшія явленія въ нашей исторической наукѣ послѣдняго времени прямо или косвенно, болѣе или менѣе находятся въ связи съ нею» (см. нашу статью въ «Христ. Чт.» 1879 г., № 3—4, стр. 522—523). Почти тоже самое слѣдуетъ сказать и о тѣхъ ученыхъ труженникахъ, характерная и любопытная переписка которыхъ приведена въ книгѣ г. Барсукова: о Кубаревѣ, Сахаровѣ, Ундольскомъ и Бодянскомъ. Все это, за исключеніемъ развѣ Бодянскаго, люди маленькіе, невидные, ничѣмъ не выставлявшіеся на показъ, «степеней—чиновъ» ученыхъ съ дипломами на *казенное* положеніе въ *русской наукѣ* не искавшіе. Зналъ ли ихъ кто нибудь при жизни, болѣлъ ли ихъ горемъ, волновался ли ихъ радостями? По всей вѣроятности, одна лишь ихъ собственная «грудь да подоплека» знала ихъ и помогала имъ

безропотно нести взятый на себя трудъ, при общемъ непониманіи и невниманіи къ нему, при холодно-безсердечномъ равнодушіи даже тѣхъ, которые жили и создавали себѣ «призрачную» извѣстность на счетъ ихъ, хотя бы и крохотныхъ пріобрѣтеній. Оно всегда такъ бываетъ, какъ въ людскомъ мірѣ вообще, такъ и въ частности у людей книжныхъ—ученыхъ: живущихъ на счетъ чужаго труда, обыкновенно, всегда бываетъ больше...

Да, невидные, маленькіе люди, а между тѣмъ *стояли за настоящимъ русскимъ дѣломъ и отдавались ему всецѣло, насколько хватало силъ и средствъ*: изучали народъ, русскій народъ, въ его историческомъ прошломъ и въ настоящемъ. И какія же любопытныя, вѣрнѣе, строго поучительныя черты представляетъ характеристика ихъ личностей и ихъ интересовъ, даже при очевидной недостаточности и неполнотѣ матеріала (въ книгѣ г. Барсукова приведено всего 49 писемъ)? Сколько мыслей, вызывающихъ на серьезное раздумье, пробуждается ими? Попробуемъ указать кое-что...

Прежде всего, по своему роду-племени, всѣ они лица духовныя—поповичи. А. М. Кубаревъ—сынъ священника св. Троицы на Листахъ, близъ Сухаревой башни; Сахаровъ—сынъ священника изъ Тулы; Ундольскій и Бодянскій—также семинаристы—поповичи. Всѣ они начали семинаріей, ее прошли и разошлись въ разныя стороны: одинъ дѣлается «любимымъ ученикомъ Геттингенскаго (профессора) Гейне» и занимаетъ каѳедру латинскаго языка въ университетѣ (Кубаревъ), другой—лекаремъ (Сахаровъ), третій—оканчиваетъ курсъ Московской академіи и остается «безъ опредѣленныхъ занятій» (Ундольскій) и только одинъ прямо со школьной скамьи готовится взяться за то дѣло, которому потомъ посвящаетъ всю жизнь, запасаясь всѣмъ, что для этого полезно и нужно (Бодянскій). Какъ ни странно подобное, установляемое этимъ фактомъ, отношеніе школы къ жизни, къ призванію и къ дарованіямъ человѣка, но оно въ порядкѣ вещей: готовится человѣкъ лекаремъ быть и все для сего нужное проходитъ и изучаетъ, а смотришь изъ него выходитъ авторъ «Сказаній Русскаго народа» или авторъ «Толковаго словаря Русскаго народа» (В. И. Даль), готовится инженеромъ быть, а выходитъ... Ѳ. М. Достоевскій. Что же значитъ это, отчего зависитъ эта «неудачность» русскихъ людей въ выборѣ той или другой школы,—от-

цы, матери — кто виноватъ? А Богъ вѣсть, кто виноватъ, скажете вы, — можетъ быть, оно такъ на роду написано русскимъ людямъ. Да, можетъ быть, хотя крайне прискорбно согласиться съ этимъ. На примѣрѣ Бодянскаго, напр., можно видѣть, что вышло бы и изъ его товарищей по занятіямъ, еслибы они не оказались «неудачниками» въ выборѣ школьной спеціальности, еслибы не приходилось имъ ощупью пробираться къ тому, что всего сроднѣе было ихъ дарованіямъ и наклонностямъ. Но, вѣроятно, такъ ужъ быть должно... Не менѣе любопытна подробность, указывающая вліянія, пробудившія въ этихъ людяхъ ихъ господствующія наклонности и самый характеръ ихъ наклонностей. «Разъ какъ-то, пишетъ Сахаровъ, былъ я въ бесѣдѣ (еще во время семинарскаго курса), гдѣ два чужеземца увѣряли русскихъ, что у нихъ нѣтъ своей исторіи»,—это оскорбляетъ его, онъ берется за исторію Карамзина, читаетъ и перечитываетъ, и «здѣсь-то, говоритъ онъ, узналъ я родину и научился любить русскую землю и уважать русскихъ людей», а въ Тульской Казанской церкви, построенной въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, «узналъ, что такое древности»... Два иностранца, незнающіе, что у русскихъ «есть исторія» и заставляющіе русскаго школьника самому доискиваться—«есть ли у русскихъ исторія»?—Какая же злостная иронія надъ школой пробивается во всемъ этомъ! *Два иностранца...* А еслибы ихъ не было, тогда что? ждать случая, который замѣнилъ бы ихъ отсутствіе!!! думаемъ, что такъ—ничего больше. Къ счастію, русскому человѣку есть гдѣ и есть чѣмъ насытить свою душу, лишь бы только окончательно не заглохли въ ней родныя основы, лишь бы хотя искра Божьей жизни теплилась въ ней. Вотъ что разсказываетъ Сахаровъ о себѣ: «Ходя по селамъ и деревнямъ (еще до поступленія въ университетъ) я вглядывался во всѣ сословія, прислушивался къ чудной русской рѣчи, собиралъ преданія и не вѣрилъ своимъ глазамъ: тотъ ли это историческій народъ, котораго дерзаютъ презирать заморскіе бродяги (мѣтко и сильно сказано!)». «Непостижимо громадная русская жизнь, продолжаетъ онъ, непостижимо разнообразная во всѣхъ своихъ явленіяхъ раскрылась предо мною въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Во Владимірѣ, Ростовѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ она уже удивляла меня болѣе; въ ея гигантскихъ размѣрахъ я уже видѣлъ исполина не-

сокрушимаго никакими переворотами. И этого русскаго человѣка, стараго обитателя Европы, учившагося уму разуму въ Царьградѣ, съ XI вѣка имѣвшаго свою тысячелѣтнюю грамоту, *вздумали безродные бродяги переучивать по своему, перевоспитывать на свой ладъ*... Они начали съ того, что тысячами навязали намъ всѣ существовавшія ереси, съ Гордоновой компаніи до Татариновой. Они наградили насъ ложными книгами, для отдаленія насъ отъ сочиненій отцовъ церкви; исказили чудную нашу церковную архитектуру; изуродовали наше древнее церковное пѣніе, для уничтоженія родныхъ звуковъ, напоминавшихъ намъ о старославянскомъ славословіи Божіемъ съ XI вѣка; вмѣсто благоговѣйно-чтимой святыни наградили насъ итальянскою живописью... Европейскіе коноводы раздоровъ и мятежей начали возставать противъ русскаго самодержавія, когда полагали, что русская народность погибла навсегда, что для русскаго православія довольно впущено всемірныхъ ересей и расколовъ»... Такъ говорилъ авторъ «Сказаній Русскаго Народа», первый послѣ загадочнаго Кирши Данилова («Древнія россійскія стихотворенія») взявшійся за собраніе произведеній русскаго народнаго поэтическаго творчества и одновременно съ этимъ со страстью истаго археолога, занимавшійся изученіемъ родной литературной и исторической старины. Такими же совершенно мыслями были одушевлены и остальные палеологи, какъ г. Барсуковъ называетъ друзей Сахарова и его товарищей по занятіямъ: по началу, можетъ быть, безсознательно, безотчетно тяготѣя своими симпатіями къ русскому человѣку, вопреки всему, что отводило и отдаляло отъ него, застилало непроглядымъ туманомъ, случайно потомъ наталкиваются они на дѣло, которое разомъ ставитъ ихъ лицомъ къ лицу съ этимъ «чуднымъ» человѣкомъ, котораго невѣроятно, немыслимо не полюбить, немыслимо не отдаться ему всей душой, лишь только немножко узнаешь его. И они отдаются этому «чудному» человѣку, отдаются въ своемъ маленькомъ дѣлѣ: разъискиваютъ и собираютъ памятники старины (Сахаровъ и Ундольскій), сидятъ надъ изученіемъ «Патериковъ» (Кубаревъ), учатъ молодежь понимать и любить свое прошлое (Бодянскій). И неужели, послѣ этого, мы не извинимъ имъ нѣкотораго увлеченія, заставлявшаго ихъ съ гордостью рѣзко заявлять о себѣ, что... «благодареніе Господу, надъ ихъ головой не рабо-

тала ни одна французская тварь, вокругъ не было ни одного нѣмецкаго бродяги»?—А между тѣмъ «толпа бросала въ нихъ каменьями», грязью, даже послѣ смерти (особенно много доставалось Сахарову), дѣлая для нихъ и безъ того «тернистый» жизненный путь еще болѣе колючимъ. На самомъ же дѣлѣ, какія это прекрасныя натуры, чисто русскія по уму, по сердцу, по всей жизни! по крайней мѣрѣ, два изъ нихъ—Ундольскій и Бодянскій. «Это былъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ русскихъ людей (говоритъ объ Ундольскомъ человѣкъ близко знавшій его), послужившій русскому просвѣщенію, какъ немногіе служатъ, съ полнымъ самоотверженіемъ. Собраніе библіотеки (рукописной), которому онъ отдался съ первыхъ шаговъ дѣятельности — вотъ что сосредоточивало его, поддерживало въ искушеніяхъ, спасало отъ уклоненій, питало и возвышало душу. Это было дѣло безкорыстной, пламенной, неотступной любви къ русскому просвѣщенію, къ его исторіи, къ памятникамъ. И при богатствѣ сокровищъ своихъ, оставался бѣднякомъ»... О Бодянскомъ одинъ изъ его учениковъ отозвался такимъ образомъ: «Подъ жесткою, суровою наружностью въ немъ билось доброе-предоброе сердце. Это былъ человѣкъ глубокой прямоты души, непоколебимой твердости, и полный той безграничной честности, которая, кажется, была достояніемъ только прежняго времени»...

Послѣ сдѣланныхъ замѣчаній, надѣемся, читатели согласятся съ нами, что переписка такихъ лицъ заслуживаетъ общаго вниманія. Къ сожалѣнію, въ указанной книгѣ, какъ мы сказали, она очень неполна и почти исключительно вращается около археологическихъ спеціальныхъ вопросовъ, занимавшихъ нашихъ палеологовъ. Но и за то, что дано въ книгѣ, можно отъ души поблагодарить г. Барсукова и пожелать ему съ успѣхомъ окончить изданіе записокъ знаменитаго русскаго паломника XVIII в. Барскаго, которымъ онъ, какъ мы слышали, занимается въ настоящее время, а мы ждемъ ихъ...

Творенія святаго отца нашего Кирилла, епископа Туровскаго, съ предварительнымъ очеркомъ исторіи Турова и Туровской іерархіи до XIII в. Изд. преосвящен. Евгенія, епископа Минскаго и Туровскаго (нынѣ Астраханскаго). Кіевъ. 1880.

Всяческой похвалы достойно предпріятіе задуманное и исполненное преосвященнымъ Евгеніемъ: изданіе твореній великаго

святителя русской церкви Кирилла Туровскаго. Недавно, въ статьѣ о молитвахъ этого святителя («Стран.» 1880 г., Ноябр.), мы высказали сожалѣніе, что у насъ нѣтъ болѣе или менѣе доступныхъ изданій, а тѣмъ болѣе переводовъ на русскій языкъ произведеній нашихъ древнихъ церковныхъ писателей. Книга преосв. Евгенія даетъ то и другое и является въ этомъ случаѣ первой въ своемъ родѣ, какъ задуманная и изданная частнымъ лицомъ: до сихъ поръ подобныя изданія выходили изъ подъ редакціи разныхъ обществъ, или являлись частью цѣлаго, коллективнаго изданія, обыкновенно, недоводившагося до конца (какъ напр. «Рукописи графа Уварова» — изданіе, въ которомъ помѣщены творенія Кирилла Туровскаго, подъ редакціей Сухомлинова). Настоящее изданіе сдѣлано по иниціативѣ одного лица, хотя, какъ можно думать, при участіи нѣсколькихъ знатоковъ-спеціалистовъ. Задача и планъ его указаны въ предисловіи: «оно имѣетъ въ виду не столько научную, сколько практическую цѣль, состоящую въ ознакомленіи *почитателей памяти святителя* (въ особенности священнослужителей Минско-туровской епархіи) съ его личностью и твореніями». Намъ думается—и издатели, вѣроятно, согласятся,—что такихъ «почитателей» столько же (по крайней мѣрѣ *должно* быть), сколько людей, знакомыхъ съ древне-русской литературой, слѣдовательно, и творенія св. Кирилла въ правѣ разсчитывать на несравненно большій кругъ читателей, и прежде всего, конечно, наши духовныя школы, всѣ безъ исключенія, съ благодарностью примутъ новое общедоступное изданіе. Достоинство книги возвышается еще и тѣмъ, что въ ней, кромѣ твореній Кирилла Туровскаго, въ подлинникѣ и въ переводахъ (за исключеніемъ словъ, которыя приведены только въ переводѣ), собрано все, что можетъ имѣть значеніе для пониманія его личности и произведеній: очеркъ исторіи Туровскихъ князей и Туровской епархіи (до 1345 г.), судьба произведеній Кирилла Туровскаго въ русской литературѣ, затѣмъ въ приложеніи—проложное сказаніе объ немъ и слова, подлинность которыхъ еще подлежитъ сомнѣнію. Переводъ словъ и поученій сдѣланъ съ извѣстныхъ печатныхъ текстовъ, но въ основу славянскаго текста молитвъ положено старинное печатное изданіе ихъ, доселѣ остававшееся неизвѣстнымъ. Совершенную новость въ настоящемъ изданіи представляетъ переводъ, хотя, какъ пер-

вая попытка въ этомъ родѣ, далеко не безупречный. Въ сущности это не переводъ, а буквальное переложеніе съ славянскаго на русскій, со внесеніемъ въ него многихъ славянскихъ оборотовъ и выраженій,—причемъ переводчики иногда не совсѣмъ вѣрно и точно передаютъ мысль оригинала, а иногда оставляютъ безъ перевода такія слова и выраженія, которыхъ уже нѣтъ въ русскомъ языкѣ, или которыя теперь непонятны. Такъ напр. въ подлинникѣ говорится: «днесь *предъидущеи въслѣдствующеи въсклицаютъ*, глаголюще: «Осанна, Сыну Давидовъ»... (Сухомл., стр. 6),—переведено словами: «нынѣ *предыдущіи и послѣдующіи* восклицаютъ» (стр. 3)... Переводъ, если угодно, вѣрный, но мысль не выдержана, а главное — утрачена та живость и картинность выраженія, которая составляетъ своеобразность языка подлинника. Или, слѣдующее мѣсто: «птенецъ бо отлетѣ, а безумни тщу гнѣзду присѣдятъ» (Сухомл., стр. 15),—въ переводѣ. «ибо птенецъ уже отлетѣлъ, а безумные (?) продолжаютъ сидѣть въ пустомъ гнѣздѣ» (стр. 11)—едва-ли вѣрный переводъ, а мысль и вовсе затемнена. Но еще болѣе неудачны тѣ мѣста, гдѣ оставлены безъ перевода слова совершенно непонятныя, какъ напр.: «другіе пострадали за имя Христово даже до крови и, *считая все за уметы* (въ подл.: «вся уметы сотворивше», Сухомл., стр. 6 и 27), текли вслѣдъ Его» (стр. 3 и 26).... Какъ понимать это мѣсто, что такое — «уметы»? (По словарю Миклошича, это слово значитъ — «пометъ».... Lex. Pal.-Slov.). Или, въ другомъ мѣстѣ: «но церкы на пророки *плищуетъ*, не уже вставше Христу отъ гроба» (Сухомл., стр. 12),—переведено: «церковь *кличетъ* на (?) пророковъ, потому что пророки — чада церковныя»,—переводъ, очевидно, неточный и потому темный («плищевати» Миклошичъ переводитъ словами — θορυβεῖν, tumultari Lex. P.-Sl.). Такихъ мѣстъ въ переводѣ можно указать и еще нѣсколько, и вообще его не мѣшало бы внимательно пересмотрѣть, освободить отъ излишнихъ и ненужныхъ славянизмовъ, а темныя и непонятныя мѣста пояснить въ примѣчаніяхъ. Это, однако, нисколько не измѣняетъ нашего мнѣнія вообще объ изданіи преосв. Евгенія: оно заслуживаетъ полной похвалы и успѣха въ распространеніи...

ѲЕДОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ДОСТОЕВСКІЙ

(некрологъ).

28 января въ 8 ч. 40 м. вечера скончался великій «русскій человѣкъ», «учитель великій», «другъ чести и правды»—Ѳ. М. Достоевскій.

Признаніе этого величія—торжественное признаніе всего русскаго общества—пошло за Ѳедоромъ Михайловичемъ въ могилу; надписи эти: о «русскомъ человѣкѣ» и «великомъ учителѣ» красовались на вѣнкахъ, копми избраннѣйшіе представители русскаго общества провожали на кладбище народнѣйшаго поэта. Никогда еще ни одного русскаго писателя такъ горько не оплакивали, съ такой скорбью великой, но вмѣстѣ и съ такимъ великимъ нравственнымъ торжествомъ не провожала Русская Земля, какъ Ѳ. М. Достоевскаго. Да, и съ торжествомъ нравственнымъ, и трудно даже сказать, плача ли тутъ больше было, скорби неутѣшной, или же торжества обновленнаго духа общественнаго, признаннаго духа народнаго, правды и мощи этого духа, объявившаго себя такъ ярко впервые.

Овацій за эти посмертные дни было множество,—всѣ дни были сплошною овацією,—всего нѣтъ возможности и перечислить. Самъ Царь-Отецъ призналъ литературныя заслуги покойнаго; Церковь съ особеннымъ выраженіемъ и признаніемъ душу его почтила. И всѣ—съ малаго до великаго, и безъ различія сословій, профессій, занятій, такихъ или иныхъ направленій, всѣ рѣшительно: ученые, литераторы, частныя и не частныя общества, учебныя заведенія, администрація, армія—въ представителяхъ, старики и молодежь, особенно же молодежь и больше всѣхъ—молодежь,—«свѣтлая, честная», какъ назвалъ ее самъ покойный въ посмертномъ своемъ «Дневникѣ»,—всѣ наперерывъ стремились, страстно показать искали, какъ дорогъ всѣмъ былъ покойный и

какъ его всѣ любили... Но «народа» русскаго еще не было,—мало его было,—народъ русскій еще «безмолвствовалъ», хотя высшую награду и конечное свое признаніе покойный все же найдетъ тутъ—въ «цѣлокупномъ» русскомъ народѣ. О, это еще не сразу, это еще современемъ будетъ, но это будетъ!

Ибо не было еще такого страдальца за Русскую Землю и никто такъ полно не отдавалъ вдохновенной души народу, какъ покойный Ѳедоръ Михайловичъ. Душу свою великую, сердце свое благородное,—безпримѣрной красоты и любви полное сердце,—положилъ онъ на службу народу. Царь и народъ—вотъ собственно и вся, такъ называемая, политическая догматика покойнаго. Царь—отецъ, а народъ—его дѣти,—это и въ послѣднемъ «Дневникѣ» своемъ написалъ Ѳедоръ Михайловичъ, и въ началѣ основномъ этомъ, въ развѣтвленіяхъ этого начала «особливость» нашей исторіи видѣлъ. Но Царь—признанъ, безспоренъ Царь и во главѣ исторіи онъ стоитъ; народъ же—вся масса русскихъ простыхъ людей—не признанъ, и нужно было сдѣлать, чтобы и народъ былъ признанъ. О, вы и не подозрѣваете, нашъ читатель, какъ же бы такъ могло и быть, что цѣлый народъ оказался не признаннымъ? Но это такъ, и этому вѣрьте, — даже и теперь по немногу лишь онъ признается, и все еще не удостоился совсѣмъ признанія: образованная наша «интеллигенція», часть, конечно, интеллигенціи, все еще сомнѣвается—меньше, чѣмъ прежде, но и теперь еще въ нѣкоторомъ сомнѣніи: она умна и разумна, а народъ—народъ еще не разуменъ.... И вотъ нужно было найти покойному такой цементъ, который всѣхъ бы объединялъ, и такой высшій пунктъ, гдѣ уже каждый чувствовалъ бы себя единымъ и общимъ, и такой пунктъ нашелъ онъ.... въ страданіи. Самъ Ѳ. М. страдалецъ былъ, всю свою жизнь вопстину такимъ былъ, «къ злодѣямъ причтенъ былъ», и въ каторгѣ съ ними жилъ, и всѣ его герои—страдальцы, какъ и весь не признанный народъ русскій. Такъ и произведенія его шли, даже по однимъ заглавіямъ: «Мертвый домъ», «Бѣдные люди», «Униженные и оскорбленные», «Преступленіе и Наказаніе» и мн. др. Въ предметномъ своемъ здѣсь отрицаніи онъ, казалось, превосходилъ и самихъ отрицателей, ибо уже здѣсь-то, казалось, чего-такого можно было найти, за что бы признать можно, когда все-то тутъ попрано, убито, принижено—больше, чѣмъ гдѣ даже, и одинъ

только «смрадъ, грѣхъ и паденіе». Но показалъ намъ геніальный художникъ, что и тутъ даже въ паденіи не все отрицать можно, и теплится даже въ паденіи въ человѣкѣ великая Божія искра, и у каждаго своя Божія искра, и говорилъ: если уже и ничего въ человѣкѣ томъ не осталось, то хоть страданіе брата своего полюби, и душу въ страданіи великую — искру въ немъ Божію. О, не на счетъ эстетики мы тутъ говоримъ, и знаемъ, что художественныя произведенія и свою мѣрку имѣютъ, и сами за себя отвѣчаютъ, иной разъ сами же на себя даже и любуются; но не даромъ Достоевскому страдальцы нужны были,—для народа, идеи народной нужны были ему страдальцы, ибо ярче тогда блистала идея его, и такая полнота духа была въ немъ, что и всѣ художественныя части, отвѣтныя за себя сами, вели къ этой идеѣ, какъ къ своему выводу, и ярко блистала тогда общая идея, и глубочайшій историческій смыслъ былъ во всемъ этомъ заложенъ... Но въ подробности объ этомъ какъ нибудь послѣ. Въ душѣ, очищающейся страданіями, и въ православіи, всякую душу просвѣтляющемъ и всѣ души во едино связующемъ,—вотъ гдѣ показались основы народной проповѣди Достоевскаго. О православіи Ѳ. М. тоже бы многое можно и слѣдовало говорить; но и опять не теперь—въ этой скорбной замѣткѣ. Несомнѣнно, что самъ Ѳ. М. былъ искренно вѣрующій, самый глубокій христіанинъ. Называли его даже за это самое мистикомъ,—кто ровно ничего не понимаетъ ни въ христіанствѣ, ни въ мистикѣ. Въ дѣйствительности онъ былъ просто—русскій православный христіанинъ, и православіе, какъ самобытно-русскій просвѣщающійся во Христѣ Богѣ духъ поставилъ, и необычайное величіе въ нашемъ православіи показалъ, отмѣтивъ въ немъ такія стороны, какихъ никто раньше его не коснулся, и поставивъ въ художественныхъ образахъ такія философскія и религіозныя проблеммы, надъ которыми долго-долго будутъ думать философъ, художникъ, ученый, мыслитель...

Надъ чѣмъ нашъ геній трудился, то онъ сдѣлалъ. Великую идею поставилъ онъ, и въ сознаніе многихъ ее провелъ, и какъ гигантъ-борецъ сошелъ въ могилу. О, не умретъ его дѣло, вовѣки будетъ сіять великое дѣло генія!...

Честь и слава, вѣковѣчная народная слава тебѣ, великій художникъ-мыслитель, неувядающая безсмертная слава тебѣ, незабвенный Ѳедоръ Михайловичъ!

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

О сооруженіи храма на родинѣ святителя Димитрія Ростовскаго. — Проектъ положенія о раскольникахъ. — Дѣятельность московскаго братства св. Петра митрополита.—Постановленіе иркутскаго епархіальнаго съѣзда о религіозно-нравственныхъ бесѣдахъ съ народомъ.—Попечительства о бѣдныхъ духовнаго вѣдомства въ иркутской епархіи.—Коммиссія для разработки правилъ о призрѣніи сирыхъ и убогихъ.—Вопросъ о призрѣніи слѣпыхъ.—Мысль объ учрежденіи общества церковно-клироснаго пѣнія въ Кіевѣ.—Новое духовно-музыкальное сочиненіе.—Изъ не изданныхъ стихотвореній А. С. Пушкина.—Некрологи: В. Н. Лешковъ. — А. Ѳ. Писемскій. — К. А. Тонъ.—Н. П. Соколовъ.—М. И. Смоленскій. — Отъ общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ с.-петербургской духовной академіи.

О сооруженіи храма на родинѣ святителя Димитрія Ростовскаго. Недавно кіевскія епарх. вѣдомости напечатали слѣдующее воззваніе отъ имени прихожанъ мѣстечка Макарова, кіевской губерніи.

«Имя святителя Димитрія извѣстно всей православной Россіи. Свято послужилъ онъ церкви, отечеству, народу русскому подвигомъ церковной проповѣди и многими духовными твореніями, полными сердечной теплоты и назидательности. Въ своихъ *Четиминеяхъ или житіяхъ святыхъ* далъ онъ неистощимое сокровище благочестія и назиданія для всего богомольнаго народа русскаго. За свою учительность, смиреніе и благочестіе онъ еще при жизни былъ въ любви у всѣхъ знавшихъ его и у самаго царя Петра Великаго, при которомъ почилъ о Господѣ въ санѣ Ростовскаго митрополита 28 окт. 1709 г. И Господь прославилъ своего угодника. Въ 1752 г. 21 открыты нетлѣнныя мощи его въ ростовскомъ монастырѣ св. Іакова, а въ 1757 г. 22 апр. причисленъ онъ церковію къ лику святыхъ. Вмѣстѣ съ православнымъ народомъ почтили память новоявленнаго угодника Божія и чудотворца Димитрія и благочестивѣйшія Государыни-царицы Елисавета Петровна, устроившая серебряную раку для его мощей, и Екатерина II Алексѣевна, пѣшкомъ приходившая изъ Москвы въ Рос-

товъ на поклоненіе мощамъ святителя. По разнымъ мѣстамъ есть и храмы Божіи имени святителя Димитрія. Но нѣтъ благолѣпнаго храма на самой родинѣ его. Это м. Макаровъ въ 50 верстахъ отъ Кіева. Здѣсь въ декабрѣ 1651 г. отъ благочестивой четы, казака Саввы Туптало и жены его Маріи, родился, крещенъ и начально воспитанъ ими отрокъ Даніилъ, будущій святитель и угодникъ Божій Димитрій. Есть въ Макаровѣ приходская деревянная церковь во имя св. пророка Иліи, стоящая, по преданію, на мѣстѣ древней Ильинской же церкви, современной св. Димитрію. Но эта церковь совсѣмъ пзветшала и грозитъ обрушиться. Православные поселяне Макаровскаго прихода давно возымѣли благую мысль на мѣсто этой убогой и разрушающейся церкви построить новую въ тоже имя св. пророка Иліи, но съ придѣломъ во имя святителя Димитрія, чтобы почтить память угодника Божія на его родинѣ. Сія мысль тѣмъ болѣе заботитъ ихъ, что въ Макаровѣ есть богато устроенный р.-католич. костелъ, есть видная еврейская синагога, а православная церковь ветха и близка къ разрушенію. Прихожане готовы поднять всякій трудъ на сооруженіе церкви; но, по бѣдности, не достаетъ средствъ для постройки. Посему съ разрѣшенія Епархіальнаго Начальства обращаются они ко всѣмъ православнымъ съ просьбою помочь имъ въ этомъ дѣлѣ своими пожертвованіями. Уповаемъ, что на смиренный призывъ нашъ отзовутся особенно православные изъ тѣхъ епархій, гдѣ проповѣдывалъ и святительствовалъ угодникъ Божій, каковы особенно кіевская, черниговская, минская, ярославская (древле Ростовская); отзовутся тѣ старѣйшія изъ святыхъ обителей, которыя сами, назидаясь твореніями святителя, издаютъ многое изъ нихъ и для общаго назиданія народа; отзовутся тѣ изъ православныхъ, которые носятъ имя святителя, какъ своего ангела, а затѣмъ и всѣ любящіе назидаться чтеніемъ его Чети-миней. Уповаемъ, что въ средѣ православныхъ найдутся и другіе жертвователи изъ тѣхъ, кому дороги и свято-народная память святителя и благоустройство православнаго храма въ такомъ, наполненномъ пновѣрцами, мѣстѣ, какъ родина великаго учителя русской церкви. Имена жертвователей будутъ занесены въ синодикъ церкви для молитвы о здравіи живыхъ и заупокой усопшихъ. Пожертвованія можно присылать въ Кіевъ, въ духовную Консисторію».

Въ послѣднее время значительно усилился у насъ истинно-патріотическій и высоконравственный обычай устраивать на счетъ общей національной подписки памятники въ честь знаменитыхъ отечественныхъ дѣятелей, въ томъ числѣ писателей.

Скоро воздвигнется въ Кіевѣ памятникъ Хмѣльницкому, собираются средства на памятникъ Гоголю въ Нѣжинѣ. Не теперь ли время устроить на всенародныя, всероссійскія пожертвованія памятникъ всенародному учителю русскаго благочестія Святителю Димитрію, на мѣстѣ его родины?.. (К. Е. В.).

Проектъ положенія о раскольникахъ. Вопросъ о предоставленіи русскимъ раскольникамъ свободы богослуженія и нѣкоторыхъ гражданскихъ правъ, какъ сообщали газеты, задерживался доселѣ въ дальнѣйшемъ его движеніи за неполученіемъ отзыва со стороны министерства юстиціи. Теперь «Новости» передаютъ слухъ, что отзывъ этотъ уже данъ, и въ непродолжительномъ времени ожидается внесеніе извѣстнаго проекта положенія о раскольникахъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. По новому проекту предполагается установить, что раскольники, съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ, могутъ свободно устраивать моленные дома повсюду, гдѣ только пожелаютъ. Затѣмъ проектируется отмѣнить нѣкоторыя ограниченія въ гражданскихъ правахъ раскольниковъ, существующія нынѣ, по законодательству нашему, напр., относительно записыванія ихъ въ гильдіи, снабженія правами торговыми и промышленными, полученія паспортовъ для проѣзда по Россіи, а равно и заграницу, состоянія на общественныхъ должностяхъ по выборамъ, полученія знаковъ отличія и т. п. Проектируемая реформа коснется большей части всего числа раскольниковъ (простирающагося, какъ извѣстно, до 12,000,000 человѣкъ), которая принадлежитъ къ послѣдователямъ сектъ, признаваемыхъ, по взгляду правительства, «менѣе вредными». Послѣдователи же раскольническихъ сектъ «болѣе вредныхъ», какъ напр., скопцы, хлысты и т. п. сохранятъ нынѣшнее свое statu quo.

Дѣятельность Московскаго Братства св. Петра митрополита въ минувшемъ году. Дѣятельность братства въ 1880 г. была направлена главнымъ образомъ къ изданію и распространенію противораскольническихъ сочиненій, хотя, впрочемъ, нѣкоторые члены его не прекращали и своихъ обычныхъ трудовъ по веденію устныхъ, живыхъ бесѣдъ съ старообрядцами. Современемъ, при измѣнившихся къ лучшему условіяхъ, быть можетъ получитъ большее развитіе дѣятельность Братства и въ этомъ отношеніи, чего разумѣется нужно желать и что можетъ быть достигнуто лишь посредствомъ умноженія или обновленія личнаго состава Братства новыми, способными къ этому роду дѣятельности силами.

Истекшій 1880 годъ замѣчателенъ обиліемъ изданныхъ Брат-

ствомъ маленькихъ книжекъ, распространеніе которыхъ такъ удобно и такъ полезно въ цѣляхъ Братства: издано 17 разныхъ книжекъ и частію листовъ, кромѣ того на частныя средства нѣкоторыхъ членовъ Братства еще 6 книжекъ и листовъ, такъ что въ общей сложности поступило въ истекшемъ году въ склады Братства 23 новыхъ изданія. Изъ этого числа только 8 книжекъ и листовъ напечатаны первымъ изданіемъ; остальныя же 15 суть лишь повторенія прежнихъ изданій. Изъ новыхъ сочиненій, изданныхъ Братствомъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія составленный трудами іером. Филарета при содѣйствіи о. архимандрита Павла сборникъ «Свидѣтельствъ о древности перстосложенія именословнаго и троеперстнаго», и того же автора книжка: «Былъ ли и остался ли преданъ старообрядчеству митрополитъ Амвросій». Братство также напечатало вновь обработанную проф. Субботинымъ статью: «Разсмотрѣніе содержимаго глаголемыми старообрядцами ученія о мнимомъ неправославіи греческой церкви». А для новаго, втораго изданія были выбраны тѣ изъ преждеизданныхъ Братствомъ книжекъ, которыя, за распродажею и раздачею ихъ, оставались въ самомъ незначительномъ количествѣ экземпляровъ. Уже это самое, что въ нихъ ощутимъ крайній недостатокъ, что онѣ разошлись такъ успѣшно, указывало настоятельную нужду новаго ихъ изданія и вмѣстѣ служило залогомъ, что и это новое изданіе будетъ имѣть не меньшій успѣхъ, чѣмъ первое.

Изъ напечатанныхъ теперь вторымъ изданіемъ, самое значительное по объему и содержанію есть сочиненіе іером. Филарета: «Разборъ отвѣтовъ на вопросы, поданные въ старообрядческій Духовный Совѣтъ» извѣстными членами Бѣлокриницкой іерархіи предъ ихъ присоединеніемъ къ церкви, и еще заслуживаетъ упоминанія его же сочиненіе «Старопечатный Номоканонъ» со свидѣтельствомъ о числѣ просфоръ на проскомидіи. Особенно же явилась надобность сдѣлать новое изданіе разныхъ мелкихъ статей о. архим. Павла: ихъ напечатано 8, и въ томъ числѣ довольно значительная даже по объему книжка: «Бесѣды о пророкахъ Иліи и Энохѣ и объ антихристѣ», — сочиненіе въ высшей степени замѣчательное по полнотѣ и обстоятельности разсмотрѣнія и по общедоступности изложенія этого важнѣйшаго въ безпоповскомъ ученіи вопроса. Всѣ прошлогодніе Братскія изданія напечатаны крупнымъ и четкимъ славянскимъ шрифтомъ, въ одинаковомъ, принятомъ для нашихъ изданій, маломъ форматѣ, и нѣкоторыя снабжены рисунками, какъ наприм.: «Разборъ

отвѣтовъ», «Тринадцать вопросовъ о церкви» Егора Антонова и «Свидѣтельства о древности перстосложенія именословнаго и троеперстнаго». Къ этой послѣдней книжкѣ приложенъ точный снимокъ съ замѣчательной по своей древности чудотворной иконы Спасителя, находящейся въ московскомъ Успенскомъ соборѣ; въ виду особенной важности этого снимка для показанія старообрядцамъ несомнѣнной древности и правильности именословнаго перстосложенія, онъ сверхъ того напечатанъ еще для продажи и раздачи на особыхъ, отдѣльныхъ листахъ. Каждой книжки печаталось обыкновенно по четыре завода, т. е. по 4,800 экз.; а тѣ изъ нихъ, на которыя предполагались особенно большія требованія, напечатаны и въ гораздо большемъ количествѣ, притомъ одновременно и книжками, и листами. Такъ упомянутыя «Свидѣтельства о древности перстосложенія» напечатаны въ количествѣ 10,000 книжекъ и 8,013 листовъ; еще извѣстной «Записки», поданной собору раскольническихъ архіереевъ И. Ѳ. Андреевымъ съ товарищи, напечатано 3,000 книжекъ и 2,100 листовъ, а весьма замѣчательныхъ «Вопросовъ о церкви и священствѣ» Егора Антонова—3,000 книжекъ и 7,000 листовъ. Кромѣ того, на счетъ Никольскаго единовѣрческаго монастыря издана статья о вѣчности церкви въ количествѣ 10,000 листовъ и 5,000 книжекъ, также статья о пророкахъ Иліи и Енохѣ въ количествѣ 10,700 листовъ. Достоуважаемому А. И. Хлудову угодно было напечатать на свой счетъ въ количествѣ также 10,000 экземпляровъ книжку: «Раскольническій соборъ въ Москвѣ, бывшій во второй половинѣ октября 1879 года». Членъ Братства о. І. Г. Виноградовъ издалъ на особомъ листѣ, въ количествѣ 10,000 экз. статью противъ безпоповства. Общее же число изданныхъ на счетъ Братства книжекъ и листовъ простирается до 95,313 экз. и на частныя средства 50,100; а всего поступило въ склады Братства для продажи и раздачи вновь изданныхъ въ теченіе года книжекъ и листовъ 145,413 экз. Достойно и праведно воздать благодареніе Богу за такой успѣхъ издательской дѣятельности Братства въ истекшемъ году!

Что касается распространенія изданныхъ книгъ среди народа, между православными и старообрядцами, то и здѣсь успѣхи братства въ минувшемъ году были такъ велики, какъ никогда прежде. Въ теченіе года продано и безвозмездно роздано братствомъ своихъ собственныхъ изданій и изданныхъ другими книгъ о расколѣ (а также по присланнымъ въ братство просьбамъ разослано книгъ единовѣрческой печати и старопечатныхъ) всего

39,240 экз. Въ этомъ количествѣ книги и листы, розданные безмездно, составляютъ почтенную цифру—9,800 экз. Братство самымъ дѣломъ оправдываетъ свое намѣреніе и предназначеніе—заботиться не о пріобрѣтеніи матеріальныхъ средствъ отъ изданія и продажи книгъ, хотя эти средства и очень нужны ему для продолженія той же самой просвѣтительной и благотворительной дѣятельности, а единственно о томъ, чтобы распространять ихъ въ наибольшемъ количествѣ среди народа. Иногда книги выдаваемы и высылаемы были безмездно, въ довольно значительномъ количествѣ разнымъ лицамъ, обратившимся изъ раскола, противураскольническимъ братствамъ и миссіонерамъ, какъ наприм. снабжены безмездно книгами новообратившійся изъ раскола, нынѣ единовѣрческій майносскій священникъ Іоаннъ Васильевъ, при отправленіи его обратно въ Турцію, новоучрежденное во Владимірѣ братство св. Александра Невскаго, преосв. Камчатскій Мартиніанъ и др. Значительное количество книгъ было роздано также въ церкви Чудова монастыря послѣ совершенныхъ тамъ двухъ присоединеній изъ раскола—В. Ѳ. Можаева и И. Ѳ. Андреева.

Изданіе сочиненій о расколѣ и особенно распространеніе ихъ въ такомъ большомъ количествѣ, служащее показаніемъ, что въ народѣ, и въ православныхъ, и въ старообрядцахъ, возбуждено къ нимъ вниманіе, возбуждена охота читать ихъ,—это есть дѣло великой важности, даже,—думаетъ братство, — важнѣе устныхъ бесѣдъ со старообрядцами, хотя и эти послѣднія имѣютъ несомнѣнно важное значеніе: ибо, по замѣчанію святителя Ростовскаго Димптрія, «устная бесѣда близъ токмо слышится, а яже писанію предаются, та и въ концы вселенныя происходятъ; устно реченное слово скоро отъ памяти человѣческія отъемлется, писанное же незабвенно пребываетъ». (Роз. XII, об.). И братство уже имѣетъ положительныя данныя утверждать, что изданныя и распространенныя имъ сочиненія принесли и приносятъ свои плоды: во многихъ умахъ и сердцахъ, зараженныхъ расколомъ, успѣли положить сѣмя сомнѣнія относительно правоты раскола и расположеніе къ общенію съ церковію; многихъ бывшихъ въ расколѣ и совсѣмъ уже привели въ лоно православія, а для православныхъ, имѣющихъ сношенія со старообрядцами, дали руководство и пособіе къ успѣшнымъ съ ними бесѣдамъ. Случается слышать въ видѣ упрека Братству, или въ видѣ сомнѣнія относительно полезности его существованія вопросъ: почему въ его отчетахъ не говорится, сколько приходится Братству ежегодно

обратить старообрядцевъ къ православію? Братство слѣдуетъ слову апостола Павла: *похвалитися не пользуетъ ми* (2 Кор. 12, 1). Да и можно ли только примѣрами обращеній изъ раскола измѣрять степень пользы, какую Братство приноситъ церкви православной? Впрочемъ, еслибы, говорится въ отчетѣ братства, псчислить, сколько со времени открытія Братства совершено присоединеній въ одномъ Никольскомъ монастырѣ, то ихъ оказалось бы вполнѣ достаточно, чтобы всякаго сумнящагося убѣдить въ несомнѣнной благоплодности Братства. Притомъ же здѣсь важно не количество только, но и качество. Присоединялись большею частію люди, такъ сказать, передовые въ старообрядчествѣ, способные имѣть вліяніе на другихъ и дѣйствительно явившіеся проповѣдниками православія среди бывшихъ одновѣрцевъ своихъ. Довольно напомянуть одни недавнія обращенія къ церкви И. Ѳ. Андреева, В. Ѳ. Можаева и другихъ лицъ, вмѣстѣ съ ними подавшихъ Антонію Шутову и сущему съ нимъ собору извѣстную записку о своихъ сомнѣніяхъ относительно нынѣшней старообрядческой іерархіи. Все это дѣло велось при ближайшемъ участіи Братства и останется однимъ изъ отрадныхъ воспоминаній объ его дѣятельности на пользу православной церкви.

Постановленіе иркутскаго епархіальнаго съѣзда о религіозно-нравственныхъ бесѣдахъ съ народомъ. На послѣднемъ съѣздѣ духовенства иркутской епархіи, между прочимъ, обсуждалось слѣдующее предложеніе мѣстнаго высокопреосвященнаго: «Предмѣстникъ мой преосв. архіепископъ Парѳеній, въ видахъ поднятія религіозно-нравственнаго состоянія паствы, циркулярно предписалъ духовенству въ воскресные дни въ послѣобѣденное время собирать народъ въ церковь для религіозно-нравственныхъ бесѣдъ. Во время обозрѣнія епархіи я не разъ говорилъ о томъ же съ духовенствомъ. Не смотря на то мнѣ извѣстно, что такихъ бесѣдъ нигдѣ не бываетъ. Полагая, что неисполненіе требованія епархіальныхъ преосвященныхъ зависитъ отъ неудобства исполнить ихъ духовенству въ томъ видѣ, какъ они предлагались, я предоставляю съѣзду духовенства самому разсудить, какъ удобнѣе поставить дѣло нравственно-религіознаго назиданія паствы безъ особеннаго обремененія для священниковъ и съ дѣйствительною пользою для прихожанъ». По обсужденіи вопроса, съѣздъ нашелъ цѣлесообразнымъ и удобоисполнимымъ слѣдующее: 1) установить въ каждой церкви обязательное собесѣдованіе во всѣ воскресные и праздничные дни, которое велось бы просто, удобопонятно

для народа. 2) Въ томъ случаѣ, когда приходскій священникъ не имѣетъ времени приготовить самостоятельное слово, онъ можетъ избрать и произнести готовое (печатное) поученіе, соотвѣтствующее времени и религіозно-нравственной нуждѣ своихъ прихожанъ, или же занять ихъ чтеніемъ изъ житій святыхъ и другихъ душеспасительныхъ повѣствованій; а къ послѣднимъ, какъ показываетъ опытъ, простой народъ относится съ преимущественнымъ интересомъ. 3) Не стѣсняясь временемъ, вести собесѣдованіе или въ промежутокъ времени между утреней и литургіей, или за литургіей—въ обычное время. Дѣлать же нарочитый въ послѣ-обѣденное время сборъ прихожанъ для собесѣдованія, по многимъ причинамъ, оказывается неудобнымъ. Впрочемъ, если кто изъ священниковъ, сообразуясь съ мѣстными условіями, найдетъ возможнымъ установить въ послѣ-обѣденное или вечернее время собесѣдованіе, то предоставить это дѣло въ вѣдѣніе особенно ревностныхъ и добрыхъ пастырей. 4) Поручать псаломщикамъ чтеніе душеспасительныхъ бесѣдъ и разсказовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда священникъ найдетъ это нужнымъ. (Ирк. Е. В.).

Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія въ иркутской епархіи. Съ нынѣшняго года въ иркутской епархіи, съ утвержденія мѣстнаго преосвященнаго, учреждаются въ каждомъ благочиніи проектированные на послѣднемъ съѣздѣ духовенства отдѣлы попечительства о бѣдныхъ духовнаго вѣдомства, подъ главнымъ надзоромъ и контролемъ епархіальнаго попечительства. Цѣль учрежденія этихъ отдѣловъ—дать возможность служащему духовенству ближе и сердечнѣе относиться къ бѣднымъ своего званія и, какъ слѣдствіе этого, умноженіе средствъ для ихъ обезпеченія. Отдѣлъ попечительства состоитъ изъ предсѣдателя и двухъ или трехъ членовъ. Предсѣдательствуетъ благочинный. Членами состоятъ тѣ священнослужители, которые выбраны и утверждены въ члены благочиннического совѣта. Гдѣ таковыхъ нѣтъ, духовенство озаботится избраніемъ ихъ и представленіемъ черезъ благочиннаго на утвержденіе. Рѣшенія составляются по большинству голосовъ. Когда благочинный и члены совѣта живутъ другъ отъ друга на значительныхъ разстояніяхъ, такъ что часто собираться на засѣданія было бы для послѣднихъ неудобно и крайне обременительно, благочинный въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ постановить рѣшеніе и привести въ исполненіе на основаніи письменныхъ сношеній съ членами. Въ случаяхъ же, не терпящихъ отлагательства, можетъ и одинъ постановить рѣше-

ніе и привести въ исполненіе подъ личною отвѣтственностію. Благочинническій отдѣлъ попечительства проявляетъ свою благотворительную дѣятельность въ слѣдующихъ видахъ: а) передаетъ, по росписаніямъ епархіальнаго попечительства, постоянныя пособія бѣднымъ лицамъ духовнаго званія и вѣдомства и ходатайствуетъ черезъ благочиннаго, если нѣтъ собственныхъ средствъ, о назначеніи таковыхъ пособій новымъ лицамъ, которыя съ своими прошеніями объ этомъ, словесными или письменными, должны обращаться въ отдѣлъ; б) избираетъ и представляетъ черезъ благочиннаго въ епархіальное попечительство на утвержденіе опекуновъ къ оставшимся по смерти родителей сиротамъ и ихъ имуществу; в) наблюдаетъ за дѣйствіями опекуновъ, въ особенности касательно содержанія, воспитанія и обученія сиротъ; г) слѣдитъ за своевременнымъ составленіемъ опекунами отчетовъ и, по разсмотрѣніи и повѣркѣ оныхъ, представляетъ въ епархіальное попечительство, или въ читинское отдѣленіе онаго на ревизію; д) способствуетъ опредѣленію вдовъ и дѣвицъ сиротъ на мѣста просфиренъ при церквахъ, или учительницъ въ школахъ, если вдова или дѣвица лица образованныя,—дѣтей въ училища, больныхъ въ больницы, дряхлыхъ и калѣкъ безпомощныхъ въ богадѣльни; е) рекомендуетъ или пріискиваетъ вдовамъ и сиротамъ прилпчный ихъ званію и состоянію трудъ, могущій обезпечить ихъ въ содержаніи, помогая постоянными или единовременными пособіями въ неотвратимой ихъ собственными усиліями нуждѣ; ж) погребаетъ умершихъ неимущихъ; з) выдаетъ денежныя пособія по случаю выхода бѣдныхъ дѣвицъ въ замужество,—на проѣздъ дѣтей сиротъ до мѣста ученія, когда нѣтъ средствъ для этого у ихъ опекуновъ; и) находитъ или устраиваетъ для нуждающихся помѣщенія, доставляетъ одежду, пищу, отопленіе, медицинскую помощь.—Любовь и практическая мудрость откроютъ и другія мѣры, могущія, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, облегчить тяжелое положеніе бѣдныхъ духовнаго вѣдомства. Для большаго обезпеченія бѣдныхъ духовнаго вѣдомства, какъ со стороны епархіальнаго попечительства, такъ и самихъ отдѣловъ онаго, на послѣднемъ епархіальномъ съѣздѣ духовенства положено, чтобы причты и церкви иркутской епархіи одноклирныя съ 1881 года обязательно представляли 20 рублей въ годъ, двуклирныя 40 р., миссіонерскія безприходныя, домовыя и законоучители по 10 р. Сборъ этотъ составляется: а) изъ настоящаго кружечнаго на бѣдныхъ духовнаго вѣдомства; б) отчисленія изъ церковныхъ суммъ и в) отъ приглашеній къ

пожертвованіямъ членовъ причта и благотворительныхъ лицъ, по листамъ, выдаваемымъ изъ епарх. попечительства. Изъ суммы, образующейся отъ этихъ сборовъ, благочинный выдаетъ постоянныя пособія по назначенію епарх. попечительства. Недостатокъ восполняется епарх. попечительствомъ. Остатокъ представляется въ попечительство. Все собранное сверхъ вышеозначеннаго обязательнаго сбора, сколько бы ни было, дѣлается какъ бы собственностію благочинническаго отдѣла попечительства и поступаетъ въ его распоряженіе. Годовые остатки отъ расходовъ или обращаются въ процентныя бумаги на имя отдѣла, или же расходуются на дѣло призрѣнія въ слѣдующемъ году. (Ирк. Е. В.).

Коммиссія для разработки правилъ о призрѣніи сирыхъ и убогихъ. «Новости» слышали, что масса нищихъ, наводнившая столицы и вообще большіе центры въ послѣдніе мѣсяцы, обратила на себя вниманіе г. министра внутреннихъ дѣлъ и при министерствѣ образована особая коммиссія для разработки болѣе точныхъ правилъ о порядкѣ призрѣнія и разъясненія существующихъ по этому предмету законовъ. На разрѣшеніе коммиссіи поставлены слѣдующіе вопросы: a) какія степени родства налагаютъ безусловную обязанность призрѣвать сирыхъ и убогихъ? b) какъ опредѣлять въ разныхъ случаяхъ несостоятельность лица и его родственниковъ? c) въ какой формѣ должно быть оказываемо пособіе отъ общества или земства, и, наконецъ, d) въ случаѣ спора или отказа въ пособіи, къ кому слѣдуетъ обращаться за разрѣшеніемъ недоразумѣнія? Коммиссія пока еще не пришла къ окончательнымъ выводамъ, но ею уже намѣчены нѣкоторыя общія точки зрѣнія. Обязанности призрѣвать лежатъ, прежде всего, на родственникахъ призрѣваемаго до втораго колѣна включительно; затѣмъ, въ случаѣ несостоятельности семьи, на селеніи, къ которому лицо приписано. Если селеніе также окажется не въ силахъ призрѣть лицо, обязанность эта переходитъ на волость, къ которой онъ принадлежитъ. Наконецъ, при несостоятельности волости, призрѣніе возлагается на уѣздное и губернское земства. Лица городскаго сословія призрѣваются городскимъ обществомъ. При этомъ, если число призрѣваемыхъ лицъ достигаетъ значительныхъ размѣровъ, то расходы по ихъ содержанію въ размѣрѣ 30% принимаетъ на себя земство. Въ каждомъ уѣздѣ организуется особый комитетъ для опредѣленія правъ на призрѣніе. Комитетъ состоитъ изъ предсѣдателя земской управы и членовъ ея, трехъ депутатовъ отъ губернскаго земства, волостнаго старшины и

сельскаго старосты тѣхъ волостей и обществъ, къ которымъ призрѣваемые приписаны. На пособіе имѣютъ право лица, не имѣющія надѣла и неспособныя къ труду или пострадавшія отъ неурожая, раззорившаго ихъ хозяйство. Всѣ рѣшенія коммиссіи, принятыя большинствомъ голосовъ, считаются окончательными и безапелляціонными. Если лица или общества не исполнятъ рѣшенія комитета, то они отвѣчаютъ, какъ за неисполненіе постановленія земства. Пособіе взрослымъ предполагается въ видѣ помѣщенія ихъ въ благотворительное заведеніе или выдачи имъ пособія деньгами или натурой. Дѣти малолѣтнія, если мѣста въ пріютѣ не окажется, отдаются на содержаніе надежнымъ людямъ за плату.

Вопросъ о призрѣніи слѣпыхъ. Главное попечительство для пособія семействамъ воиновъ въ послѣднее время приняло на себя заботу объ облегченіи участи нижнихъ чиновъ, потерявшихъ зрѣніе во время послѣдней русско-турецкой войны. Руководствуясь примѣрами иностранныхъ государствъ и, въ особенности, Саксоніи и Англіи, гдѣ дѣло помощи слѣпымъ поставлено на вполнѣ разумныхъ основаніяхъ, попечительство рѣшилось произвести первый въ Россіи опытъ обученія слѣпцовъ доступнымъ для нихъ мастерствамъ. Въ Петербургѣ и Кіевѣ съ этою цѣлію устроены попечительствомъ особыя убѣжища для слѣпыхъ, гдѣ они обучаются, главнымъ образомъ, корзинному ремеслу, какъ наиболѣе легко усвоиваемому слѣпыми.

Нынѣ попечительство, узнавъ чрезъ командированныхъ имъ въ провинцію врачей, что въ Россіи общее число всѣхъ слѣпыхъ всякаго сословія и званія чрезвычайно значительно, а именно—доходитъ до 100,000 человѣкъ, о которыхъ доселѣ рѣшительно никто не заботился, возбудило по словамъ «Новостей» вопросъ объ образованіи особаго попечительства для призрѣнія, вообще, всѣхъ слѣпцовъ, безъ различія сословій, пола и возраста, съ присвоеніемъ этому учрежденію, въ память материнской заботливости о слѣпыхъ покойной Императрицы Маріи Александровны, наименованія «Маріинскаго». Проектируемое попечительство будетъ состоять изъ неограниченнаго числа членовъ и приметъ на себя устройство разумной помощи для всѣхъ слѣпцовъ. Средства главнаго попечительства для пособія семействамъ воиновъ послужатъ основнымъ фондомъ для устройства особыхъ образовательныхъ учрежденій для слѣпыхъ. Для изысканія-же постоянныхъ денежныхъ источниковъ на этотъ предметъ предположено обратиться къ сбору пожертвованій въ церквахъ Имперіи повсе-

мѣстно. Разъ въ годъ празднуется въ церкви недѣля слѣпаго, исцѣленнаго Спасителемъ; въ воскресный день, посвященный памяти этого исцѣленія, предполагается установить въ церквахъ спеціальный сборъ пожертвованій народа въ пользу предполагаемыхъ къ устройству убѣжищъ и пріютовъ для слѣпыхъ. Духовенству-же предложено будетъ посвящать церковную проповѣдь въ этотъ день спеціально предмету общественной благотворительности въ пользу слѣпцовъ Россіи, подлежащихъ особому призрѣнію со стороны общества.

Мысль объ учрежденіи общества «церковно-клироснаго пѣнія въ Кіевѣ».—Одинъ изъ дьячковъ г. Кіева обратился къ редакціи мѣстныхъ епарх. вѣдомостей съ слѣдующимъ письмомъ.

«И высшіе члены клира и общество знаютъ насъ съ одной только *тыневой* стороны, но никому нѣтъ охоты посмотрѣть, откуда падаетъ эта тѣнь. Мы желали бы быть лучшими (да и кто желаетъ быть дурнымъ?), даже отличными, образцовыми. Но кто обращаетъ вниманіе на такія наши желанія? А вотъ всѣ слышатъ, напр., что мы не всѣ, и не всегда, и не вездѣ читаемъ, какъ слѣдуетъ, не умѣемъ пѣть, какъ-бы того хотѣлось и намъ самимъ. Вотъ на пѣніи пока и вращаются мои желанія, которыя я хочу высказать. Рѣдкій изъ насъ и. д. псаломщиковъ, по просту—дьячковъ (о псаломщикахъ не говорю: они не намъ чета, отъ нихъ и требованія другія, да ихъ въ городѣ у насъ всего одинъ, да едва-ли и привьется у насъ ученое псаломщичество...) умѣетъ пѣть такъ, какъ пѣвали наши отцы и дѣды. Мы не умѣемъ пѣть по *ихнему*, хотя и они впрочемъ не умѣли пѣть *по нашему*. Пишутъ и говорятъ, что пѣніе церковное упадаетъ. И справедливо. Вѣдь мы всѣ, нынѣшніе молодые и. д. псаломщиковъ—*недоучки* во всѣхъ смыслахъ этого слова; мы и пѣть не учились, да и голосовъ у насъ почти нѣтъ. Нужно учиться. У кого же и когда? Исполненіе моего желанія и было бы отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

Устроимъ общество—сказалъ бы *дьяческое*, да это слово многимъ не нравится—изъ лицъ, желающихъ помогать другъ другу своими знаніями по церковному пѣнію, главнымъ образомъ изъ діаконовъ, и. д. псаломщиковъ и пономарей; пригласимъ въ это общество лицъ, не принадлежащихъ къ клиру, но умѣющихъ пѣть и любящихъ пѣніе, а главное знающихъ церковные напѣвы (такихъ лицъ особенно по окраинамъ города очень много: по домамъ старосвѣтскіе мѣщане и граждане распѣваютъ церковныя пѣсни великолѣпнымъ образомъ по древнему, нѣкоторые

умѣютъ по уніатскому, есть и по запорожскому...); попросимъ быть членами нашего общества уставщиковъ монастырей, особенно лавры; пригласимъ знающихъ теорію и исторію пѣнія священниковъ принять участіе въ нашемъ обществѣ и разсказать намъ, что относится къ дѣлу; не затворимъ дверей нашего общества и предъ лицами свѣтскаго общества, съ музыкальнымъ образованіемъ, если они пожелаютъ помочь намъ своими совѣтами. Вотъ какъ собираются въ здѣшнихъ кіевскихъ обществахъ историческомъ преп. Нестора Лѣтописца или церковно-археологическомъ при академіи для чтеній и сообщеній по разнымъ предметамъ исторіи и церковной древности, такъ и намъ собраться бы для пѣнія церковныхъ пѣсенъ—первѣе всего по древнему напѣву, какой кому извѣстенъ, какъ-то: *подобныхъ*, *самогласныхъ*, *херувимскихъ* и т. д. Можно быть увѣреннымъ, что такое общество привлекло бы къ себѣ не мало лицъ не духовнаго званія—любителей пѣнія. Дайте совѣтъ, какъ приступить намъ къ дѣлу, въ виду котораго предлагаемъ вниманію лицъ, могущихъ интересоваться имъ, слѣдующій проектъ устава «Общества церковно-клироснаго пѣнія въ Кіевѣ». § 1. Цѣль общества состоитъ во взаимномъ обученіи клиросныхъ пѣвцовъ церковнымъ напѣвамъ преимущественно прежняго времени, передаваемымъ съ голоса и большею частію не переложенныхъ на ноты и вообще въ попеченіи объ улучшеніи церковно-клироснаго пѣнія. § 2. Общество состоитъ изъ неограниченнаго числа лицъ, знающихъ и любящихъ церковное пѣніе и главнымъ образомъ поющихъ на клиросахъ діаконовъ, псаломщиковъ, исправляющихъ должность псаломщиковъ и пономарей. § 3. Члены общества дѣлятся на а) дѣйствительныхъ, б) почетныхъ и в) соревнователей. а) Званіе дѣйствительныхъ членовъ принадлежитъ всѣмъ штатнымъ клирикамъ и клирошанамъ, т. е. постоянно помогающимъ въ пѣніи штатнымъ клирикамъ. б) Лица, содѣйствующія цѣлямъ общества сообщеніемъ членамъ своихъ знаній древняго и новаго церковнаго пѣнія, его исторіи и теоріи,—сообщеніемъ въ формѣ рефератовъ, и практическихъ уроковъ пѣнія и т. п. имѣютъ титулъ почетныхъ членовъ. § 4. Собранія общества происходятъ не менѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ въ свободномъ помѣщеніи, имѣющемся при какой-либо приходской церкви. § 6. Въ каждомъ собраніи кѣмъ-либо изъ членовъ въ одинъ голосъ, или же въ два-три, исполняется какая нибудь церковная пѣснь, замѣчательная по своему музыкальному характеру, трудности ея исполненія, древности напѣва и т. п. По исполненіи однимъ лицомъ,

та же пьеса можетъ быть исполнена другимъ лицомъ, знающимъ нѣкоторыя особенности ея исполненія. Въ концѣ засѣданія исполняются всѣми присутствующими пропѣтыя отдѣльными лицами пѣснопѣнія. При этомъ члены, время отъ времени, спѣваются въ виду предстоящаго имъ какого-либо общественнаго бо́гослуженія, по приглашенію отъ кого-либо, напр., пѣть на вѣнчаніи, на погребеніи и т. п. Послѣ совѣщанія о предстоящихъ занятіяхъ въ слѣдующее собраніе, объявленіи дня слѣдующаго собранія, распорядитель закрываетъ собраніе, записывая въ тетрадь занятія собранія».

Редакція епарх. вѣдомостей съ своей стороны высказала полное сочувствіе проекту и пожеланіе успѣха доброму предпріятію. Въ послѣднее время и высшее церковное правительство озаботчено было улучшеніемъ клироснаго церковнаго пѣнія, пришедшаго въ упадокъ, и собраніемъ и сбереженіемъ древнихъ церковныхъ напѣвовъ, имѣющихъ высокія достоинства, но довольно у насъ призабытыхъ. О собраніи и сбереженіи этихъ напѣвовъ заботятся и частные любители и знатоки нашего церковнаго пѣнія. Поэтому нельзя сомнѣваться, что мысль основать общество церковно-клироснаго пѣнія съ задачами такими, какія обозначены въ проектѣ устава, заслужитъ одобреніе и поощреніе со стороны епархіальной власти, найдетъ сочувствіе въ любителяхъ церковнаго пѣнія изъ среды мірянъ. Проектъ общества уже встрѣчаетъ поддержку. Священникъ Добро-Николаевской церкви, законоучитель III кіевской гимназіи, состоящій также благочиннымъ кіево-подольскихъ церквей, готовъ поруководить начинателей дѣла въ предстоящихъ имъ стараніяхъ по разрѣшенію и открытію дѣла и даже предлагаетъ при теплой церкви своего прихода двѣ комнаты для будущихъ собраній предполагаемаго общества. Собранія эти, по полученіи разрѣшенія ихъ, начнутся конечно обсужденіемъ и окончательной выработкой проекта устава для представленія его на утвержденіе начальства.

Новое церковно-музыкальное сочиненіе. 18 декабря минувшаго года въ Москвѣ былъ данъ отъ русскаго музыкальнаго общества духовный концертъ, на которомъ хоромъ пѣвчихъ г. Сахарова было исполнено пѣніе литургіи св. Іоанна Златоустаго, сочиненія П. И. Чайковскаго, профессора московской музыкальной консерваторіи, извѣстнаго композитора многихъ серьезныхъ свѣтскихъ музыкальныхъ сочиненій, оперъ, симфоній и пр.

Надъ литургійною музыкою задумывались и трудились многіе композиторы: Березовскій, Сарти, Глинка, Варламовъ, Вер-

стовскій и др. писали или принимались писать цѣлыя литургіи. Нѣкоторые №№ изъ ихъ трудовъ извѣстны нашей публикѣ своими музыкальными красотами и полнотою внутренняго содержанія. Такова молитва Господня «Отче нашъ» Сарти. Г. Чайковскій пополняетъ собою рядъ композиторовъ, вдохновлявшихся литургіею. Запрещеніе исполнить его сочиненіе въ церкви, послѣдовавшее со стороны придворной капеллы, надѣлало много говора въ обществѣ, чѣмъ не мало способствовало извѣстности сочиненія [1]). На чемъ основывалось запрещеніе? Говорятъ, на *нецерковности* музыки. Дѣйствительно, въ сочиненіи г. Чайковскаго есть такія мѣста. Напр., аллилуія за причастнымъ стихомъ,—совершенно свѣтское по игривой формѣ и живости движенія zugetto, положительно неудобное для церкви. Нецерковнымъ характеромъ отличается богатая по музыкѣ пѣснь: «Яко до Царя всѣхъ подыземъ», съ аллилуія, сроднымъ причастному. Здѣсь мы встрѣчаемся съ неправильнымъ чтеніемъ. Басъ не поетъ, а кричитъ: «носима чинми», причемъ ударъ верхняго «ре» падаетъ на слогъ «ми», на $^1/_8$ такта, передъ паузою, при полномъ развитіи fortissimo. Басъ грѣшитъ еще въ чтеніи тѣмъ, что поетъ не «*Царя* всѣхъ», а «*всѣхъ*» подыземъ. Аллилуія, какъ тутъ, такъ и въ причастномъ, представляется мастерскою имитаціонною игрою звуковъ, при быстромъ ходѣ на мимолетныхъ встрѣчахъ межъ собою, составляющихъ пріятные для слуха аккорды, свидѣтельствующіе о рѣдкомъ умѣньѣ композитора распоряжаться звуками и ихъ дѣленіемъ, но не о ясности

[1]) По словамъ «Новостей», директоромъ придворной пѣвческой капеллы сдѣлано было распоряженіе о задержаніи напечатанныхъ экземпляровъ духовно-музыкальнаго сочиненія г. Чайковскаго, подъ названіемъ «литургія св. Іоанна Златоустаго» на томъ основаніи, что означенное сочиненіе хотя и разрѣшено къ печатанію и выпуску въ свѣтъ московскимъ духовно-цензурнымъ комитетомъ, но не было предварительно въ цензурномъ разсмотрѣніи директора капеллы, какъ бы слѣдовало на основаніи Высочайшихъ повелѣній 1816 и 1846 годовъ, которыя въ свое время распубликованы были въ полномъ собраніи законовъ. По этому поводу министерствомъ императорскаго двора возбужденъ былъ общій вопросъ о порядкѣ цензированія духовно-музыкальныхъ сочиненій, и нынѣ, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и II отдѣленіемъ, Св. Синодомъ разъяснено, что, на основаніи устава цензурнаго, разсмотрѣніе и одобреніе духовно-музыкальныхъ сочиненій, для отпечатанія и выпуска въ свѣтъ, подлежитъ вѣдѣнію духовно-цензурныхъ комитетовъ, а директору придворной пѣвческой капеллы принадлежитъ лишь право предварительнаго одобренія такихъ сочиненій, собственно для введенія ихъ въ употребленіе въ православныхъ церквахъ, на что также требуется окончательное разрѣшеніе Св. Синода.

его пониманія требованій церковныхъ, православныхъ. Неправильность чтенія текста и удареній встрѣчается у г. Чайковскаго въ этомъ сочиненіи нерѣдко. И «духови» твоему; и «паки» (грядущаго, въ Вѣрую), «нашего» въ Достойно, тамъ же «присно», «Господне» и т. под. въ другихъ мѣстахъ. Нѣкоторыя части сочиненія доказываютъ, что г. Чайковскій еще не совершенно освоился съ способомъ веденія голосовъ, такъ что, кажется, будто это сочиненіе написано для фортепіано, а не для пѣнія. Высокими басовыми и теноровыми нотами, безпрестанно повторяющимися, да еще снабженными зловѣщими для пѣвцовъ-исполнителей знаками: f, ff, fff, г. Чайковскій рѣшительно злоупотребляетъ въ ущербъ достоинству сочиненія. Но въ общемъ, въ разсматриваемомъ сочиненіи, несмотря на обиліе недостатковъ, въ родѣ указанныхъ выше, легко объясняемыхъ неопытностью композитора въ этомъ родѣ музыки, новомъ для него, все-таки высокія духовно-музыкальныя красоты преобладаютъ и даютъ любителямъ полное право ожидать отъ г. Чайковскаго въ будущемъ многаго серьезнаго.

Къ лучшимъ мѣстамъ, по простотѣ музыки и церковности характера, принадлежатъ: «Пріидите поклонимся» и «Святый Боже». Въ этихъ мѣстахъ слышится музыка родная, трогающая за сердце. Жемчужиною сочиненія можно считать «Херувимскую пѣснь» и «Достойно есть». Въ этихъ пѣсняхъ выразился завидный союзъ глубокаго вѣрующаго чувства и высокаго музыкальнаго дарованія, хотя по формѣ своей оба эти №№ совершенно чужды двумъ вышепомянутымъ. Къ числу мѣстъ, особенно удачныхъ по согласію музыки съ выражаемымъ ею текстомъ, нужно также отнести «и присно дѣвы Маріи» въ Единородный Сыне, «и страдавша и погребенна и воскресшаго въ третій день по писаніемъ. И восшедшаго на небеса». Въ пѣніи лѣваго лика (Милость мира) лучшее мѣсто—«Осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне, осанна въ вышнихъ», съ заключительною фигурою, совершенно тождественною, по случайному совпаденію вѣроятно, съ таковою же въ соч. протоіерея М. А. Виноградова. Музыка молитвы «Тебѣ поемъ», послѣ скромнаго молитвеннаго вступленія, довольно обыкновеннаго, въ дальнѣйшемъ ходѣ представляется образцомъ мастерскихъ аккордныхъ разрѣшеній, но получаетъ характеръ далеко не родной для русскаго человѣка и непривычный его церковному слуху, установившемуся издавна. («Совр. Изв»).

Изъ неизданныхъ стихотвореній А. С. Пушкина. Въ первомъ томѣ «Русскаго Архива» помѣщено нѣсколько неизданныхъ стихотвореній А. С. Пушкина. Въ ряду ихъ находится слѣдующая

Молитва.

(Переложеніе молитвы «Отче нашъ»).

Я слышалъ,—въ келіи простой
Старикъ молитвою чудесной
Молился тихо предо мной:
«Отецъ людей! Отецъ небесный!
Да имя вѣчное Твое
Святится нашими сердцами!
Да придетъ царствіе Твое!
Да будетъ воля Твоя съ нами
Какъ въ небесахъ, такъ на земли!
Насущный хлѣбъ намъ ниспошли
Твоею щедрою рукою!
И, какъ прощаемъ мы людей,
Такъ насъ, ничтожныхъ предъ Тобою,
Прости, Отецъ, своихъ дѣтей!
Не ввергни насъ во искушенья
И отъ лукаваго прельщенья
Избави насъ...»
Передъ крестомъ
Такъ онъ молился. Свѣтъ лампады
Мерцалъ чуть-чуть издалека...
А сердце чаяло отрады
Отъ той молитвы старика.

НЕКРОЛОГИ.

Василій Николаевичъ Лешковъ. 21 января скончался въ Москвѣ извѣстный профессоръ университета, одинъ изъ представителей самостоятельной русской мысли, радѣтель о пользахъ народныхъ, В. Н. Лешковъ. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія, учился въ черниговскомъ духовномъ училищѣ, въ черниговской семинаріи, затѣмъ — въ главномъ педагогическомъ институтѣ. Окончивъ блистательно курсъ въ 1833 году, покойный былъ отправленъ за границу и по возвращеніи оттуда занялъ каѳедру въ московскомъ университетѣ. Василій Николаевичъ былъ цѣльнымъ человѣкомъ,— всю жизнь былъ крѣпко охваченъ одними и тѣми же началами, и въ сочиненіяхъ, и на каѳедрѣ, и въ зем-

скомъ собраніи, и съ кресла предсѣдателя юридическаго общества, отстаивая наше самоуправленіе, требуя для него самостоятельности. Покойный отличался широкимъ образованіемъ и многостороннею ученостью. Онъ началъ свою ученую карьеру обстоятельнымъ изслѣдованіемъ въ области исторіи международныхъ отношеній, но большую часть жизни посвятилъ русскому народу, его печалямъ и радостямъ въ прошломъ, его надеждамъ на счастливое недалекое будущее. Въ 1858 году, на свѣтломъ рубежѣ двухъ эпохъ, вышелъ главный трудъ Василія Николаевича: «*Русскій народъ и государство*», исторія русскаго общественнаго права до XVIII вѣка. Это сочиненіе, на которое часто дѣлались нападенія, внесло живую струю въ изученіе нашей исторіи. «Государство новой исторіи, говоритъ покойный профессоръ, не есть только форма жизни, сосудъ жизни, а сама жизнь и духъ, сила и дѣятельность». Отдавая полную справедливость великому значенію личности, Василій Николаевичъ настойчиво указывалъ на необходимость сильнаго развитія общественности. Онъ горячо отстаивалъ русскій «міръ» и русскую артель, права частныхъ лицъ и обществъ, которыя должны быть неприкосновенны для государства. Въ реформахъ нынѣшняго царствованія онъ съ восторгомъ видѣлъ возрожденіе народнаго духа, выбившагося изъ-подъ гнета западно-европейскаго вліянія. При первой же возможности онъ вступилъ въ число гласныхъ московскаго губернскаго и богородскаго уѣздныхъ собраній, и не смотря на преклонный возрастъ, принималъ самое живое участіе во всѣхъ дѣлахъ этихъ собраній. Земская дѣятельность покойнаго профессора мало кому извѣстна. Скромный по природѣ, Василій Николаевичъ не гнался за эффектомъ, не прибѣгалъ къ громкой фразѣ не щеголялъ рѣчами; въ земскомъ дѣлѣ онъ искалъ не личнаго отличія, а дѣйствительной общей пользы. Искренно любя народъ, онъ останавливалъ свое особенное вниманіе на тѣхъ вопросахъ, которые наиболѣе затрогиваютъ интересы народа, интересы массы. Народное образованіе имѣло въ немъ горячаго поборника. Въ скромной роли члена уѣзднаго училищнаго совѣта, онъ честно послужилъ народной школѣ; посѣщая сельскія училища, любимый студентами профессоръ, своимъ теплымъ и симпатичнымъ отношеніемъ къ учащимся снискалъ себѣ любовь и крестьянскихъ дѣтей—школьниковъ. Какъ гласный губернскаго земскаго собранія, онъ съ особымъ интересомъ относился къ двумъ важнымъ отраслямъ земскаго хозяйства — къ общественному призрѣнію и народному продовольствію, надъ разработкою

которыхъ онъ не переставалъ трудиться. Покойный много силъ, душу свою полагалъ на общество. Онъ умеръ завидною смертью, до конца работая, до конца отзываясь на вопросы науки и на запросы жизни.

Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій. 21 минувшаго января въ Москвѣ умеръ одинъ изъ замѣчательныхъ нашихъ писателей — беллетристовъ сороковыхъ годовъ А. Ѳ. Писемскій. Историческій романъ «Массоны», явившійся въ печати въ прошломъ году, былъ послѣднимъ произведеніемъ покойнаго. Литературная его дѣятельность началась въ 1847 году повѣстью «Боярщина». За этимъ произведеніемъ послѣдовалъ длинный рядъ другихъ («Тысяча душъ», «Горькая судьбина», «Плотничья артель» и мн. др.), до извѣстной степени отражавшихъ въ себѣ духъ и направленіе той литературной школы, къ которой въ началѣ принадлежалъ покойный, школы такъ называемыхъ западниковъ. Во главѣ этой школы съ 40—50-хъ годовъ стояли—И. С. Тургеневъ и Д. В. Григоровичъ, подъ вліяніемъ западно-европейскихъ идей обратившіеся къ изученію русской народной жизни и введшіе, такъ сказать, народъ въ салоны русской литературы. А. Ѳ. Писемскій занялъ одно изъ лучшихъ мѣстъ подлѣ нихъ, хотя далеко не во всѣхъ отношеніяхъ раздѣлялъ взгляды и тенденціи западниковъ. Даже напротивъ; не смотря на свое университетское образованіе, и нѣсколько позднѣе, не смотря на свое личное и непосредственное знакомство съ Европою, которую онъ посѣтилъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, Писемскій былъ и остался почвенникомъ, непосредственнымъ русскимъ человѣкомъ, со множествомъ національныхъ предразсудковъ. Онъ былъ личностью необыкновенно оригинальною, чисто русскою; въ немъ все поражало своеобразностью, начиная съ его типической наружности и костромскаго говора и кончая особеннымъ юморомъ и особеннымъ складомъ ума и характера. Знакомство съ Европою не только не примирило его съ условіями европейской жизни, но даже оттолкнуло его, и въ Европѣ онъ еще болѣе чувствовалъ себя русскимъ человѣкомъ, чѣмъ въ самой Россіи. Такимъ образомъ, его произведенія изъ народной жизни не были результатомъ какой-либо теоріи, взятой напрокатъ изъ Европы, а естественно вылились, какъ потребность натуры. Эта потребность заставляла его не только изучать народъ, но и любить его, а потомъ—дѣлать его героемъ своихъ литературныхъ произведеній и воспроизводить типы и характеры, изученные имъ въ дѣйствительности. Нѣкоторыя его бытовыя картины и жиз-

ненные образы навсегда останутся образцовыми, поражая своею яркостью и правдой. Въ ряду талантовъ сороковыхъ годовъ Писемскій, во всякомъ случаѣ, занимаетъ одно изъ самыхъ выдающихся мѣстъ, и если его произведенія не пользуются въ наши дни особеннымъ успѣхомъ, то въ блестящій періодъ дѣятельности покойнаго,—отъ 1850 до 1863 годовъ,—онъ былъ однимъ изъ любимѣйшихъ и популярнѣйшихъ романистовъ и соперничалъ съ Тургеневымъ, Гончаровымъ, Достоевскимъ и Львомъ Толстымъ.

Константинъ Андреевичъ Тонъ. 25 минувшаго января скончался въ Петербургѣ маститый строитель храма Спасителя въ Москвѣ, профессоръ архитектуры Константинъ Андреевичъ Тонъ,—великій художникъ, которому мы обязаны возрожденіемъ русской архитектуры, до него у насъ не существовавшей. Еще въ молодости, живя въ Италіи для усовершенствованія въ архитектурѣ, К. А. Тонъ уже пріобрѣлъ громкую извѣстность европейскаго художника и глубоко-ученаго зодчаго. Возвратившись въ Россію, энергическій художникъ не почилъ на лаврахъ, но считалъ свою задачу далеко не выполненною. Самобытность — душа художника—составляла отличительную черту К. А—ча и не замедлила осязательно проявить себя. Молодой зодчій видалъ на своей родинѣ много капитальныхъ и монументальныхъ зданій, но всѣ они казались ему какъ бы перенесенными изъ разныхъ городовъ Европы, въ особенности изъ Италіи, или цѣликомъ срисованными, не имѣющими ничего самобытнаго — національнаго чтобы могло составлять гордость такой великой страны, какъ Россія, и отвѣчало бы вполнѣ народному духу. Задавшись такою идеею, художникъ остановилъ свой взоръ на древнихъ памятникахъ зодчества въ Россіи, и съ горячею любовію къ своему искусству и съ такимъ же пыломъ принялся за ихъ изученіе. Въ нѣсколько лѣтъ работы усплія великаго и проницательнаго зодчаго увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ. Первымъ опытомъ новаго, своеобразнаго стиля церковной архитектуры явилась выстроенная Тономъ церковь св. Екатерины у Калинкина моста, поразившая всѣхъ своею оригинальностью и полною самобытностью въ архитектурѣ, въ древне-русскомъ стилѣ, забытомъ уже нѣсколько вѣковъ. Изъ глубокой древности геній зодчаго вызвалъ, во всей художественной свѣжести и силѣ, древнее русское зодчество и вполнѣ возстановилъ его. Художникъ открылъ всѣмъ, что у насъ существовало нѣкогда національное русское искусство

и что оно можетъ не только существовать, но что ему предстоитъ великое будущее.

Всю свою жизнь художникъ шелъ неизмѣнною стезею, указанною ему его геніемъ, и всю свою жизнь посвятилъ на служеніе своему національному искусству. Съ тридцатыхъ годовъ имъ совершались постройка за постройкою, сооруженіе за сооруженіемъ, въ возрожденномъ русскомъ стилѣ, — впослѣдствіи къ которому прибавили слово: «тоновскій». Назовемъ еще нѣкоторыя изъ церковныхъ сооруженій Тона. Въ С.-Петербургѣ къ главнымъ постройкамъ Тона, и замѣчательнымъ по архитектурѣ, принадлежитъ Благовѣщенская церковь (на Конно-Гвардейскомъ бульварѣ), Михаила Архангела (въ Коломнѣ), Введенія (противъ вокзала царскосельской дороги) лейбъ-гвардіи егерскаго полка (на Обводномъ каналѣ); церковь академіи художествъ; на Аптекарскомъ островѣ, противъ Ботаническаго сада, церковь Преображенія Господня; металлическій шпицъ Петропавловскаго собора построенъ также по проекту Тона (техническія работы подъ наблюденіемъ Тона производилъ инженеръ Журавскій). Въ провинціяхъ Россіи мы найдемъ постройки покойнаго профессора, или произведенныя имъ самимъ, или по его проектамъ, въ Саратовѣ, Новгородѣ, Царскомъ-Селѣ, Петергофѣ, на Кавказѣ (церковь для Ачуевскаго укрѣпленія), въ Ельцѣ, въ Сибири, и въ другихъ городахъ Россіи. Въ Москвѣ, между прочими постройками (кремлевскій дворецъ, оружейная палата, малый театръ и др.) Тону принадлежитъ возобновленіе Ивана Великаго, церковь двѣнадцати апостоловъ, церковь во имя царевича св. Іоасафа (въ селѣ Измайловѣ), колокольня Симонова монастыря,—одна изъ высочайшихъ построекъ въ Россіи, — и наконецъ, одна изъ величайшихъ и капитальнѣйшихъ построекъ въ мірѣ, въ память 1812 года и избавленія отъ нашествія непріятеля, храмъ Христа Спасителя. Надъ сооруженіемъ этого храма К. А. Тонъ потрудился полстолѣтія. Къ глубочайшему горю покойнаго зодчаго, ему не было суждено видѣть совершенно законченнымъ свое гигантское сооруженіе. У творца храма не хватило жизни на нѣсколько мѣсяцевъ (предстоящею осенью назначено освященіе храма). Въ послѣдній разъ онъ былъ въ Москвѣ минувшей осенью,—причемъ ему устроена была такая овація, которой немногимъ можетъ быть въ жизни доведется быть свидѣтелемъ. Москвичи всегда, когда только посѣщалъ ихъ знаменитый строитель, встрѣчали его съ восторгомъ; на этотъ же разъ встрѣтили его съ криками—ура! и колокольнымъ звономъ...

Покойный профессоръ былъ и замѣчательнымъ математикомъ, и образцовымъ техникомъ, вѣрно и точно дѣлавшимъ всѣ свои разсчеты. Никогда, ни съ одной его постройкою, не случалось несчастія, какъ это бываетъ часто и у первоклассныхъ архитекторовъ. Достаточно бывало ему взглянуть на постороннюю постройку, чтобы сразу замѣтить ея достоинства и недостатки. Для доказательства справедливости сказаннаго вотъ одинъ случай, не лишенный интереса. Въ шестидесятыхъ годахъ, въ Петербургѣ, одинъ архитекторъ строилъ церковь (въ Колтовской, ц. Спаса). Происходила уже внутренняя отдѣлка храма. Молодой архитекторъ отправляется къ К. А. Тону и приглашаетъ послѣдняго взглянуть на его сооруженіе. Тонъ, съ всегдашнею своею любезностію, согласился. Когда они оба вошли въ церковь, и только-что Тонъ взглянулъ въ куполъ, гдѣ кипѣла работа маляровъ и штукатуровъ, какъ быстро повернулся къ молодому архитектору и сказалъ: «Куполъ-то у тебя провалится; онъ даже скоро провалится, такъ что небезопасно входить въ церковь, слѣдуетъ прекратить работы; не стоитъ отдѣлывать церкви». Молодой архитекторъ думалъ, что это сказано въ шутку, но, вспомнивъ, что Тонъ никогда не шутитъ, спросилъ его: «Какъ же это можетъ произойдти, когда нигдѣ нѣтъ ни одной трещинки?»

— «Это ничего не значитъ; плохо разсчитано, и куполъ провалится. Пойдемъ»!... добавилъ К. А. Тонъ и вышелъ изъ церкви, въ сопровожденіи пригласившаго его. Это было вечеромъ. Молодой архитекторъ былъ приглашенъ профессоромъ къ себѣ на дачу (на островахъ), гдѣ и ночевалъ въ гостяхъ у К. А. Тона, забывъ то, что минутно взволновало его наканунѣ.

Утромъ вмѣстѣ, гость и хозяинъ, поѣхали въ городъ на работы. Путь лежалъ имъ черезъ Петровскій островъ.

Когда они поравнялись съ Колтовскою, то Тонъ, взглянувъ въ окно кареты, посмотрѣлъ по направленію къ Колтовской и спокойно, обратившись къ своему спутнику, сказалъ: «Шапку-то, братъ, потерялъ, я вѣдь говорилъ—провалится»!...

Каковъ же былъ ужасъ молодаго архитектора, когда онъ, взглянувъ въ окно, увидѣлъ только небольшіе четыре боковые куполка, а центральнаго какъ не бывало...

Съ тридцатыхъ годовъ, параллельно съ своею строительною дѣятельностью, К. А. Тонъ дѣйствовалъ въ академіи неутомимо, дѣятельно, на педагогическомъ поприщѣ. Въ продолженіе почти сорока лѣтъ, Тонъ былъ профессоромъ архитектуры, образцовымъ преподавателемъ и около двадцати лѣтъ профессоромъ и съ тѣмъ

вмѣстѣ ректоромъ академіи художествъ. Въ академіи онъ имѣлъ громадное вліяніе на развитіе нѣсколькихъ поколѣній учащихся, создалъ національную школу зодчества и увлекъ за собою цѣлую плеяду послѣдователей. Явились даровитые образованные имъ ученики: Горностаевъ, построившій новую церковь и корпуса въ Троицко-Сергіевской лаврѣ близъ Стрѣльны, Резановъ, теперешній ректоръ академіи и строитель храма Спасителя въ Москвѣ (онъ прежде былъ помощникомъ по этому сооруженію — Тона), Гартманъ и пр. Благодаря покойному Тону, теперь на всемъ пространствѣ русской земли воздвигнуты и воздвигаются храмы и другія сооруженія въ національно-русскомъ стилѣ послѣдователями только что сошедшаго въ могилу великаго художника.

Наѳанаилъ Петровичъ Соколовъ. 16 января скончался въ Самарѣ живший тамъ въ отставкѣ заслуженный профессоръ казанской духовной академіи Н. П. Соколовъ. По словамъ «Церковнаго Вѣстника», покойный завѣщалъ *сорокъ тысячъ рублей* на студенческія стипендіи во всѣ четыре духовныя академіи, съ распредѣленіемъ этой суммы поровну между ними. Это столь значительное пожертвованіе увѣковѣчитъ имя покойнаго въ благодарной памяти всѣхъ академій. Служа въ каз. академіи, Н. П—чъ издалъ переводъ (съ нѣмецкаго) «Церковной исторіи» Гассе. Ему-же принадлежитъ русскій переводъ сочиненія графа Д. А. Толстаго «Римскій католицизмъ въ Россіи», написаннаго на французскомъ языкѣ.

Михаилъ Ивановичъ Смоленскій, приватъ-доцентъ по каѳедрѣ метафизики въ С.-Петербургской духовной академіи.. 4-го января 1881 года скончался одинъ изъ нашихъ товарищей и друзей М. И. Смоленскій, въ теченіи четырехъ лѣтъ съ честью занимавшій одну изъ наиболѣе трудныхъ преподавательскихъ спеціальностей въ академіи—каѳедру метафизики. Покойному было 33 года... Жизнь его представляла не длинный, но печальный, тернистый путь, какимъ идутъ многіе изъ насъ. Одаренный отъ природы богатыми способностями, нѣжной и крайне воспріимчивой организаціей, Михаилъ Ивановичъ съ ранняго дѣтства поставленъ былъ въ тѣ условія, въ какихъ обыкновенно ростутъ и развиваются дѣти-поповичи. Ребенокъ-сирота при матери, школьникъ, оставленный на попеченіе «чужихъ людей»—на произволъ всяческихъ образовательно-воспитательныхъ «случайностей», встрѣчающихъ и провожающихъ человѣка подчасъ «словомъ-лаской» привѣтливой матери, подчасъ и «черной злобой» лихой змѣи-мачихи, смотря потому, чѣмъ поталанитъ, что на долю выпадетъ,—семинаристикъ, затѣмъ,—проходящій одну пре-

мудрость за другою, въ порядкѣ, узаконенномъ казеннымъ положеніемъ, искушающій «всяческая», что способно забивать или развивать (опять, смотря потому, какой случай выпадетъ) умъ насчетъ всѣхъ остальныхъ душевныхъ способностей,—наконецъ, юноша-студентъ и лучшій кандидатъ академіи...: вотъ внѣшній распорядокъ жизни покойнаго, его несложный curriculum vitae до выхода въ свѣтъ—въ жизнь. Какъ все просто тутъ и какъ однакожъ трудно пройти чрезъ всѣ эти внѣшнія рубрики, остаться цѣлымъ и твердо, не колеблясь войти въ жизнь, взяться за то дѣло, которое она укажетъ! Жизнь неумолима, она не принимаетъ оправданій, не знаетъ отговорокъ, ей нѣтъ дѣла до того, какую школу прошелъ человѣкъ, съ чѣмъ, съ какимъ содержаніемъ, съ какими духовными силами явился къ ней: она ставитъ свои запросы, а принять ихъ и такъ или иначе отвѣтить, сдаться сразу, или устоять твердо въ борьбѣ — всецѣло предоставлено человѣку. Такъ всегда бываетъ, такъ было и съ покойнымъ Михаиломъ Ивановичемъ... Онъ вышелъ изъ школы, изъ академіи, и сразу долженъ былъ испытать, что школа — не жизнь, что если въ школѣ было много такого, что тяжело отзывалось на характерѣ и общемъ душевномъ настроеніи, то все это были лишь «цвѣтки» въ сравненіи съ тѣмъ, что на первыхъ же порахъ приходится извѣдать человѣку въ жизни... Обладавшій замѣчательнымъ философскимъ складомъ ума, все время—и въ семинаріи, и въ академіи—занимавшійся главнымъ образомъ отвлеченными философскими вопросами, Михаилъ Ивановичъ тотчасъ же по окончаніи курса долженъ былъ, по крайней мѣрѣ на время, разстаться съ своими любимыми занятіями, долженъ былъ засѣсть за латинскаго Кюнера, чтобы обучать мертвой грамотѣ харьковское духовное юношество. Не легко было покойному помириться съ этимъ, и еще труднѣе удовольствоваться «мирнымъ житіемъ» семинарской учительствующей братіи. Для этого онъ вовсе не годился ни по складу ума, ни по своему характеру, еще не установившемуся, какъ еще не извѣдавшему настоящаго житейскаго закала, ни по темпераменту, а начать *свою* жизнь, обособиться, установить себя въ кругу своихъ личныхъ, умственныхъ интересовъ—не дозволяла молодость, чувства, не хватало силы воли. И вотъ началась «безшабашная жизнь», какъ онъ самъ говорилъ, въ Харьковѣ, послѣдовали увлеченія, изъ которыхъ одно было серьезнѣе другихъ и, повидимому, могло составить счастіе для его жизни, но... несчастье уже началось, а продолженіе не заставило себя ждать. Два года онъ пробылъ въ

Харьковѣ, потомъ перешелъ въ Петербургскую академію и, казалось, взялся за то дѣло, къ которому болѣе всего тяготѣла его душа. Съ энергіей и увлеченіемъ покойный взялся за работу... Легко сказать—*читать метафизику*, читать такую науку, которая и самой нѣметчинѣ оказывается несовсѣмъ подъ силу! Къ тому же, при критическомъ складѣ ума и при честномъ, молодомъ отношеніи къ дѣлу, Мих. Ив. не хотѣлъ и не могъ оставаться въ «почтительномъ служеніи» у кого бы то ни было, а тѣмъ болѣе у «господъ нѣмцевъ»: онъ искалъ и добивался своего, хотѣлъ сдѣлать хоть что нибудь въ той области знанія, для которой у насъ не сдѣлано ровно ничего. Тяжелое положеніе, работа чуть ли не «сизифовская», но молодости все подъ силу и безъ сомнѣнія покойный Мих. Ив. добился бы своей цѣли, еслибы «горе-злосчастье» не ударилось по пятамъ за нимъ. Всецѣло сосредоточиться на предметѣ своихъ занятій, жить въ немъ и только имъ было невозможно, да и не такова была натура покойнаго, не таковы были и наклонности, заложенныя въ нее школой. Въ натурѣ его рѣзко выступало нѣчто двойственно-фаустовское, нѣчто такое, что Гете выразилъ въ знаменитыхъ строкахъ:

«Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust,
Die eine will sich von der andern trennen;
Die eine hält, in derber Liebeslust,
Sich an die Welt, mit Klammernden Organen;
Die andre hebt gewaltsam sich von Dust
Zu den Gefilden hoher Ahnen»... [1])

Натура покойнаго была широкая,—ему нуженъ былъ просторъ, общество, люди, хотя бы для того, чтобы жить и волноваться, любить и ненавидѣть. Но... гдѣ найти людей, гдѣ общество, въ которомъ можно было бы освѣжиться, отвести душу, высказаться, вздохнуть свободно? Увы!.. корпорація академическая такъ сложилась, что все общеніе между ея членами сводится къ однимъ чисто внѣшнимъ, формальнымъ отношеніямъ, особенно для молодежи, которая стоитъ и должна стоять совер-

---

[1]) Двѣ души во мнѣ слилися тѣсно
И каждый мигъ враждуютъ межь собой:
Одна полна любви къ земной юдоли
И вся горитъ огнемъ страстей,
Другая рвется къ лучшей долѣ —
Къ небесной родинѣ своей... (Faust, Scen. II).

шенно особнякомъ, въ качествѣ непризнанной *пока* интеллигенціи, въ качествѣ чего-то существующаго лишь въ потенціи будущаго. А внѣ этой корпораціи человѣку, только что начавшему жить и сосредоточенному исключительно на интересахъ мысли—чего искать, и гдѣ искать?! Жить все-таки хочется, до страсти хочется, и вотъ гдѣ истинная причина тѣхъ явленій въ жизни покойнаго Михаила Ивановича, которыя людямъ, умѣющимъ судить и осуждать по внѣшности, казались ненормальностями. Думалъ было онъ установиться твердо, осѣсть, какъ говорится, въ положеніи хозяина и семьянина, зажить... ну, по крайней мѣрѣ, жизнью покойнаго буржуа и, оказалось—окончательно сгубилъ себя. Къ концу перваго же года семейной жизни у него оказались зловѣщіе признаки ужасной болѣзни, а къ осени прошлаго года онъ уже былъ близокъ къ концу... Въ какомъ положеніи находился въ это время несчастный Михаилъ Ивановичъ, оставшійся положительно безъ всякихъ средствъ къ жизни, въ душной комнатѣ (рядомъ съ кухней и безъ форточки) въ полтора аршина ширины и пять длины, показываютъ слѣдующія строки его письма, полученнаго нами недѣли за двѣ до его поступленія въ клинику (благодаря сжалившемуся надъ нимъ доктору г. Соколову), — онъ писалъ намъ: «теперь я ко всему равнодушенъ, знаю и вижу свой конецъ. Чрезъ двѣ недѣли я буду бѣднѣе нищаго, потому что просить не буду, а работать не могу... Мозги сохнутъ, въ душѣ темный хаосъ, въ которомъ различимы только чувства постояннаго отчаянія и безсилія»... Академическая эмеритальная касса оказала ему денежное пособіе, но было поздно: онъ находился уже въ клиникѣ и надъ его кроватью красовалась надпись, смыслъ которой былъ ясенъ...

Несчастный при жизни, покойный Михаилъ Ивановичъ какъ будто ожилъ въ день своихъ похоронъ. День былъ морозный, но свѣтило ясное солнышко. Въ церкви медицинской академіи собрались товарищи покойнаго, наставники академіи и нѣсколько студентовъ, отстояли обѣдню, отпѣванье и вмѣстѣ съ достоуважаемымъ ректоромъ І. Л. Янышевымъ, сказавшимъ прекрасное, глубоко-прочувствованное слово, проводили его до самой могилы на Большой Охтѣ. Никого изъ родныхъ не было позади гроба покойнаго, но всѣ провожавшіе его — его друзья и товарищи—какъ будто слились въ одномъ чувствѣ глубокаго уваженія къ нему,—о смерти не было и рѣчи, глядя на его гробъ всѣмъ казалось, что не смерть тутъ, а жизнь, покой для человѣка, такъ много страдавшаго. Вблизи кладбища навстрѣчу вы-

шелъ одинъ изъ самыхъ близкихъ товарищей покойнаго, священникъ А. Я. Перовъ, въ полномъ священническомъ облаченіи и проводилъ до могилы, которая также оказалась на самомъ лучшемъ мѣстѣ—на пригоркѣ, на солнышкѣ, вблизи того мѣста, гдѣ предполагается построить церковь. Послѣ похоронъ товарищи и друзья покойнаго собрались въ квартирѣ достопочтеннаго настоятеля Охтенской церкви о. протоіерея Ф. Е. Богоявленскаго, который близко зналъ его, и совершенно неожиданно устроились такіе сердечные поминки, какихъ уже конечно никакіе родные не могли бы устроить для него. Начали самой дружеской, искренно-сердечной бесѣдой о покойномъ, перешли затѣмъ къ вопросамъ, касающимся молодежи, къ которой онъ принадлежалъ, и что-то единодушно общее, живое и сильное прозвучало въ тонѣ, оживило, наэлектризовало всѣхъ. Всѣмъ казалось, что покойный тутъ же, въ этомъ молодомъ кружкѣ, что и онъ также бесѣдуетъ, что онъ неодинокъ и не страдаетъ больше...

Отъ общества вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ С.-Петербургской духовной академіи.—О приходѣ и расходѣ денежныхъ суммъ общества за декабрь мѣсяцъ 1880 г. А. Приходъ. 1. *Двѣсти* (200) рублей отъ редакціи «Христіанскаго Чтенія». 2. *Тридцать одинъ* рубль отъ пожизненнаго члена, вдовы тайнаго совѣтника В. Лукьяновичъ (единовременно). 3. *Двадцать пять* рублей отъ преосвящ. Владиміра, еп. Ковенскаго, членскій взносъ за 1880—81 годъ. 4. *Десять* рублей, членскіе взносы за 1880—81 годъ: а) отъ протоіерея почтамтской церкви (въ Спб.) И. С. Цвѣткова; б) смотрителя Александро-Невскаго дух. учил., свящ. В. Г. Гуляева; в) свящ. правосл. церкви въ Иромѣ Ѳ. Н. Кардассевича; г) жены потомств. поч. гражданина М. Я. Глазовой. 5. *Десять* рублей, членскіе взносы за 1881—82 годъ: а) отъ прот. почтамтской церкви И. С. Цвѣткова; б) законоучителя харьк. гимназіи прот. П. А. Солнцева. 6. *Десять* рублей, отъ члена арх. П. (единовременно). 7. *Десять* рублей, отъ пожизненнаго члена, содержащаго студенческое общежитіе за № 2-мъ, на улучшеніе пищи студентовъ этого общежитія во время рождественскихъ праздниковъ. 8. *Восемь р. пятьдесятъ к.* отъ пожизненнаго члена, прот. П. І. Никитскаго на обувь студенту. 9. *Шесть* рублей, членскій взносъ за 1880—81 годъ: а) отъ настоятеля Петропавловскаго собора (въ Спб.) А. Як. Братоновича; б) прот. Вознесенской ц. (въ Спб.) І. Ант. Соболева; в) свящ.

Скорбященской ц. (въ Спб.) Н. Гр. Георгіевскаго; г) священн. Христорождественской цер. (въ Спб.) П. Ив. Кедрова; д) свящ. Крестовоздвиженской ц. (въ Спб.) М. П. Кедрова; е) свящ. Нарвскаго собора П. Ѳ. Іовлева. 10. *Шесть* рублей членскій взносъ за 1879—80 годъ отъ члена духовно-учебнаго комитета А. В. Добрякова. 11. *Шесть* рублей: а) отъ пожизненнаго члена, прот. П. І. Никитскаго единовременно и б) отъ неизвѣстнаго, черезъ протоіерея П. І. Никитскаго. 12. *Шесть* рублей, членскій взносъ за 1881—82 годъ отъ крестьянина Арханг. губ. Ив. А. Пышкина. 13. *Три* рубля, отъ неизвѣстнаго, единовременно. На рождественскіе праздники Н. П. Завулонскимъ, студентамъ, живущимъ въ квартирахъ отъ общества, пожертвовано пять фунтовъ чаю и голова сахару.

Б. Расходъ. 1. На ежемѣсячное пособіе студентамъ роздано четыреста семьдесятъ шесть рублей. 2. Единовременно дано сорокъ два рубля. 3. За обувь студенту уплачено восемь рублей пятьдесятъ к. 4. На нужды по двумъ студенческимъ общежитіямъ употреблено пятьдесятъ три рубля сорокъ пять к.

Членскіе взносы и всѣ пожертвованія могутъ быть высылаемы на имя: 1) о. предсѣдателя р. комитета прот. Петра Іосифовича Никитскаго (Владимірская улица, церк. домъ); 2) казначея общества прот. Александра А. Желобовскаго (Захарьевская улица, домъ № 20) и 3) г. инспектора дух. академіи Ивана Ѳедоровича Нильскаго (въ зданіи дух. академіи).

ЦЕРКОВНО-ОФФИЦІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

— Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на предоставленіе читинскому духовному правленію права производить судоговоренія по бракоразводнымъ дѣламъ.

— Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на переименованіе: 1) Нижнеломовской женской общины, пензенской епархіи, въ общежительный женскій монастырь; 2) Тулиновской женской общины, Тамбовскаго уѣзда, въ общежительный св. Софіи монастырь.

— Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на дозволеніе: 1) протоіерею кронштадтской морской Богоявленской церкви Іоанну **Цвѣткову** принять и носить *золотой наперсный крестъ съ украшеніями*, подносимый ему прихожанами въ знакъ признательности за долговременное и полезное служеніе его при упомянутой церкви; 2) протоіерею церкви с. Вязовки, вольскаго уѣзда, Алексію **Софинскому** принять и носить *сребропозлащенный наперсный крестъ съ драгоцѣнными украшеніями*, подносимый ему прихожанами означенной церкви, въ выраженіе признательности за 40 лѣтнее прохожденіе имъ должности учителя въ вязовской сельской школѣ; 3) протоіерею Успенскаго собора г. Дмитрова Павлу **Богоявленскому** принять и носить *золотой наперсный крестъ съ драгоцѣнными украшеніями*, подносимый ему дмитровскимъ городскимъ обществомъ, въ выраженіе признательности за долголѣтнюю пастырскую службу его при означенномъ соборѣ и 25-тилѣтніе труды въ должности законоучителя въ дмитровскомъ уѣздномъ училищѣ; 4) протоіерею московской Николаевской, въ Толмачахъ, церкви Василію **Нечаеву** принять и носить *золотой съ драгоцѣнными украшеніями наперсный крестъ*, который прихожане означенной церкви намѣрены поднести ему, по случаю исполнившагося 12 октября 1880 г. 25-ти-лѣтія служенія сего протоіерея при помянутой церкви и въ знакъ глубокаго уваженія и при-

знательности за его примѣрную жизнь и истинно пастырскую заботливость о духовныхъ нуждахъ своихъ прихожанъ.

— Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на награжденіе діакона Александро-невской церкви при гатчинскомъ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ Ѳеодора **Студійскаго** *орденомъ св. Анны 3-й ст.*, за долговременную примѣрно-ревностную и полезную службу его въ должности законоучителя въ младшихъ классахъ сего института, а также и въ гатчинской женской гимназіи.

— Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на награжденіе 1) орденомъ *св. Владиміра 4-й степени* протоіереевъ церквей: Входоіерусалимской города Великихъ Лукъ, Григорія **Кудрявцева**, Николовешняковской, города Казани, Андрея **Ласточкина**, Троицкой, Норскаго посада, ярославскаго уѣзда, Іоанна **Немірова**, с. Рудницкаго, ольгопольскаго уѣзда, Аѳанасія **Ярошевича** и священниковъ церквей: Тихвинскаго женскаго монастыря г. Цивильска, Капитона **Подобѣдова**, с. Слудскаго, орловскаго уѣзда, вятской епархіи, Ѳедора **Зубарева**, с. Маркушъ, литинскаго уѣзда, Филипа **Петрусевича** и с. Немичинецъ, проскуровскаго уѣзда, Ѳеодосія **Андрусѣвича**, по случаю исполнившагося 50-ти-лѣтія служенія: Кудрявцева въ духовномъ вѣдомствѣ, а Ласточкина, Немірова, Ярошевича, Подобѣдова, Зубарева, Петрусевича, и Андрусѣвича въ священномъ санѣ; 2) Діакона церкви села Святицкаго, глазовскаго уѣзда, Александра **Кокорева** по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія отлично-усердной и безпорочной службы его въ діаконскомъ санѣ, орденомъ *св. Анны 3-й ст.*

— Государь Императоръ, въ ноябрѣ и декабрѣ минувшаго года, Высочайше соизволилъ на учрежденіе: 1) въ балашевскомъ духовномъ училищѣ, на проценты съ пожертвованнаго протоіереемъ варшавскаго каѳедральнаго собора Никитою Горизонтовымъ, за коноучителемъ 1-й варшавской женской гимназіи, священникомъ Тихономъ Горизонтовымъ и вдовою Дарьею Поляковою капитала въ 4,000 р., трехъ стипендій имени родителей сихъ лицъ Алексія и Евдокіи Аркадакскихъ, 2) въ ливенскомъ духовномъ училищѣ, на проценты съ пожертвованнаго преосвященнымъ Іереміею, бывшимъ епископомъ нижегородскимъ, капитала въ 1,600 руб., стипендіи имени покойнаго митрополита с.-петербургскаго Григорія; 3) въ екатеринославскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ стипендіи имени основателя сего училища, покойнаго преосвященнаго Платона, бывшаго епископа екатеринославскаго, на проценты съ пожертвованнаго для сего духовенствомъ и дворянствомъ Екатеринославской губерніи капитала въ 1,700 р.

4) стипендій Августѣйшаго Имени Его Императорскаго Величества: а) въ новгородской духовной семинаріи одной стипендіи на имѣющіе ежегодно поступать въ правленіе этой семинаріи изъ неокладныхъ суммъ хутынскаго монастыря 110 руб. и б) въ духовныхъ училищахъ: новгородскомъ, старорусскомъ, тихвинскомъ, боровичскомъ, кирилловскомъ, устюжскомъ и бѣлозерскомъ и въ женскихъ училищахъ державинскомъ и деревяницкомъ, также по одной стипендіи въ каждомъ изъ сихъ училищъ, на проценты съ капитала въ 8,792 руб. 43 к., пожертвованнаго монастырями и церквами, а также монашествующимъ и бѣлымъ духовенствомъ новгородской епархіи, въ ознаменованіе совершившагося двадцатипятилѣтія царствованія Государя Императора.

— Учебный Комитетъ при Св. Синодѣ, принимая во вниманіе существенную важность знанія русскаго языка какъ вообще въ системѣ образованія отечественнаго юношества, такъ и въ частности въ образованіи духовнаго юношества, предназначаемаго къ учительству въ церкви и въ школахъ, и въ виду недостаточныхъ успѣховъ по сему предмету, зависящихъ между прочимъ отъ скудности времени, назначеннаго уставомъ на русскій языкъ въ духовныхъ училищахъ, призналъ необходимымъ увеличить число уроковъ въ IV классѣ училища, гдѣ положенъ только одинъ урокъ для русскаго языка. Затѣмъ, соображая количество уроковъ по другимъ предметамъ, а равно и штатное число преподавателей, Комитетъ нашелъ возможнымъ, безъ измѣненія штата, отдѣлить три урока отъ греческаго языка и, перенесши оные на русскій языкъ, назначить для сего послѣдняго, вмѣсто одного урока, четыре въ IV классѣ училищъ. Независимо отъ сего, Комитетъ призналъ цѣлесообразнымъ, въ видахъ возвышенія знанія русскаго языка въ духовныхъ училищахъ, подтвердить учителямъ сего предмета строго руководиться указаніями Комитета какъ относительно преподаванія русскаго языка, такъ и относительно письменныхъ упражненій. Учителямъ же другихъ предметовъ и особенно учителямъ классическихъ языковъ рекомендовать наблюдать за правильностію русской рѣчи въ устныхъ отвѣтахъ, въ переводахъ и въ письменныхъ упражненіяхъ воспитанниковъ. При такой дружной заботливости всѣхъ преподавателей о правильности и чистотѣ роднаго языка можно надѣяться на скорый подъемъ уровня знаній по сему важному предмету. Заключеніе Учебнаго Комитета утверждено Св. Синодомъ и для сообщенія, къ надлежащему исполненію, правленіямъ духовныхъ училищъ,

объявлено епархіальнымъ преосвященнымъ установленнымъ порядкомъ.

— Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на измѣненіе установленнаго порядка выборовъ кандидатовъ на вакансіи смотрителей и ихъ помощниковъ въ духовныхъ училищахъ грузинскаго экзархата такимъ образомъ, чтобы замѣщеніе поименованныхъ вакансій въ сихъ училищахъ предоставить непосредственному усмотрѣнію преосвященнаго экзарха Грузіи.

(Церк. Вѣстникъ за янв. 1881).

— Донская духовная консисторія представляла епархіальному преосвященному свѣдѣнія о положеніи дѣла по вопросу объ установленіи по Донской епархіи опредѣленной таксы за христіанскія требоисправленія, возбужденному депутатами донскаго епархіальнаго съѣзда, бывшаго въ сентябрѣ 1878 года. На представленіи по сему предмету его высокопреосвященство 28 ноября 1880 года далъ слѣдующую резолюцію: «опредѣленная плата за исправленіе церковныхъ требъ можетъ быть установлена самимъ духовенствомъ вмѣстѣ съ своими прихожанами, по обоюдному ихъ согласію, а не епархіальнымъ начальствомъ, которое не можетъ заставить ихъ платить духовенству извѣстное вознагражденіе за труды его». (Донск. Еп. Вѣд.).

— Сапожковское уѣздное земское собраніе (Рязанской губ.), разсмотрѣвъ проектъ врача Кипарисова относительно принятія мѣръ, необходимыхъ для усиленія въ сапожковскомъ уѣздѣ оспопрививанія, постановило между прочимъ принять слѣдующія мѣры: просить епархіальное начальство вмѣнить въ обязанность священникамъ: 1) на основаніи 1002, 1003, 1004 и 1005 ст. устава медицинской полиціи XIII т. Св. Зак. Рос. Имп. разъяснить ихъ прихожанамъ: а) что прививаніе коровьей (предохранительной) оспы избавляетъ привитыхъ отъ заболѣванія натуральною оспою, б) что прививать оспу можно во всякое время года, что ребенка, которому привита оспа, необходимо сберегать отъ простуды, точно также какъ и всякаго другаго ребенка, что прививаніе оспы ни къ какимъ смертельнымъ болѣзнямъ дѣтей не располагаетъ, в) что снимать оспенную лимфу съ привитаго ребенка необходимо, иначе оспопрививаніе не можетъ поддерживаться, что подобное снятіе не вредно для ребенка и прививаніе не теряетъ отъ того предохранительной силы, г) что прививаніе необходимо не только дѣтямъ, но

и взрослымъ, если послѣднимъ совершенно не была привита оспа, или если и была привита, но врачъ все-таки совѣтуетъ повторить прививаніе, въ виду появленія эпидеміи натуральной оспы въ сосѣдствѣ, д) что самая операція прививанія вовсе не болѣзненна и подобна простому уколу булавки. 2) Непремѣнно доставлять земскимъ врачамъ вѣдомость о рождающихся ежегодно, ограничиваясь хотя-бы только числомъ родившихся, безъ поименованія ихъ.

— Тоже собраніе, выслушавъ докладъ управы, по поводу постановленія съѣзда земскихъ врачей Рязанской губерніи, объ огражденіи возможности зараженія эпидемическими болѣзнями, чрезъ больныхъ дѣтей, приносимыхъ въ церковь для причастія, постановило покорнѣйше просить его преосвященство—не будетъ-ли возможно: 1) предписать духовенству, во время эпидеміи, служить *двѣ обѣдни* въ недѣлю, одну для здоровыхъ, а другую для больныхъ дѣтей, во время которой, ни въ какомъ случаѣ, здоровыхъ *дѣтей въ церковь не пускать*; 2) предписать имѣть въ каждой церкви двѣ пелены, употребляемыя при причастіи, одну для здоровыхъ, а другую для больныхъ и 3) рѣшеніе вопроса о необходимости этой мѣры, въ каждомъ данномъ случаѣ, признать зависящимъ отъ мѣстнаго земскаго врача, сообщеніе котораго обязательно было бы для настоятелей мѣстныхъ церквей. (Ряз. еп. вѣд.).

— Саратовская духовная консисторія, по выслушаніи отношенія саратовскаго уѣзднаго комитета общественнаго здравія, отъ 18 минувшаго ноября, по поводу появившейся въ Саратовскомъ уѣздѣ на дѣтяхъ скарлатины и злокачественной жабы, съ утвержденія его преосвященства предписала священно-церковнослужителямъ саратовской епархіи, чтобы они, при появленіи въ ихъ приходахъ болѣзней съ признаками эпидемическаго свойства, какъ-то: скарлатины, тифа, оспы и проч.: 1) внушали прихожанамъ: а) принимать рекомендуемыя медициною предосторожности противъ зараженія этими болѣзнями и въ особенности слѣдовали въ такихъ случаяхъ совѣтамъ, какіе будутъ предлагаемы мѣстными врачами противу развитія извѣстныхъ болѣзней въ какой либо мѣстности; б) въ случаѣ заболѣванія младенцевъ не приносили бы ихъ для причащенія въ церковь, гдѣ отъ нихъ могутъ заразиться здоровые, а приглашали бы для того священниковъ къ себѣ въ домъ послѣ литургіи и всего лучше причащали бы младенцевъ, по возможности чаще, въ благопріятное время, когда они находятся въ здоровомъ состояніи; 2) когда,

противу чаянія, будутъ принесены въ церковь больные младенцы для пріобщенія, то священники пріобщали бы ихъ послѣ литургіи, отлагая въ особую лжицу Святые дары, а для утиранія имѣли бы чистые новаго бѣлаго холста платы, которые затѣмъ сожигали бы и съ пепломъ поступали по указаніямъ «Учительнаго Извѣстія», лжицы же тщательно обмывали горячею чистою водою въ особыхъ для того сосудахъ, а не въ обычныхъ ковшецахъ, и 3) больныхъ заразительными болѣзнями отъ семилѣтняго возраста и выше пріобщали бы преимущественно запасными дарами на домахъ изъ особыхъ сосудовъ, которые, какъ неподлежащіе зараженію, по указаніямъ ст. 1183 и 1412 медицинскаго устава, только обмывали бы тщательно чистою водою и обтирали особыми платами изъ бѣлаго, чистаго холста, а съ послѣдними поступать по указаніямъ 2 ст. этого опредѣленія.

(«Сарат. Еп. Вѣд.).

КНИЖНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Во второй половинѣ ноября и въ первой декабря минувшаго года изданы съ разрѣшенія духовной цензуры слѣдующія книги и брошюры:

Мѣсяцесловъ святыхъ, всею русскою церковію или мѣстно чтимыхъ. Тамбовъ. 1880. 8 д. 300 экз. Выпускъ 1-й: 205 стр.—Выпускъ 2-й: 223 стр.—Выпускъ 3-й: 410 стр.

Желобовскій, прот. Объясненіе десяти заповѣдей Господнихъ. Спб. 1880. 8 д., 152 стр. 10.000 экз. Ц. 30 к.

Соколовъ, Дм., прот. Молитвы, заповѣди и символъ вѣры съ объясненіемъ. Изданіе 14-е. Спб. 1880. 8 д. 24 стр., 30,000 экз. Ц. 15 к.

Огневъ, В., прот. Страницы изъ исторіи книги на Руси. Церковно-историческіе опыты. Вятка. 1880. 8 д., 130 стр., 1.200 экз. Ц. 75 к.

Душеполезныя размышленія. Москва. 1880. 8 д., 2.700 экз. Выпускъ IX: 32 стр.—Выпускъ X: 15 стр.

Царскій путь креста Господня, вводящій въ жизнь вѣчную. Въ русскомъ переводѣ. Изданіе второе, козельской введенской оптиной пустыни. Москва. 1880. 8 д. III+273 стр., 2.400 экз. Ц. 1 р.

Левитскій, Романъ, соборный прот., магистръ. Слово о построеніи соборнаго свято-троицкаго храма въ гор. Балашовѣ. Москва. 1880. 4 д., 8 стр., 600 экз.

Черты изъ семейной жизни святыхъ патріарховъ Авраама, Исаака и Іакова. Москва. 1880. 18 д., 36 стр., 12.000 экз.

Житіе и страданіе св. великомученицы Параскевы. Москва. 1880. 18 д., 34 стр., 12.000 экз.

Память святыхъ седьми отроковъ, иже во Ефесѣ. Москва. 1880. 18 д., 35 стр., 12,000 экз.

Сказаніе о чудотворной Иверской иконѣ Божіей Матери. Москва. 1880. 18 д., 72 стр., 2.000 экз.

Житіе преподобнаго Исаакія затворника печерскаго. Москва. 1880. 18 д., 36 стр., 12.000 экз.

Евангельская притча о милосердномъ самарянинѣ. Москва. 1880. 18 д., 36 стр., 12.000 экз.

Святый апостолъ и евангелистъ Іоаннъ Богословъ. Москва. 1880. 18 д., 36 стр., 12.000 экз.

Сказаніе о жизни св. апостола Петра. Москва. 1880. 18 д., 36 стр., 12,000 экз.

Страданія и чудеса св. великомученика Димитрія Солунскаго. Москва. 1880. 18 д., 35 стр., 12.000 экз.

Ковальницкій, А., свящ. Жена христіанка. Ломжа. 1880. 8 д., 7 стр., 1.440 экз.

Полные святцы съ краткими житіями святыхъ и пасхаліею на 60 лѣтъ. Москва. 1880. 17 д. 287 стр., 13.200 экз. Ц. 50 к.

Годичный актъ въ московской духовной академіи 1-го октября 1880 года. Москва. 1880. 8 д., 22+38 стр.

Весинъ, Павелъ, прот. Поученіе о пьянствѣ. Спб. 1880. 8 д., 9 стр., 500 экз.

Весинъ, Павелъ, прот. Поученіе объ удержаніи отъ празднословія и сквернословія. Спб. 1880. 8 д., 6 стр., 500 экз.

Историко-археологическое описаніе Бѣлогостицкого монастыря. Спб. 1880. 8 д., 525 экз.

Соколовъ, Дм. прот. Начальное наставленіе въ православной христіанской вѣрѣ. Изданіе 22-е Спб. 1880. 16 д., 50.000 экз. Ц. 2о к.

Ковальницкій, свящ. Примѣры святости въ жизни христіанъ, бывшихъ ремесленниками. Изданіе 2-е. Ломжа. 1880. 4 д., 63 стр., 1.440 экз. Ц. 25 к.

Послѣ предисловія о томъ, что занятіе полезными ремеслами—дѣло благочестивое и угодное Богу, изложены (подъ руководствомъ «Четьихъ-Миней» и сочиненія архіеп. Филарета черниговскаго «Русскіе святые») черты изъ жизни 1) св. Іосифа-Обручника (плотника); 2) св. Филарета-милостиваго (земледѣльца); 3) св. мучениковъ Флора и Лавра (каменьщиковъ) и Прокла и Максима (ваятелей; 4) св. Алипія (иконописца); 5) св. Пахомія (кожевника); 6) св. Александра (угольщика); 6) пр. Симеона Верхотурскаго (портнаго); 7) св. Конона (огородника) и 8) пр. Арсенія Коневскаго (ковача). Книжка издается вторично,—значитъ предлагаетъ чтеніе, которое любитъ народъ и которымъ назидается.

Ковальницкій, свящ. Рождество І. Христа, какъ доказательство Его Божественности. Ломжа. 1880. 4 д. 14 стр., 1.440 экз. Ц. 10 к.

Ковальницкій, свящ. Взглядъ на ученіе соціалистовъ объ общеніи имуществъ. Ломжа. 1880. 4 д., 8 стр., 1.440 экз. Ц. 6 к.

Ковальницкій, свящ. Препод. Марія египетская. Ломжа. 1880. 4 д., 8 стр., 1.440 экз. Ц. 6 к.

Макарій, архим. Слова, бесѣды и поученія. Спб. 1880. 8 д., 261 стр., 2.350 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Другъ-наставникъ при Божественной литургіи. Спб. 1880. 8 д. 32 стр. 2.350 экз. Ц. 10 к.

Изреченія богомудрыхъ отцовъ церкви о милосердіи и благотворительности. Спб. 1880. 8 д., 12 стр., 3.000 экз.

Сказаніе о препод. отцѣ нашемъ Еразмѣ, кіево-печерскомъ чудотворцѣ. Спб. 1880. 8 д., 3 стр. 3.000 экз.

Слово при закладкѣ вновь устрояемаго храма во имя Варлаама Хутынскаго. Спб. 1880. 8 д., 8 стр., 3.000 экз.

Молись Господу о покаяніи. Изданіе третье. Москва. 1880. 16 д., 16 стр., 6.000 экз. Ц. 2 к.

Жизнь св. пророка Иліи. Москва. 1880. 16 д., 31 стр., 8.400 экз. Ц. 4 к.

Виноградовъ, свящ. О воровствѣ. Москва. 1880. 16 д., 32 стр., 6.000 экз. Ц. 5 к.

Марковъ, Н., свящ. Обзоръ философскихъ ученій. Москва. 1880. 8 д., 228 стр., 1.200 экз. Ц. 1 р. 50 к.

О пьянствѣ и другихъ худыхъ привычкахъ. Москва. 1880. 8 д., 47 стр., 5.700 экз. Ц. 20 к.

Сказаніе о земной жизни Пресвятой Богородицы. Изданіе 4. Москва. 1880. 8 д., 293 стр., 5.000 экз.

Іосифъ, архимандритъ. Путеводитель по святынѣ и священнымъ достопамятностямъ Москвы и ея окрестностей. Изданіе 8-е. Москва. 1880. 8 д., 223 стр., 2.400 экз.

Троицкіе листки. Духовно-нравственное чтеніе для народа. Изданіе св. Троицкой Сергіевой лавры. №№ 1—40. М. 1880.

Многіе вѣроятно еще не знаютъ о томъ прекрасномъ дѣлѣ, которое предприняла и второй уже годъ ведетъ Троицкая Сергіева лавра. Въ праздничные дни многочисленнымъ богомольцамъ изъ простаго народа, приходящимъ на поклоненіе преп. Сергію, безплатно, какъ благословеніе обители, раздаются издаваемые лаврой «листки» въ четыре страницы, содержащіе въ себѣ краткія и общедоступныя религіозно-нравственныя статьи. «Не каждый,—

какъ справедливо замѣчаетъ редакторъ этихъ листковъ, одинъ изъ братіи лавры,—не каждый имѣетъ средства купить полезную и назидательную книжку, да и не всякій, кто купитъ, имѣетъ довольно свободнаго времени, чтобы прочитать ее. Другое дѣло—листокъ. Доступный каждому по ничтожной цѣнѣ, онъ по содержанію можетъ быть полезнѣе и занимательнѣе иной книги, требуя при томъ немного и времени для прочтенія. Нужно только, чтобы листокъ по изложенію не былъ сухимъ, безжизненнымъ, скучнымъ разглагольствіемъ, чтобы то, что читатель найдетъ въ немъ, дошло до его сердца, нашло отзывъ въ его душѣ. Писанія Богомудрыхъ отцевъ и учителей церкви въ этомъ отношеніи имѣютъ особое преимущество предъ обыкновеннымъ словомъ человѣческимъ. Ихъ слово согрѣто вѣяніемъ обитавшей въ нихъ благодати св. Духа. Умилительный чинъ православнаго богослуженія и его обряды также много говорятъ сердцу. Много поучительнаго для ума и питательнаго для сердца представляетъ и вообще наша духовная литература. А жизнеописанія святыхъ людей и подвижниковъ благочестія представляютъ неистощимый запасъ опыта христіанской жизни». Дать чтеніе для народа съ такимъ содержаніемъ и имѣютъ въ виду «Троицкіе Листки» и, нужно отдать имъ справедливость, умѣло выполняютъ свою задачу.

Тѣмъ, кто пожелалъ-бы принять участіе въ распространеніи этихъ листковъ, они предлагаются по 75 коп. за 100 экземпляровъ каждаго №. Вся сумма, выручаемая отъ такой продажи, идетъ на изданіе тѣхъ же листковъ.

Опредѣленіями особаго отдѣла ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, утвержденными г. товарищемъ министра, постановлено:

— Составленную С. Рождественскимъ книгу: «Краткая отечественная исторія въ разсказахъ, для народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ, съ портретами замѣчательныхъ лицъ. Изд. 6-е, дополненное. Спб. 1880, Цѣна 30 к.»—допустить въ библіотеки народныхъ училищъ и для чтенія въ классахъ сихъ училищъ.

— Составленную Д. и Е. Тихомировыми книгу: «Букварь для совмѣстнаго обученія письму и чтенію», съ картинками и статьями для первоначальныхъ упражненій въ чтеніи по-русски и церковно-

славянски для народныхъ школъ. Изданіе 7-е. Москва. 1880. Цѣна 15 к.,—допустить къ употребленію въ начальныхъ училищахъ.

— Составленныя А. Н. Бахметевою брошюры: 1) «Крѣпость», разсказъ для дѣтей, передѣланный съ англійскаго. Изд. 2-е. Москва. 1880. Цѣна 5 к. и 2) «Какъ Паша старался быть добрымъ мальчикомъ» и «Сиротка». Москва. 1871. Цѣна 3 к.,—одобрить для библіотекъ сельскихъ и городскихъ начальныхъ училищъ, какъ книги для чтенія.

— Составленную И. Д. Кошкаровымъ брошюру: «Для чего образуются общества покровительства животныхъ». Чтеніе для народа. Спб. 1875.,—допустить, какъ книгу для чтенія, въ ученическія библіотеки начальныхъ городскихъ и сельскихъ школъ.

— Составленную Н. А. Козаченко брошюру: «Наставленіе для народа о томъ, какъ предохранять животныхъ отъ заболѣванія заразительными болѣзнями, а также о томъ, какъ люди должны поступать, чтобы не заразиться отъ животныхъ, и какъ лѣчить заболѣвшихъ животныхъ до прибытія врача. Изд. 2-е. Вятка. 1880,—допустить въ библіотеки начальныхъ народныхъ училищъ.

— Изданную А. Н. Бахметевою брошюру: «Красный Сарафанчикъ». Разсказъ для дѣтей, передѣланный съ англійскаго. Москва. 1875. Цѣна 3 к.,—допустить въ библіотеки сельскихъ училищъ, какъ книгу для чтенія.

— Господинъ управляющій министерствомъ народнаго просвѣщенія призналъ возможнымъ: 1) книгу подъ заглавіемъ: «Святость Царскаго Имени». Книжка для народнаго чтенія. Составилъ Ив. Савченковъ, крестьянинъ села Соловьевки, Радомысльскаго уѣзда Кіевской губерніи. Изданіе редакціи народнаго журнала «Сельская Бесѣда». Спб. 1880,—допустить въ начальныя народныя училища; 2) изданную обществомъ распространенія полезныхъ книгъ брошюру подъ заглавіемъ: «Св. Савва освященный и св. Іоаннъ Дамаскинъ». Съ двумя рисунками. Москва. 1877. Цѣна 20 к.,—допустить для библіотекъ народныхъ школъ.

(Журн. Мин. Нар. Просв., 1881, янв.).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ВЪ КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ НИКОЛАЯ ЯКОВЛЕВИЧА ОГЛОБЛИНА ВЪ КІЕВѢ И С.-ПЕТЕРБУРГѢ (Малая Садовая, № 4).

ИЗДАНІЯ АРХИМАНДРИТА МИХАИЛА,

нынѣ викарія Кіевскаго, епископа Чигиринскаго, ректора Кіевской духовной академіи.

1. ТОЛКОВОЕ ЕВАНГЕЛІЕ.

Евангеліе отъ Матѳея, Марка, Луки и Іоанна, на славянскомъ и русскомъ нарѣчіи, съ предисловіями и подробными объяснительными примѣчаніями Доктора Богословія, *Архимандрита Михаила*, въ трехъ книгахъ, въ больш. 8-ю долю листа въ двѣ колонны.

Книга первая—Евангеліе отъ **Матѳея**. 1871. Стр. X и 568. Цѣна **2** руб. **75** к., съ пересылкою **3** руб. **25** коп.

Книга вторая—Евангеліе отъ **Марка** и **Луки**. 1871. Стр. VI и 615. Ц. **2** р. **75** к., съ пересылкою **3** руб. **25** коп.

Книга третья—Евангеліе отъ **Іоанна**. 1874. Стр. II и 658. Цѣна **2** руб. **75** коп., съ пересылкою **3** руб. **25** коп.

2. ТОЛКОВЫЙ АПОСТОЛЪ.

Книга первая: Дѣянія св. Апостоловъ на славянскомъ и русскомъ нарѣчіи, съ предисловіями и подробными объяснительными примѣчаніями *Архимандрита Михаила*, М. 1876. Стр. IV 649. Ц. **2** р. **75** к., съ пересылкою **3** р. **25** к.

3. О ЕВАНГЕЛІЯХЪ И ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ИСТОРІИ. По поводу книги Ренана «Жизнь Іисуса» (Vie de Jesus, par M. E. Renan). Опытъ обзора и разбора такъ называемой отрицательной критики Евангелій и евангельской исторіи—*Архимандрита Михаила*. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва. 1871 г., стр. 362. Ц. **1** руб. **75** коп., съ пересылкою **2** руб. **25** коп.

4. ВВЕДЕНІЕ ВЪ НОВОЗАВѢТНЫЯ КНИГИ СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ соч. *Г. Герике*. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей *Архимандрита Михаила*. Въ двухъ частяхъ. Москва. 1869 годъ, стр. 600. Цѣна за обѣ части **2** руб. **50** коп., съ перес. **3** руб.; за каждую отдѣльно по **1** руб. **50** коп.